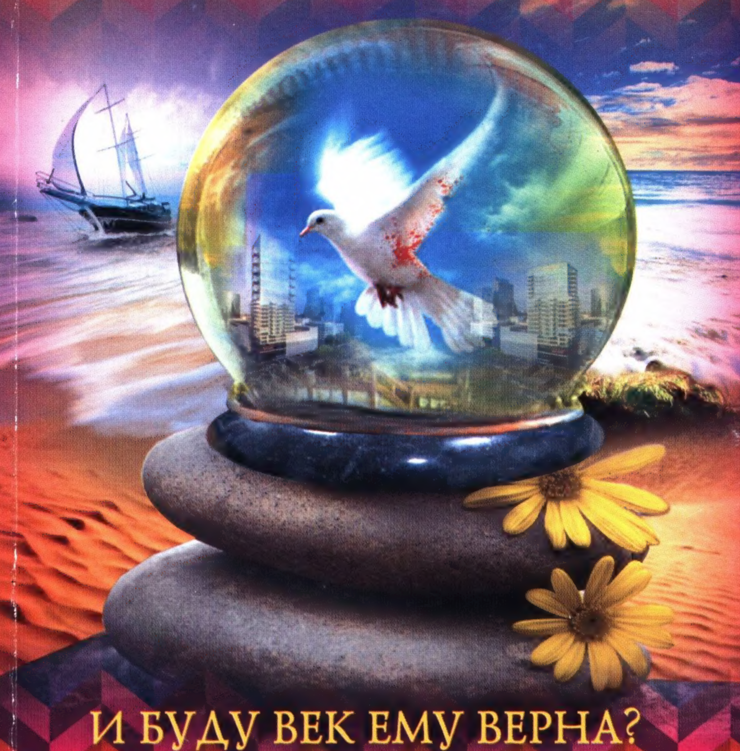
АВАНТЮРНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Татьяна ПОЛЯКОВА



И БУДУ ВЕК ЕМУ ВЕРНА?

Фенька поймала счастье за хвост. Теперь нужно лишь удержать. А удержать не получилось. Ее возлюбленному была нужна не она...

ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ – АВАНТЮРНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ
ТАТЬЯНЫ ПОЛЯКОВОЙ

✦

Деньги для киллера
Ставка на слабость
Тонкая штучка
Я – ваши неприятности
Строптивая мишень
Как бы не так
Чего хочет женщина
Сестрички не промах
Черта с два
Невинные дамские шалости
Жестокий мир мужчин
Отпетые плутовки
Ее маленькая тайна
Мой любимый киллер
Моя любимая стерва
Последнее слово за мной
Чумовая дамочка
Интим не предлагать
Овечка в волчьей шкуре
Барышня и хулиган
У прокурора век недолог
Мой друг Тарантино
Чудо в пушистых перьях
Любовь очень зла
Час пик для новобрачных
Фитнес для Красной Шапочки
Брудершафт с терминатором
Миллионерша желает познакомиться
Фуршет для одинокой дамы
Амплуа девственницы
Список донжуанов
Ангел нового поколения
Бочка но-шпы и ложка яда
Мавр сделал свое дело
Тень стрекозы
Одна, но пагубная страсть
Закон семи
Сжигая за собой мосты
Последняя любовь Самурая
Невеста Калиостро
Испанская легенда
4 любовника и подруга
Welcome в прошлое
С чистого листа
Мое второе я
Уходи красиво
Неутолимая жажда
Огонь, мерцающий в сосуде
Она в моем сердце
Найти, влюбиться и отомстить
Тайна, покрытая мраком
Выйти замуж любой ценой
Миссия свыше
Жаркое дыхание прошлого

СЕРИАЛ «ФЕНЬКА — FEMME FATALE»

И буду век ему верна?

Единственная женщина на свете

Трижды до восхода солнца

Вся правда, вся ложь

Я смотрю на тебя издали

Небеса рассудили иначе

СЕРИАЛ «АНФИСА И ЖЕНЬКА – СЫЩИЦЫ ПОНЕВОЛЕ»

Капкан на спонсора

На дело со своим ментом

Охотницы за привидениями

Неопознанный ходячий объект

«Коламбия пикчерз» представляет

Предчувствия ее не обманули

СЕРИАЛ «ОЛЬГА РЯЗАНЦЕВА – ДАМА ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ»

Все в шоколаде

Вкус ледяного поцелуя

Эксклюзивный мачо

Большой секс в маленьком городе

Караоке для дамы с собачкой

Аста Ла Виста, беби!

Леди Феникс

Держи меня крепче

Новая жизнь не дается даром

СЕРИАЛ «ОДНА ПРОТИВ ВСЕХ»

Ночь последнего дня

Та, что правит балом

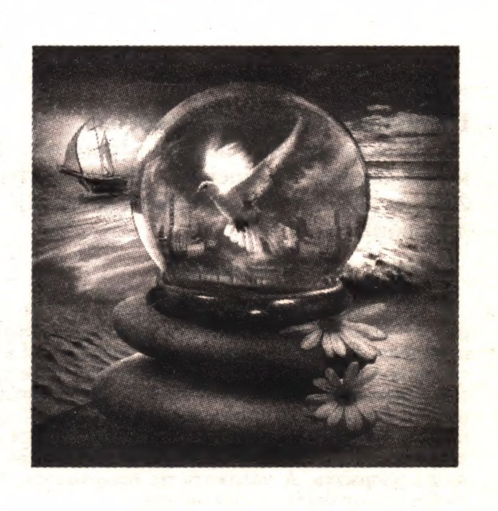
Все точки над i

Один неверный шаг

Татьяна
Полякова

◆

И БУДУ ВЕК ЕМУ ВЕРНА?



Москва 2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Прохоровой*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 И буду век ему верна? : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. —(Авантюрный детектив Т. Поляковой).

ISBN 978-5-699-83646-8

С первого взгляда он ей не понравился. Со второго — стал раздражать. С третьего — она его возненавидела. А с четвертого — влюбилась. Как в омут с головой бросилась Фенька в новое для себя чувство. Не замечала ничего вокруг. Только бы любимый был рядом. Но на пути к счастью стоял муж. И она пошла до конца. Согласилась на все, и... мужа не стало. Фенька поймала счастье за хвост. Теперь нужно лишь удержать. А удержать не получилось. Ее возлюбленному была нужна не она...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83646-8

—Только ничего не перепутай, — с серьезной миной заявила мне Юлька, вычерчивая план будущей клумбы. Я кивнула, не особенно прислушиваясь к ценным советам, уверенная, что справлюсь с нехитрой работой.

Сегодня утром мы с подружкой купили цветочную рассаду, намереваясь украсить палисадник перед ее домом. Юлька подошла к идее со всей серьезностью, мне было все равно, чем заниматься, и я охотно вызвалась ей помочь. Дом подруги находился в пригороде, в полукилометре от него начинался лесопарк, где было озеро, небольшое, но симпатичное, и я надеялась, быстро управившись с посадкой цветов, прогуляться и позагорать.

Однако не успели мы выгрузить рассаду, как Юльке позвонили, с разнесчастным видом она сообщила, что ее вызывают на работу. Ежедневный трудовой подвиг она совершала в небольшой фирме, торгующей сантехникой. Устроилась она туда года полтора назад и явно при неблагоприятном расположении звезд, потому что без ее чуткого пригляда работа там не клеилась,

стоило Юльке ненадолго отлучиться, как телефон начинал звонить беспрерывно. Вот и сегодня, в ее законный выходной, приехали партнеры из соседнего областного центра, и Юлькин босс решил, что ей непременно надо присутствовать при встрече, хотя она и не видела в этом никакой необходимости. С шефом, само собой, не поспоришь, и она засобиралась на работу, употребляя выражения, которые не пристало произносить интеллигентной девушке. Я могла бы смыться под благовидным предлогом, но цветочки было жалко, оттого я безропотно согласилась сажать их в одиночестве.

Юлька отбыла на видавшем виде «Ситроене», а я, переодевшись в старый пляжный халат и натянув резиновые перчатки, отправилась в палисадник, на ходу изучая план и прикидывая, как половчее справиться с задачей. Тут выяснилось, что, прежде чем сажать цветы, придется клумбу вскопать. Клумба тут же показалась мне гигантской, но делать было нечего, и я вооружилась лопатой. Вскоре подошла соседка, на редкость болтливая тетка, но сегодня я была ей рада, под переливы ее звонкого голоса работа пошла веселее. Она между делом дала мне пару советов, которые шли вразрез с Юлькиными пожеланиями и оттого ценными мне не показались.

— Должно быть, дождь будет, — в заключение сообщила соседка с тяжким вздохом, и я, запрокинув голову к небу, поспешила с ней согласиться. Она ушла, а я в хорошем темпе занялась посадкой цветов, то и дело поглядывая в сторону

лесопарка, над которым нависла туча, готовая в любой момент пролиться дождем, и гадая, что случится раньше: я закончу работу или ливень начнется. В какой-то момент тучу отнесло в сторону, клумба зазеленела, а дождь так и не пошел. Чувствуя ломоту во всем теле, я устроилась на перевернутом ведре и вытянула ноги. В душе царило умиротворение от близости к природе и лицезрения результатов своего труда. Подниматься и идти в дом не хотелось, я разглядывала строения напротив, в основном добротные коттеджи, как-то незаметно выросшие здесь за последнее время и сейчас теснившие десяток скромных домиков, построенных еще в шестидесятых годах прошлого века. Один из них принадлежал в ту пору Юлькиной бабушке, а теперь по наследству перешел к ней. Продавать его подруга не хотела, хотя у нее была квартира в центре города, а за изрядный кусок здешней земли ей предлагали огромные деньги. Юльке дом было жаль, она называла его дачей и намеревалась растить в нем своих детей, которых еще требовалось завести. Задача эта не из легких, учитывая, что на любовном фронте дела ее шли ни шатко ни валко. В общем, я сидела себе на ведре, размышляя о Юльке и ее перспективах выйти замуж, когда из-за поворота показалась спортивная тачка ярко-красного цвета и затормозила возле калитки. Я заинтересованно ждала, что будет дальше, окно со стороны водителя открылось, и я увидела блондинку со вздернутым носиком и огромными, в пол-лица, очками.

— Простите, улица Сосновая — это где? — спросила она.

— Прямо и направо, — ткнув пальцем в нужном направлении, сказала я.

Тут хлопнула дверь, и из-за машины показался мужчина. Высокий, в дорогом костюме. Стильная стрижка и темные очки. Невероятно, но в первый момент я его не узнала. Только успела подумать, что у блондинки хороший вкус.

— Прямо и направо? — насмешливо уточнил он, а у меня все поплыло перед глазами, потому что стало ясно, кто передо мной. Если он ждал, что я отвечу, то напрасно. Все силы ушли на то, чтобы с ведра не свалиться. Мужчина стоял в пяти метрах от меня, засунув руки в карманы брюк, и ухмылялся.

«Нам бы встретиться с тобой в Ницце. Я жена российского посла, и на мне роскошный туалет, бриллианты величиной с кулак, я бы взглянула на тебя и не узнала. Только у меня вечно все не так: вот сижу на ведре, в линялом халате, на ногах разбитые кроссовки, да и ноги не мешало бы помыть после недавних трудов».

— Милый, — в некотором недоумении позвала блондинка, он направился к машине, но повернулся и выдал свою лучшую улыбку.

— Значит, прямо и направо? — повторил, смеясь, я глупо кивнула, и через мгновение машина исчезла. Я смотрела ей вслед, долго смотрела, потом тряхнула головой, словно намереваясь избавиться от наваждения.

— Это он, — сказала я, самой себе не веря,

еще раз тряхнула головой и добавила: — Так не бывает.

Надо было подняться и идти в дом, но сил на это не нашлось. Я сидела, пялилась в пустоту, а память услужливо рисовала картины прошлого, и то, что я старалась забыть, мгновенно вернулось, как будто было вчера...

Я сижу на скамейке в южном городе... да, именно там все и началось...

Я сижу на скамейке, вытянув ноги и закинув руки за голову. Небо голубое, солнце ярко светит, я стойко радуюсь жизни. А чем еще может заниматься летом на южном курорте одинокая женщина? Тем более что эта женщина я? Само собой, я довольна всем миром. Не то чтобы у меня был какой-то особый повод; если задуматься, то выходило даже наоборот, в том смысле что радоваться мне вроде бы и нечему. Я пытаюсь развить эту тему, но полуденное солнце действует на меня усыпляюще, мысли как-то странно растекаются, все, кроме одной: кушать очень хочется. В животе заурчало, и я досадливо поморщилась. Я вспомнила, что в кармане шорт у меня сто двадцать два рубля, однако жить мне на эту сумму нужно еще дня два, это в случае, если денежные переводы все-таки придут. А если нет? Этим вопросом сейчас я совершенно не хочу заниматься.

А народ, между прочим, дружно тянется к точкам питания. Пора всерьез подумать о хлебе насущном. Мимо, косясь в мою сторону, прошли два молодых человека, симпатичные, только вот

радости от них нет никакой: денег у парней кот наплакал, а хлопот... Я обозрела окрестности: такое впечатление, что на юге отдыхают только женщины. Ладно, черт с ним, с пропитанием, в конце концов, за пару дней с голоду я не умру. В животе вновь заурчало, я малодушно прикинула: а не податься ли к Валерику? Валерик — тип, который меня сюда привез, в смысле, в этот самый город. Отдыхать. Мы вроде бы хотели пожениться. Не самая лучшая идея. Еще худшая — выяснять с ним отношения вдали от отчего дома. Само собой, закончилось это для меня плачевно. На счет «три» я вылетела из гостиницы без чемодана и средств к существованию. Правда, кое-какие средства у меня все же были: жизненный опыт научил хоть немного денег всегда иметь при себе. Этого «немного» хватило заплатить хозяйке за угол на три ночи и отбить телеграммы дорогим родственникам с просьбой оказать посильную помощь. Проще было бы позвонить, но объясняться с дорогими и близкими не хотелось. Телеграмма, с моей точки зрения, куда действеннее заполошного звонка. Мобильного у меня нет, так что либо гражданам придется выслать деньги, либо мучиться неизвестностью, лелея надежду когда-нибудь меня увидеть. Счастье, что я встретила добрейшую женщину — мою хозяйку. Кто бы еще пригрел девицу с придурью, зато без чемодана и паспорта? Идти к Валерику совсем не хочется. Вероятность получить назад свои вещи весьма невелика, а зануда он страшный. Когда я уже твердо решила голодать ближайшие два дня, передо мной появился роскошный «Мерседес» и

плавно затормозил. Мой взгляд замер на номере машины, и сердце сладко екнуло: прибыл этот самый «Мерседес» из моего родного города. Приятно на чужбине встретить земляка. В животе опять весьма некстати заурчало. Задняя дверь распахнулась, и появился «земляк», очень симпатичный тип, между прочим. А за моей спиной раскинулся сквер, через него пролегал кратчайший путь в забегаловку, которую местные остряки называют лучшим рестораном города. Мужчина поднялся на три ступеньки и оказался рядом со мной.

— Привет, — радостно говорю я.

Он поворачивает голову. Вид моей красной майки и шорт, на скорую руку смастаченных из старых джинсов, не производит должного впечатления. Ясное дело: о Черкизовском рынке парень никогда не слышал, а если и слышал, то вряд ли ему придет охота совершить туда паломничество. На нем брюки из льна и рубашка с коротким рукавом. Как любит выражаться моя сестрица, «в стиле неброской роскоши». Ботинки заслуживают отдельного описания, моего таланта вряд ли хватит, чтобы воздать им должное. Я смотрю на свои сланцы. Угораздило же вырядиться на момент спешного бегства от Валерика.

— Мы что, знакомы? — без улыбки спрашивает мужчина.

На моей физиономии улыбка в тридцать два карата.

— Не-а, просто мы из одного города, если эта машина ваша.

— Вот оно что, — говорит он, но как-то неохотно.

Я продолжаю сиять, как электрическая лампочка, и выкладываю свой козырь:

— Меня Фенькой зовут.

— Это что, кличка?

— Почему? Это имя.

— Серьезно?

«Ты хоть улыбаться-то умеешь?» — с тоской думаю я, однако другого «обеда» поблизости не видно, и я продолжаю сиять.

— В детстве книжку про Феньку читали? Она еще керосин пила?

Через тридцать секунд он отвечает:

— Точно, и гвозди ела, — и улыбается. Улыбка у него блеск, пожалуй, не хуже моей. С этой самой улыбкой он качает головой: — Надо же, и в самом деле помню. Рассказ — нет, а про гвозди и керосин — помню.

— Это своеобразие детского восприятия, — мудро замечаю я, сдвигаюсь вправо, чтобы незнакомец мог сесть на скамейку, и он садится.

— Вас действительно так зовут? — все еще с улыбкой спрашивает он.

— Ага, мама удружила. Ей, знаете ли, не повезло. Родители назвали ее Августой. Другая бы с таким именем свихнулась, а маменька выдвинула годам к двадцати пяти теорию, что только обладатель редкого имени способен стать выдающимся человеком. Меня назвали Ефимией, а мою сестрицу Агатой. Ужас, правда?

Он смеется.

— Ну, почему же? В мыслях вашей мамы что-то есть.

Теперь он меня разглядывает. Я непроизвольно выпрямляю спину, грудь вперед, живот подбираем, впрочем, его и так нет. Улыбка моя достигает устрашающих размеров, а вот с утра надо было расчесаться. Ладно, сойдет и так. Загар у меня сногсшибательный, и вообще я девчонка хоть куда, только барахлишко подкачало. Вернусь домой — выброшу его на помойку.

— Значит, вы здесь отдыхаете?

— Угу.

— Давно?

— Неделю.

— А можно спросить, с кем?

— Да ни с кем. То есть в настоящий момент я одна. Вообще-то я прибыла сюда с другом, но с ним произошла ужасная неприятность. Так что теперь мы отдыхаем врозь.

Мой земляк смотрит на часы — скромный с виду «Ролекс».

— Я собирался обедать. Как вы, составите мне компанию?

— Замечательная идея. Вы в эту забегаловку направляетесь? — Я тычу пальцем за свою спину.

— Да. Вам она не по душе?

— Да нет. Просто меня туда не пустят.

— Это мы посмотрим. Кстати, меня зовут Вадим.

— Очень приятно, — мурлычу я и двигаю рядом с Вадимом к вожделенному месту раздачи бесплатной похлебки. Взять его под руку я не реша-

юсь. Вадим с персоналом царственно суров, и вопрос об уместности моего присутствия среди крахмальных скатертей отпадает, не возникнув. С радостно бьющимся сердцем я утыкаюсь в меню, сообщив из вежливости:

— У меня зверский аппетит. Как насчет денег?

— О деньгах не беспокойтесь.

Я решила себя осчастливить. Через час взгляд Вадима становится изумленным, я поглощаю содержимое тарелок ритмично и не сбавляя темпа, сам он лениво ковыряет вилкой в салате. Что он там хочет найти, интересно? Я слегка расслабляюсь и начинаю к нему присматриваться.

До сих пор он был для меня абстрактным «обедом», теперь же приобретает черты симпатичного мужика, сорока с небольшим лет, крупного, холеного, с моложавым лицом и явно шальными деньгами. У него замечательная улыбка и лишних килограммов шесть, хотя живот подобран и держится Вадим молодцом.

— В теннис играете? — спрашиваю я, улыбка у меня будто приклеенная.

— Играю. А вы?

— И я. Иногда.

— Почему иногда?

— Когда деньги есть. Но их почти никогда нет.

Он смеется.

— А чем вы вообще занимаетесь? Учитесь где-нибудь?

— Побойтесь бога, — фыркаю я. — Я взрослая девочка. — За роскошный обед я чувствую себя слегка ему обязанной и сообщаю в порядке ценной

информации: — В родном городе я служу на телевидении. Передачу «Каждый день» смотрите? Вот, я как раз помогаю ее готовить. — В том, что я говорю, есть доля правды, последняя запись в трудовой книжке тому свидетель, хотя я до сих пор не пойму, в чем, собственно, заключалась моя работа. Помнится, я резво бегала по этажам и заваривала кофе на всю братию. Но чаще всего пристраивалась в каком-нибудь уголке с книжкой в руках, от души надеясь, что обо мне никто не вспомнит. В общем, мои знания, умения и опыт там совсем не пригодились, но Вадиму сообщать об этом ни к чему.

— Интересная у вас работа, — говорит Вадим, видимо имеющий смутное представление о службе на телевидении.

— Ага, — радостно соглашаюсь я. — А вид у меня несерьезный из-за этих идиотских шорт и майки. К сожалению, вещи остались у моего друга.

— Кстати, что за неприятность с ним произошла? — спрашивает Вадим.

Я улыбаюсь еще лучезарней, если это вообще возможно.

— Он со мной поссорился. И теперь живет с моим чемоданом и паспортом, а я — с майкой и шортами. Правда, у меня еще есть купальник, без него жизнь на юге чрезвычайно тоскливa. Как вы считаете?

Вадим смеется.

— Ясно. А я удивился вашему аппетиту. Ничего, что я об этом говорю?

— Ничего. Я беру пример с шотландских горцев,

они едят впрок все, что дают, зато потом живут как верблюды.

— У вас есть какие-то родственные связи с шотландскими горцами? — ухмыляется Вадим.

— Нет, просто любовь к приключенческой литературе. Сразу видно, что в детстве вы не читали Вальтера Скотта.

— Я не большой знаток литературы. Значит, вы любите приключения? И часто вы оказываетесь вдали от дома без чемодана и паспорта?

— Впервые. Обычно мне везет.

Я к этому моменту съела все, что могла, усладила слух Вадима интересной беседой, и по всему выходило, что мне пора двигаться к выходу, о чем я изысканно намекнула. Намек был понят, и мы быстренько очутились на улице возле серебристого «мерса». Тут вышла заминка: Вадим, видимо, гадал, что со мной делать дальше. Сама я с удовольствием соснула бы часика полтора после такого плотного обеда, а в четыре отправилась бы на пляж.

— Что ж, — бодрым голосом говорю я. — Спасибо вам большое, встретимся в родном городе — обед за мной.

— Я могу что-то для вас сделать? — вежливо спрашивает Вадим.

— Нет, все в порядке. — Сейчас у меня одно желание: поскорее от него избавиться.

— Какие у вас планы? — опять спрашивает он, видимо, так и не решив, как со мной поступить. Я сообщаю о своих планах. — Тогда, может быть, я отвезу вас домой?

Перспектива тащиться по жаре пешком меня не очень-то прельщает, и приглашение Вадима оказалось весьма кстати. Я сажусь рядом с ним на заднее сиденье «Мерседеса». За рулем молодой парень бандитского вида бросил на меня косой взгляд и хмыкнул. Само собой, ему все ясно. В другое время я его непременно бы озадачила, но после обеда я дружу со всем миром, и его хмыканье меня не волнует. Через пятнадцать минут мы оказываемся возле моего жилья. Вадим с сомнением смотрит на весьма ветхое строение за шатким забором.

— Значит, здесь вы и живете? — говорит он голосом человека, обнаружившего в котлете таракана.

— Побойтесь бога, — отвечаю я. — Кто ж меня в дом-то пустит? Во дворе есть два сарайчика. В одном из них стоит моя раскладушка. Привет.

Я выкатываюсь из машины, машу рукой и скрываюсь за забором. Во дворе за столом соседи играют в карты. Их пятеро: трое парней и две девчонки. Девчонки в преферансе сущие дуры, и мое появление вызывает оживление у мужиков.

— Фенька, садись четвертой!

Себя я считаю непревзойденным игроком в преферанс. Играют без ставок, просто для удовольствия, оттого приглашение я принимаю.

— Мы здесь место нашли — закачаешься, — сообщает Наташка, занятая нанесением боевой раскраски на физиономию. — И народу ни души. Поедешь вечером с нами купаться?

Я пожимаю плечами.

— Посмотрим.

К вечеру начался дождь, ребята отправились в клуб, а мне в голову пришла бредовая идея — прогуляться по набережной. Дождь перешел в тропический ливень, я рванула к дому со скоростью локомотива, при этом сланец с моей левой ноги соскользнул, смешно хрюкнул и, подхваченный потоком, нырнул в люк для стока воды, который, само собой, оказался без решетки. С любопытством заглянув в черную дыру колодца, я мысленно шепчу «это судьба» и бросаю туда второй сланец. Вечер выдался явно неудачный.

На следующее утро я встаю ровно в семь и умываюсь во дворе, плеснув в чугунный умывальник воды из колонки. На крыльце появляется хозяйка, святая женщина по имени Маша, и говорит:

— Фенька, вымой окна в доме, обедом накормлю.

Я вооружаюсь ведром и тряпками с приятной мыслью, что бог есть и он меня любит. К десяти часам работа выполнена с присущим мне блеском. Я подтираю полы и выхожу в сад, чтобы выплеснуть воду. Возле калитки тормозит «Мерседес». Это для меня неожиданность, правда, я ничего не имею против неожиданностей, если они приятные. Появление Вадима из категории приятных. Я вишу на заборе и говорю:

— Привет.

— Привет, — отвечает он, а я тем временем вспоминаю, расчесалась ли с утра, и пытаюсь представить, как выгляжу. Наверное, все-таки неплохо, потому что на лице Вадима ничего, кроме удовольствия от созерцания моей особы, не замечаю.

— Как дела? — говорит он, видимо, чтобы что-то сказать.

— Нормально. Обеспечила себя обедом.

— Жаль. А я рассчитывал, что мы пообедаем вместе.

— Я бы с удовольствием, но мой скромный туалет лишился весьма существенной части.

— Купальник потеряла? — смеется Вадим.

— Бог миловал. Лишилась обуви... — Я демонстрирую свою голую пятку, надо признать довольно грязную.

— Это не проблема, — вновь смеется Вадим, по всему видно, что у человека хорошее настроение.

Я появляюсь из-за забора и беру его под руку. Мы не спеша идем по нашей улочке, а серебристый «Мерседес» едет сзади, тоже не спеша. Я чувствую себя супругой президента.

— Фенечка, — говорит Вадим, — а почему бы нам не отправиться к вашему другу и не забрать вещи?

— У него характер скверный, — отвечаю я. — К тому же я не уверена, что он все еще здесь.

— Ну, так давайте проверим.

Через полчаса мы уже в гостинице, я двигаю по ворсистому ковру коридора рядом с Вадимом и его шофером Сережей. Валерка встречает нас в купальном халате. Вадим ловко оттирает его плечом от двери, и мы проникаем в номер. С чувством глубокого удовлетворения я вижу свой чемодан, сиротливо стоящий у стены. А я-то думала, что он плещется в нейтральных водах Черного моря. Лицо у Валерки злющее-презлющее.

— Я тебя искал, — говорит он.

Я выдаю самую ослепительную улыбку из своего арсенала.

— Я за вещами.

— А это кто?

— Друзья.

— Так, — голос Валерки похож на раскат грома, — уже пристроилась.

— Сережа, возьми чемодан, — приказывает Вадим, а я, оставаясь на безопасном расстоянии от своего бывшего друга, прошу:

— Паспорт верни.

— Он в чемодане.

Я качаю головой:

— Не пойдет. Повода появиться в родном городе в моей квартире у тебя не будет.

Валерка, заметно нервничая, извлекает из ящика стола бумажник, а из него мой паспорт. Все-таки он очень разозлился, потому что швырнул паспорт на пол. Меня такие вещи трогают мало, и, сказав «спасибо», я грациозно наклоняюсь, но Вадим меня опережает. С видом бывалых гангстеров мы покидаем гостиничный номер.

Возле машины я открываю чемодан: все вещи на месте, деньги целы, я издаю победный клич команчей. Пока я развлекаюсь таким образом, Вадим, сидя рядом с шофером, изучает мой паспорт. В разделе для особых отметок стоит свеженький штамп о моем последнем разводе. Слава богу, что я поменяла паспорт, обилие штампов, как правило, производит удручающее впечатление на граждан.

— Интересно? — спрашиваю я.

Вадим смотрит с ласковой улыбкой.

— Знаешь, я рад, что ты в самом деле Фенька и в самом деле из моего родного города.

Ясно, значит, до сих пор у него были сомнения. Я не люблю оставаться в долгу и заявляю:

— Я рада, что ты рад, это первое. Теперь второе: я приглашаю тебя в ресторан. Вроде бы я твоя должница.

— Что ж, приглашение принято. — Он протягивает мне паспорт. — Держи, Ефимия Константиновна.

— Ага, — киваю я. — Правда, меня так никто не зовет. Фенька я.

Обедаем мы по-европейски поздно. Вадим ждет в машине, пока я привожу себя в подходящий случаю вид. Одеваюсь я долго, минут сорок, беготня в драных шортах заметно сказалась на моей квалификации. Однако результаты все-таки неплохие, потому что мой выход из сарайчика сопровождается изумленным свистом любителей преферанса. В ответ я, проходя мимо, демонстрирую пару движений, которые считаю танцевальными, а мой папа неприличными. Вкусы у нас разные.

Вадим выходит из машины. Я довольна произведенным эффектом, мое ярко-желтое платье нанесло очередной сокрушительный удар.

— Фенечка, — говорит он. — Никогда не думал, что одежда способна так изменить женщину. — То, что на мне полкило косметики, он вроде бы не

замечает. — Ты и в шортах выглядела потрясающе, но сейчас... у меня нет слов.

— В хороших тряпках любая женщина чувствует себя немного королевой.

Мы садимся в машину, и я минут двадцать читаю лекцию о женской психологии, выдавая чужие мысли за свои. Трепаться я умею, это единственное, что я делаю почти профессионально. Сережа больше не хмыкает, физиономия у него грустная — надо полагать, у парня голова разболелась от большого количества незнакомых слов. Вадим шарит по мне глазами, мои внешние формы интересуют его несравненно больше внутреннего содержания.

В ресторане я продолжаю демонстрировать хорошие манеры и глубокий ум. На мой вкус, в этой забегаловке нет женщины красивее меня. Надеюсь, все это уже поняли. Вадим смотрит с заметным волнением. Однако я еще не успела очухаться от недавнего романа и заводить новый не испытываю ни малейшего желания. Поэтому твердо следую намеченной линии добрососедских и дружеских отношений. В словесных баталиях я поднаторела несравнимо больше Вадима, и он, как ни старался, сбить меня с занимаемых позиций не смог, потому в десять минут первого жмет мне руку возле моего жилища настойчиво, но вполне пристойно. Мой папа был бы доволен.

В девять утра меня нагло расталкивает Наташка:

— В дельфинарий с нами поедешь?

Я вспоминаю, что очень люблю морских коти-

ков, и соглашаюсь. Пока пять человек дружно подгоняют меня воплями, я натягиваю белую юбку, зеленую футболку, собираю волосы в хвост над левым ухом и любуюсь на себя в зеркало. Жизнь на юге мне по душе.

В дельфинарии, помимо дельфинов, есть два морских котика, и в тот момент, когда я на них пялюсь, моя красота больно ранит местного секс-символа, который вместе с дельфинами резвится в бассейне. В перерыве он подходит ко мне и предлагает ближе узнать его и котиков. Пока я решаю, принять это щедрое предложение или нет, Наташка увлекает меня подальше от мощного торса и ослепительной улыбки. Из зависти, само собой. Я скалю зубы, ем мороженое и много болтаю. В общем, развлекаюсь на всю катушку. Домой приезжаем в восемь вечера.

— Фенька, — говорит хозяйка, — тебе переводы пришли. Я их уже получила.

Забота родственников навевает сентиментальные мысли о родном доме. Переводов три. От папы (весьма щедро, мама, скорее всего, морщила лоб и говорила: «Ох, Костя»), от сестрицы, которая отсыпала монеты недрогнувшей рукой, точно зная, что надо женщине на юге, и пять тысяч от мужа-летчика. Бедняга, видно, страшно страдал с перепоя и не все уразумел, однако постарался, на почту сбегал. Мой последний дражайший супруг вместо денег прислал телеграмму: «Что случилось, я беспокоюсь». Я одариваю Машу за хлопоты и добрую душу и получаю дополнительную информацию:

— Твой мужик на «мерсе» был. Три раза. Сказал, завтра заедет.

Я прикидываю, нравится мне это или нет. Выходит, что мне все равно. Чувствуя себя сказочно богатой, отхожу ко сну.

В 8.30 Вадим уже возле моего дома. Улыбается, но в глазах недовольство. Вот так всегда: один раз обедом накормят, а потом из дома не выйди. Я держу эти мысли при себе.

— Как отдохнула? — спрашивает он.

— Нормально, — пожимаю я плечами и решаю сказать ему приятное: — Правда, без тебя было скучновато.

— Мне тоже. Если тебе так хотелось в этот дельфинарий, стоило только сказать.

Этот день и четыре следующих мы с утра до вечера вместе. Обширная культурная программа идет полным ходом. Я демонстрирую эрудицию, особенно, правда, не увлекаясь: большие знания женщин вызывают у мужиков обоснованное беспокойство. У бедного Сережи не закрывается рот. Вадим все чаще держит меня за руку и как бы ненавязчиво обнимает, однако я не даю заманить себя на стезю разврата.

— Фенечка, — говорит Вадим, — почему бы тебе не переехать в гостиницу?

— Зачем? Мне здесь нравится.

— Шутишь? По-моему, это место для тебя совершенно неподходящее. Если гостиница тебе не по вкусу, можно снять квартиру.

Я отвечаю в том духе, что сарайчик — предел

моих мечтаний, и с соседями мне невероятно повезло, они поддержали меня в годину испытаний, и теперь оставить их было бы верхом неблагодарности.

Сережа внезапно обретает голос и наставительно шепчет:

— Чего ты дурака валяешь? Вадим хороший мужик, и денег у него до черта.

Наконец и сам Вадим вечером в ресторане, глядя в мои прекрасные глаза, делает мне вежливое, но откровенное предложение. Жизнь на юге начинает действовать на нервы. Я откидываюсь на спинку стула и делаю грустно-ласковое лицо. После минутной заминки говорю:

— Вадим, у тебя дома, наверное, жена и двое детей, которых ты очень любишь.

— С чего ты взяла? — спрашивает он.

— Ты хороший человек, и все у тебя должно быть хорошо. Следовательно, есть жена и дети. Ну и зачем тебе я, скажи на милость? Я не гожусь для курортных романов. Прости меня, ладно?

Он вроде бы простил, но попыток толкнуть меня на путь греха не оставляет. Я проявляю завидную стойкость.

В конце недели мы расстаемся, Вадим рано утром уезжает домой.

— Кстати, — спрашиваю я, — почему ты приехал на машине?

— Ненавижу самолеты. Служил в десанте и решил: если жив останусь, близко к самолету не подойду.

— Поезда тоже ненавидишь?

Он смеется, обнимает меня. Мы прогуливаемся

по улочке, «Мерседес» стоит возле калитки. Я пишу свой адрес, Вадим — свой телефон.

— У тебя действительно нет мобильного? — с сомнением спрашивает он. — Хочешь, подарю?

— Блага цивилизации лишают человека свободы, — ухмыляюсь я.

Он опять обнимает меня и говорит:

— Поедем со мной. Ну что тебе эти три дня?

Я качаю головой:

— У меня билет. Поеду поездом. Увидимся дома, хотя, может, ты и не захочешь.

— Желал бы я знать, чего хочешь ты.

— Господи, да этого даже я не знаю.

Прощание наше трогательное и довольно продолжительное. Под конец, явно испытывая некоторую неловкость, Вадим извлекает из машины два объемных пакета.

— Это тебе на дорогу, — говорит он. — Ешь регулярно и постарайся не потерять чемодан. До встречи.

Он машет рукой и хлопает дверцей «Мерседеса», я с пакетами остаюсь посреди улицы. Когда машина сворачивает за угол, я кидаюсь вдогонку, голос мой способен поднять мертвого. Вадим оказывается рядом, а я пытаюсь подобрать слова.

— Извини, — говорю я. — Наверное, это глупо... — Я и в самом деле чувствую, что веду себя по-дурацки. — Я хотела сказать тебе спасибо. Ну, за то, что ты купил все это, не предложил мне деньги, а купил, и вообще... Мне будет очень плохо, если в родном городе ты меня забудешь.

Наши объятия и прощальный поцелуй ничего общего с братскими не имеют.

Родной город встречает меня ужасной жарой. Само собой, такси поймать не удается, я еду с чемоданом в битком набитом троллейбусе, футболка липнет к телу, и от запахов кружится голова. Вываливаюсь на своей остановке и, удивляясь собственной живучести, плетусь к дому. Лицо у меня горит, дыхание прерывистое, а настроение ни к черту. И это называется вернуться домой! Взбираюсь на второй этаж, отпираю дверь и оказываюсь в своем коммунальном раю. Дражайших соседей не наблюдается. Их у меня двое: Дуся, еще ничего себе женщина неопределенного возраста и занятий, с хронической мечтой о замужестве, и покинутый женой алкоголик, по совместительству слесарь нашего ЖЭКа Петр Алексеевич, он регулярно свинчивает кран в ванной на очередную опохмелку. Ванная ассоциируется у него с буржуазной роскошью, и убедить его оставить кран в покое совершенно невозможно. В двери моей комнаты торчат три записки. От папы: «Ефимия, как только приедешь, сразу же зайди домой. Сразу же». Ясно, мне предстоит допрос с пристрастием. Вторая записка: «Фенька, где ты? Я скучаю». Само собой, это муж-летчик. И третья: «Эффи (последний муж, Олег Викторович, зовет меня на европейский манер), позвони, как приедешь, очень волнуюсь».

Я бросаю чемодан и двигаю в ванную, сердце замирает в недобром предчувствии. Однако кран на месте, я лезу под душ, испытывая к Петру Алексеевичу благодарность, граничащую с обожанием. Душ поднял мне настроение, я завариваю чай и

пою. Громко, тихо петь я не умею. Попутно выясняю, что Петр Алексеевич съел весь запас макарон, которые я по неосмотрительности оставила в кухонном столе. Слава богу, до холодильника в комнате он не добрался. Пока я пью чай, появляется он сам с радостной улыбкой на багровом лице.

— Здорово, Фенька! — орет сосед. — Приехала? Заждались, заждались. Отдохнула, значит? Красавица. Как жизнь на курорте?

Я рассказываю про жизнь на курорте, а Петр Алексеевич одобрительно кивает.

— А сувенир мне привезла? — спрашивает он.

— Нет, — потерянно отвечаю я.

Лицо его становится обиженным.

— Вот так, ждешь ее тут, ждешь, а она нет чтобы о соседе подумать, мол, ожидает человек и все такое. Красивая ты баба, Фенька, а дура дурой, без понятия, вот от тебя мужики-то и бегают. А я ждал, кран вон в ванной поставил.

Мне мучительно стыдно, я иду в свою комнату, Петр Алексеевич двигает за мной, перечисляя мои грехи. Я вспоминаю, что денег у меня вполне достаточно, и решительно жертвую на восстановление моей пошатнувшейся репутации.

— Мин херц, — проникновенно говорю я, — может, ты сам себе сувенир купишь, друг сердечный?

Лицо сердечного друга враз меняется.

— Фенька, ты человек. А я твои макароны съел. Сейчас за бутылкой сбегаю. Дуська скоро явится, посидим как люди. Дай тебе бог здоровья и мужика хорошего.

— Двигай, Петр Алексеевич, потом доскажешь.

Он исчезает, зато с интервалом в пять минут появляется Дуся.

— Фенька, — после приветствия спрашивает она, посверкивая лихо подведенными глазами, — ты Петьке на бутылку дала? Задолбал меня своим пьянством. Он тут без тебя едва не помер. Какую-то дрянь выпил. «Скорую» вызывали.

Я прикидываю, мог ли Мин херц в самом деле выпить какой-то дряни, приняв ее за целебную жидкость, или соседка слегка преувеличивает. По всему выходит, что мог. Я отыскиваю в шкафу шарф, подаренный мне матушкой года два назад, и дарю Дусе, нагло выдавая за сувенир с юга. Она любезно сообщает, кто домогался встречи со мной в мое отсутствие, а также подъездные, дворовые и городские новости.

К вечеру, наведя порядок в комнате и разобрав чемодан, я валяюсь на кушетке и прикидываю, когда следует появиться у родителей. Хотя папа дважды написал фразу «сразу же», в отчий дом я не спешу — в конце концов, никто не знает (никто, кроме Вадима, кстати), когда я приеду, так что денька три можно потянуть. Грехов у меня накопилось множество, на ласковый прием рассчитывать не приходится. Надо сказать, родители меня не особо жалуют, что неудивительно, ведь я та самая паршивая овца, которая, как известно, все стадо портит.

В «овцах» я начала ходить с шестого класса, с тройки по физике. Родители почувствовали себя

обманутыми, все силы семьи были брошены на ликвидацию сего позорного факта биографии, но тройка прочно утвердилась в моем дневнике. Чего только не делал бедный папа: часами сидел рядом со мной, терпеливо пересказывая параграф за параграфом, купил «Занимательную физику» в трех томах и с сияющими глазами, листая страницы, говорил:

— Замечательно интересно.

Ничто не помогло. Физика по-прежнему вызывала у меня смертную тоску. Из уважения к родителям тройка, стараниями классной руководительницы, сменилась на четверку, но мысль о моей непутевости уже свила гнездо в головах родителей. В восьмом классе я бросила музыкальную школу. Такой поступок, по мнению мамы, приравнивается к измене родине. Со мной перестали разговаривать. Однако я стояла насмерть, и папа удрученно заявил: «Августа, это бессмысленно, бог с ней, с музыкой». Так что пока сестрица Агата, радость родителей, громыхала Шопена, словно намереваясь поднять его из могилы, я на скамейке под липой в компании шпаны дворового масштаба пела под гитару «Что же ты грустишь, моя девчонка...», что в глазах моих родителей и Агаты было чистой уголовщиной.

В одиннадцатом классе я нанесла очередной удар родительскому самолюбию. В нашей семье в обозримом прошлом все были юристами или, на худой конец, военврачами. С девятого класса во мне зрела мечта, ничего общего с традициями семьи не имевшая, хотя ума хватало о ней помалкивать. Но

когда настал черед подачи документов в вуз и родители уже видели меня студенткой юрфака, я с улыбкой заявила, что поступаю в археологический. На сей раз даже папа, обладавший завидным здоровьем, схватился за сердце. Я улыбалась и вновь стояла насмерть, являя собой пример несгибаемого мужества. Первым сдался отец. «Августа, это бессмысленно», — в очередной раз сказал он, мама всплакнула, а я отправилась в Москву, что само по себе было для родителей страшным несчастьем: чужой город, полный соблазнов. В институт я благополучно поступила и проучилась два семестра. Родители не оставляли попыток меня образумить, к счастью, сестрица Агата выполнила отеческую волю и к тому моменту уже четвертый год училась на юрфаке.

Весной у меня случился роман с одним из преподавателей. Поначалу мы обменивались томными взглядами, далее пошли робкие знаки внимания, потом... Потом вышел конфуз. То есть сначала все шло как положено. Виктор Владимирович, симпатичный и веселый дядька, пригласил меня на дачу. Я, обладательница сексуального опыта, почерпнутого в общаге, трепетно устремилась к лучшей жизни. То ли Виктор Владимирович очень волновался, то ли он жене давно не изменял, но из поездки за город ничего путного не вышло. На моего любовника без слез смотреть было нельзя: греческая трагедия, да и только. Само собой, я почувствовала себя виноватой. Находиться с ним в стенах учебного заведения, знать, что каждый день он вновь и вновь испытывает унижение при встрече

со мной, было невыносимо. Я бросила институт и вернулась домой, истинную причину своего разочарования в археологии так и не открыв. В том же году я поступила на юрфак. Счастью родителей не было границ, и хоть тельца по сему поводу не резали, но знаки внимания оказывали царские, даже жаль стало сестрицу Агату, которая жила ласковой Золушкой.

Однако не успели родители за меня порадоваться, как на одной из студенческих вечеринок я встретила Димку Прохорова, звезду российской журналистики (конечно, будущую). Мы полюбили друг друга, и жизнь на юрфаке показалась мне пресной. Димка огорошил меня колоссальными планами, в которых мне отводилось почетное место. В результате я, по мнению родителей, сделала сразу две глупости: вышла за Димку замуж и подалась на факультет журналистики. Мнение родителей волновало меня мало, я слушала Димку, открыв рот и уши. Говорил он много, увлекательно и страстно. Особенно о личной свободе. На восьмом месяце совместной жизни, обнаружив второй раз подряд в собственной постели подругу, я почувствовала, что личная свобода мужа меня изрядно тяготит, и отбыла к родителям. Его попытки договориться со мной ничего не дали, мама высказала Димке мнение семьи о его личности, и брак распался. Теперь Димка — редактор нашей местной газеты, солидный мужик, отягченный семейством: женой, двумя детьми и тещей, прожектов он больше не строит, но бабник по-прежнему страшный.

После развода я поняла, что самым интересным в журналистике был Димка с его немыслимыми идеями, и вернулась на юрфак, в основном чтобы сделать родителям приятное. Примерно тогда в жизнь мою пожаром в прериях ворвался летчик, красавец, с улыбкой Тома Круза и мозгами динозавра. Когда Лешка умудрялся летать, не знаю, потому что пить он начинал с утра. Впрочем, находясь в подпитии, был мил, весел, играл на гитаре, пел со слезой «Не жалею, не зову, не плачу...» и каждый свой рассказ начинал со слов «однажды мы попали в переплет...», далее следовало описание героических будней с бреющим полетом и ураганным огнем, хотя ни того ни другого Лешка в глаза не видел, так как служил под началом своего папеньки-генерала.

Брак наш был веселым и суматошным, бесконечные вечеринки и знойные объятия. В отличие от первого мужа Лешка оказался верным супругом, однако слушать его более пятнадцати минут кряду было невозможно. Ко всему прочему он имел пагубную привычку раскатывать во хмелю по городу на своем видавшем виды джипе, и непременно чтоб я была рядом. Гонял он как угорелый, радостно ржал, выписывая кренделя на дороге. Убедив себя, что добром это не кончится, я покинула рыдающего Лешку и вновь оказалась в родительском доме. Лешка в моем семействе воспринимался божьим наказанием, развод папу с мамой порадовал.

Вскоре в нашем доме частым гостем стал Перфильев Олег Викторович, в ту пору заместитель начальника следственного комитета, сын матуш-

киной подруги по университету. Поначалу родители прочили его Агатке, которая вызывала у них смутное беспокойство своей крайней деловитостью и отсутствием мужиков вообще. Однако Олег Викторович оказался с изъяном, потому что неожиданно обратил свой взор на меня. Родители благоговейно задержали дыхание. Агата, которая лихо брала первые высоты карьеры, могла подождать, а меня надо было срочно пристраивать. Олег Викторович по всем правилам просил моей руки и получил согласие и родительское благословение. Я мудро рассудила, что, дважды выйдя замуж самостоятельно, в третий раз не грех послушать родителей, может, толку от этого будет больше. Толку не было вовсе. То есть жили мы вполне пристойно, купили квартиру, обставились, на день рождения муж подарил мне машину, а на Восьмое марта — шубу. Но скука с Олегом Викторовичем была смертная, и он продержался даже меньше бабника и летчика.

Возвращаться под родительский кров мне не хотелось, я набралась наглости и разменяла общую с мужем квартиру на однокомнатную и комнату в коммуналке. И дураку было ясно, что человек его положения в коммуналке жить не может, оттого в коммуналку заселилась я. Впрочем, здесь мне нравилось: второй этаж, комната большая, балкон и соседи — душевные люди.

Один из душевных людей вскоре появился. Петр Алексеевич был весел, жаждал общения, а потому без конца ставил на плиту чайник и орал:

— Фенька, давай чай пить.

Очередной вопль прервал звонок в дверь. В надежде, что это друзья-алкоголики с добычей, Петр Алексеевич кинулся открывать, но через пару минут заглянул в мою комнату и заговорщицки сообщил:

— Фенька, к тебе мужик.

Распахнув дверь, я увидела Вадима.

— Привет, — говорю я, Мин херц пританцовывает рядом.

— Гость к тебе, Фенечка, — радуется он. Вадим молча выдает ему две банкноты, и Петр Алексеевич, радостно взвизгнув «я мигом», исчезает.

— Садись, — говорю я.

Вадим устраивается в старом кресле, с сомнением его оглядев и не догадываясь, что это практически антиквариат. Уныло осматривает мою комнату. А я-то ею гордилась, к тому же сегодня еще и полы помыла. Однако, взглянув на нее глазами Вадима, я вынуждена признать некоторую ее убогость. В общем, мой коммунальный рай произвел на гостя тягостное впечатление.

— Значит, здесь ты и живешь? — спрашивает он.

— Ага. Хорошо у меня, правда?

— Да, — как-то без энтузиазма говорит он. — Уютно. А это твой сосед?

— Точно. Милый, да?

Вадим смотрит на меня не меньше минуты.

— Фенечка, тебе в самом деле это нравится?

— Ну, ты же не знаешь, где я раньше жила.

— Извини, — говорит он. — Как-то мы не так встретились.

Взгляд его натыкается на три фотографии,

вывешенные на стене. Это мои мужья, этапы большого пути, так сказать. Я ожидаю вопроса, но вовсе не того, что последовал.

— Как доехала? — говорит Вадим. — Чемодан не потеряла?

— Нет, все нормально. Даже странно. Должно быть, встреча с тобой так подействовала, внесла в мою жизнь необходимое равновесие.

— А я скучал, думал о тебе.

Я пытаюсь вспомнить, думала ли я о Вадиме, выходит, что нет. Однако иногда и соврать не грех, потому я говорю:

— Я тоже скучала.

— Может, поцелуешь меня по случаю встречи? — улыбается он.

— Это моя мечта, — смеюсь я. Лед сломан. С полчаса мы мило болтали, пока Вадим не поинтересовался:

— Как у тебя с аппетитом?

— Как у шотландского горца.

— Тогда одевайся, поедем ужинать.

Я прикидываю, выставить мне Вадима из комнаты или нет, но тут вернувшийся Петр Алексеевич затянул «А за окном пушистая белая акация...», и я решаю, что им с Вадимом лучше не встречаться. В общем-то, особой стеснительностью я не страдаю и, продолжая болтать, готовлюсь к торжественному ужину.

Ужин проходит прекрасно, при свечах и с неизменным «Мерседесом» у крыльца. Однако мы не засиживаемся, и вскоре машина тормозит у моего подъезда. Мне ничего не остается, как пригласить

Вадима на чашку кофе. Он прихватывает с собой пакет с полным джентльменским набором и отпускает машину. Я задаюсь вопросом: нравится мне это или нет? Так и не решив, сервирую стол. Вместо люстры включаю настольную лампу с амурами, в общем, создаю интимную обстановку.

Некоторое время мы в нерешительности сидим за столом и пьем шампанское, оба ощущаем неловкость и волнение, даже мой язык становится вялым, а мыслей просто нет совсем. В конце концов Вадим, собравшись с духом, выдает фразу типа «я скучал» и берет меня за руку. Только я собираюсь припасть к его груди, как в дверь настойчиво звонят.

— А нас нет, — почему-то шепотом говорю я. Мы настороженно прислушиваемся, звонок дребезжит не переставая. Чутко спящий Петр Алексеевич идет открывать, и через двадцать секунд я слышу раскаты Лешкиного голоса:

— Здорово, старец, Фенька дома?

— Дома, Леша. Вернулась.

— Пойдем к Феньке, Петр Лексеич.

— Леша, она ругаться будет. Гость у нее.

— А я что, муж? Я тоже гость.

Дверь в комнату распахивается, и появляется Лешка в голубой летной рубашке и зеленых слаксах, Петр Алексеевич пугливо выглядывает из-за его могучего плеча.

— Фенька! — радостно орет муж-летчик. — Приехала, радость моя, а я скучал. А чего вы в темноте сидите?

Никто, кроме него, такой вопрос задать не

способен. Он включает верхний свет, бухает на стол шампанское и литровку водки и с братской улыбкой и протянутой рукой кидается к Вадиму.

— Здорово. Алексей, Фенькин муж, само собой бывший.

Вадим вяло называет свое имя, шаря взглядом по фотографиям на стене.

— Ну, что, ребята, — орет Лешка, — выпьем, что ли? Старец, хлеб есть?

— У Дуськи есть, — радостно отзывается Мин херц. — Я мигом.

Через три минуты он возвращается с хлебом и Дуськой, которая с порога заявляет:

— Опять ты Петьку спаиваешь? — но при виде Вадима меняется в лице и устраивает зад на кушетке.

Петр Алексеевич наливает по стакану водки мужикам и шампанское дамам. Лицо Вадима все это время хранит полупрезрительное выражение, однако свой стакан он хватил, не моргнув и не поморщившись. Леха, усмотрев в нем родственную душу, полез целоваться.

— Вадим, я вижу, мужик ты хороший, наш человек. А я Фенькин муж, бывший, бросила она меня, и правильно сделала, потому что я — горький пьяница.

Глаза у него затуманились слезой. Заплакать ему ничего не стоит, и я срочно вмешалась:

— Леш, ты бы спел.

— Спеть? Запросто. Вот выпьем еще по маленькой, и спою. Старец, подпевать будешь?

— Буду, Леша, буду. Люблю я тебя, как родного сына, — тоже со слезой сказал Мин херц.

— Озоровать начнешь — в милицию сдам, — встряла Дуська.

— Фенька, ты где так загорела? — вскинулся летчик.

— На юге, Леша.

— Так ты на юг ездила? Как там оно?

— Оно там неплохо. Ты мне как раз туда перевод посылал.

— Я? — удивляется он. — Не помню. А это точно я был?

— Ты, больше некому.

— Ну, ладно. А я все думаю, куда Фенька делась? Что, споем, старец?

Леха берется за гитару и затягивает «До свиданья, друг мой, до свиданья», Мин херц с готовностью подтягивает, вслед за ним вступаем Дуська и я, Лешкин репертуар хорошо известен всему дому. Вадим не поет и смотрит как-то отрешенно. В момент, когда голоса наши слились в заключительном аккорде, дверь открывается и входит Олег Викторович: ранняя седина, настороженный взгляд и костюм в полоску.

— У вас входная дверь не заперта. Здравствуйте.

Взгляд Вадима возвращается к фотографиям на стене. Олег Викторович приближается к мужикам с протянутой рукой, а ко мне с братским поцелуем.

— Леха, ты когда угомонишься? — обращается он к летчику.

— Да ладно. Выпьешь с нами? Есть повод, Фенька вернулась. Красавица моя...

— Наливай, — кивает Олег и устраивается за столом. — Чего у тебя случилось? — поворачивается он ко мне.

— Обокрали меня на юге, оставили без средств к существованию.

Леха заинтересованно вопрошает:

— Что, все сперли?

— Вчистую, — гордо отвечаю я.

— И как же ты?

— Да вот Вадим, спаситель мой, подобрал, накормил, обогрел.

Леха опять полез к Вадиму:

— Вадим, я сразу понял, что ты человек. Спасибо тебе за Феньку, что привез ее сюда, вернул нам, так сказать.

— Он не привез, — вношу я поправку. — Он живет в нашем городе.

— Так он специально за тобой на юг ездил? — не унимается Леха. — Ну, ты молодец, Вадим. Вот мужик, вот это я понимаю. Женщина в беде, человек все бросает и на юг. А я и не знал, а то бы тоже поехал.

— Ты мне перевод прислал, — напоминаю я.

— Правда? Не помню. Значит, и я молодец. Выпьем, мужики.

То, что Лешка успел забыть о совершенном им добром деле, меня нисколько не удивляет. Между тем Олег оценивающе разглядывает Вадима, тот делает вид, что этого не замечает. Лешка хлопает Олега по плечу и говорит:

— Вот этот тип у меня жену увел. Другой бы ему в морду дал, а я его люблю, как брата. Потому что человек хороший. Фенька плохих не выбирает.

— Чего ты мелешь? — добродушно усмехается Олег. — Когда мы с Фенькой познакомились, вы уже развелись.

— Точно. А потом она и тебя бросила. Дурак ты, брат, такую девку проворонил.

— Ага, — хмыкает Олег.

— Чего «ага»? Скажешь, не проворонил? И не вздумай болтать, что ни в чем не виноват. Все равно не поверю. Бабы от мужиков просто так не бегают.

— Бабы такой хитрый народ, — затягивает Мин херц, который испытывал к Олегу большое почтение.

— Умолкни, старец. Может, Фенька четвертую фотографию на стенку прилепать хочет, а ты лезешь. Не слушай его, Вадим, женись, Фенька — баба мировая, я бы сам женился, да она за меня не пойдет.

Хорошо, что времена, когда я краснела от смущения, давно прошли, я смотрю на Вадима и пожимаю плечами. Когда все хором обсуждают мои душевные качества, он, изловчившись, шепчет:

— Они что, сегодня все придут?

— Нет, — отвечаю я. — Первый не заглядывает. Хотя как знать, вечер сегодня занятный.

Обсуждение внезапно прерывает Леха. Мысли у него скачут, точно блохи, он хватает Олега за локоть и предлагает:

— Мент, купи пушку, а? Хорошая вещь, в хозяйстве пригодится.

Из-под летной рубахи Леха достает пистолет и кладет на стол. Дуська, взвизгнув, хватается за сердце.

— Ты совсем сдурел? — качает головой Олег, несмотря на выпитое, выглядит он абсолютно трезвым.

— Да ладно, чего ты, — отмахивается Лешка. — Вадим, может, ты купишь? Задешево отдам.

— Леха, — возвышает голос Олег, Лешка убирает оружие, рука его тянется к бутылке.

Далее вечер продолжался без особых событий. Лешка то пел, то лез ко всем целоваться, Олегу это вскоре надоело, и он поспешил откланяться. Вслед за ним отбыла в свою комнату Дуська, через полчаса задремал Мин херц, Леха, взвалив старца на спину, отнес его на родную жилплощадь. Вернувшись из похода, он с воодушевлением продолжил сватовство, предлагая Вадиму жениться на мне не раздумывая. Тот сверлил его особенным взглядом, который на Леху не действовал. Вадим вызвал меня в кухню и предложил:

— Слушай, давай я его вышвырну.

— Бесполезно, — качаю я головой. — Ты его вышвырнешь в дверь, он полезет в окно, потом начнет ходить сквозь стены или спрыгнет на балкон с парашютом.

После нашего разговора Вадим сменил тактику, вознамерившись Леху напоить. Бывший муж то пел, то байки рассказывал, то вдруг замирал с

открытыми глазами, находясь в полной прострации, а очнувшись, задавал все те же вопросы, начисто забыв, что я на них уже отвечала. Провалы в Лешкиной памяти — вещь обычная, он зачастую попросту не способен вспомнить, что делал пять минут назад, но Вадима это в отличие от меня здорово раздражало. Вконец устав от затяжной бессонницы, я бухнула доверчивому Лешке три таблетки снотворного в стакан и злорадно наблюдала за тем, как он пьет.

— Ты уверена, что он выживет? — спрашивает Вадим. — Доза лошадиная.

— Проверено. Выживет.

Через двадцать минут Леха засыпает в кресле. От непривычной тишины звенит в ушах.

— Извини, — говорю я Вадиму, убирая со стола. — Тебе давно пора домой.

— Никуда я не пойду, — отвечает он, косясь на Леху.

— Не беспокойся. Он пьет так лет семь и для дам совершенно не опасен.

— Я могу спать в кресле, — настаивает Вадим. В конце концов я ложусь на кушетку, Вадим на сдвинутые кресла, а несчастного Леху он сваливает на пол. Не веря своему счастью, я отхожу ко сну.

Утром я просыпаюсь ровно в девять: солнечный зайчик на стене и легкий шорох тюля на двери балкона. Я глубоко вздыхаю. Вадим поворачивается и открывает глаза.

— Привет, — говорю я. — Что дома врать будешь?

— Ничего, — улыбается он. — Некому врать. Жены у меня нет. Развелись шесть лет назад, сын — взрослый парень.

Я тоже улыбаюсь и спрашиваю:

— Не знаешь, чего это я так обрадовалась?

Он протягивает мне руку.

— Проснулись? — радостно вопрошает Леха, ворочаясь на полу, вчерашняя пьянка на нем никак не сказалась, человек бодр и весел. — Похмелиться надо, ребята, — резонно замечает он и орет во все горло: — Старец, долго спишь, беги за бутылкой!

Через полчаса вчерашним составом, за исключением Олега, мы сидим за столом.

— Это надолго? — шепчет Вадим.

— Ты иди, когда все кончится, я позвоню.

— Ну уж нет. В этом сумасшедшем доме я тебя не оставлю.

В 10.30 в нашей квартире появляется симпатичный молодой человек в форме летчика.

— Лешка, кончай загул, поехали в часть, — говорит он, поздоровавшись.

Сердце мое сладко замирает. Однако Лешка начинает сверкать глазами и гневаться.

— Еще чего, я к жене пришел. Человек я, в конце концов, или нет? Могу к жене прийти? Валька, пистолет купи, — внезапно меняет он тему. Вновь прибывший закатывает глаза и пытается воздействовать на Леху добрым словом.

Пререкаются они минут пятнадцать, побеждает мой бывший муж, однако в душу ему закрадывается печаль, он берет гитару и поет со слезой, доводя Петра Алексеевича, меня и Дуську до

умиления. Когда мы уже готовы зарыдать, Лешка неожиданно вспоминает анекдот и пытается его рассказать. Но это ему не удается, так как дверь комнаты открывается и входит мой бывший свекр в погонах генерала.

— Батя! — радостно завопил Леха. — Садись.

— Раздолбай, твою мать, — отозвался батя. — Встал и бегом в машину.

Леха горестно вздохнул и побрел к выходу, бубня:

— Вот жизнь, никакой радости, одна служба.

Леха исчезает за дверью, Федор Михайлович со вздохом произносит:

— Извини, Фенечка. Давно он бузит?

— Не очень.

— В воскресенье не забудь, в пять, мы с Софьей Васильевной ждем.

— Обязательно буду, — заверяю я, а Леха внизу у машины истошно орет:

— Батя!

Дуся снимается с места, прихватывает Петра Алексеевича, а тот бутылку. Мы с Вадимом смотрим друг на друга и начинаем смеяться.

— Господи, неужели все? — вопрошает Вадим. — Бежим отсюда, пока кто-нибудь еще не явился.

— Давай, — соглашаюсь я.

— Поехали ко мне. Обещаю, никаких гостей.

Я торопливо собираюсь, но в дверь опять настойчиво звонят.

— Ты скажешь, что приема нет, или лучше я? — спрашивает Вадим.

— А я вообще открывать не буду.

Когда звонят четвертый раз, во мне пробуждается совесть, и я иду открывать. На пороге стоит сестрица Агата в летнем платьишке за четыреста евро, скромненько и со вкусом. Когда мы бываем вдвоем, Агатка совершенно нормальная, и я ее даже люблю, но видеть ее сейчас я не расположена.

— Привет, — говорит она. — Велено тебя доставить.

— А нельзя сказать, что меня нет дома? — подхалимски спрашиваю я.

— По-твоему, я на самоубийцу похожа? И вообще, чего это ты меня в квартиру не пускаешь?

— У меня мужик. Отобьешь еще.

— Как же, отобьешь у тебя. Мне на твоих пастбищах делать нечего. Гони мужика, и поехали.

— Помоги мне, не могу я ехать, честно, — канючу я, отжимая Агатку от двери: если Вадим ее увидит, мне придется сообщить, что мой папа прокурор, а мама занимает крутой пост в областной администрации. После этого он, скорее всего, сбежит. Я бы точно сбежала.

— Единственное, что я могу для тебя сделать, подождать минут двадцать в машине, — заявляет Агата, я распахиваю дверь, и мы сталкиваемся с Сережей, шофером Вадима.

— Феня, Вадим у тебя? — спрашивает он, таращась на Агатку, та впилась в него взглядом, причем на лице Сереги отчетливо читается «Таганка, я твой бессменный арестант», а на ее лице «Наша служба и опасна и трудна».

— Он в комнате. — Я показываю на свою дверь,

Агата удаляется, а я возвращаюсь к себе, там Вадим разговаривает с шофером. По его лицу я вижу, что поездка отменяется.

— Фенечка, — говорит Вадим. — У меня дела, срочные. Давай так, Сережа тебя отвезет и компанию составит, чтобы ты не скучала, а я, как освобожусь, сразу домой. Хорошо?

Перспектива проводить время с Серегой мне не улыбается, с собакой и то занимательней. Я объясняю, что меня ждут в отчем доме. Вадим согласно кивает, по всему видно, что его мысли далеки от меня.

— Стасу сказал? — спрашивает он Серегу.

— Да, через пять минут будет.

— Хорошо.

Я замечаю, как изменилось его лицо, жестче стало, что ли, теперь трудно поверить, что в эту ночь он терпеливо сносил Лешкины выкрутасы.

Мы выходим из подъезда, торопливо прощаемся, из-за угла дома появляется темно-фиолетовый «БМВ» и лихо останавливается возле Вадима. На четыре секунды передо мной возникает лицо водителя. Пока я бегу к Агате, Вадим садится в подъехавшую машину, Серега на «Мерседесе» срывается с места, а за ним, развернувшись, исчезает и «БМВ».

— Что это за публика? — спрашивает Агата, трогаясь. Я пожимаю плечами.

— Черт их знает. Люди.

— А где Валерка, вы вроде бы хотели пожениться?

— Накрылся.

— Что у вас там произошло?

— Да ничего. Поссорились, он меня выгнал, без вещей, без денег, пришлось вас беспокоить.

— Так ты когда приехала?

— Вчера.

— И уже успела подобрать этого типа?

— Это он меня подобрал. — Я начинаю злиться.

— Что он за человек?

— Откуда я знаю?

— А что ты вообще знаешь?

— Ну, знаю, что зовут его Вадим, а его шофера Серега, еще у меня есть номер его мобильного.

— Черт-те что. Ты хочешь сказать, что спишь с мужиком, не имея представления, кто он?

— Да не сплю я с ним. Только вчера собралась, а тут вдруг Лешка нагрянул, перед твоим приходом его Федор Михайлович увез.

— Слушай, Фимка, этот тип за рулем...

— Сережа?

— Да нет, тот, что подъехал. Ты его знаешь?

— Нет, конечно, откуда?

— Кого-то он мне напоминает, — задумчиво говорит Агата. — Не могу вспомнить. И ощущение мерзкое. Ты бы держалась от этой публики подальше.

Дверь квартиры открывает мама, миниатюрная женщина в домашнем платье и туфлях на низком каблуке. Выражение лица у нее такое, что любой дюжий мужик, столкнувшись с ней, торопливо свернет за угол, облегченно вздохнув.

— Здравствуй, Ефимия, — говорит мама и под-

ставляет щеку для поцелуя. Я решаю, что для меня все не так плохо. — Папа в кабинете.

Мама с Агатой идут в кухню, а я — к отцу.

— Можно?

Папа поднимается мне навстречу.

— Здравствуй, дочка. — Мы обнялись, и он меня поцеловал. Значит, в семье сегодня разыгрывается спектакль «Возвращение блудной дочери». — Что у тебя случилось на юге?

— С Валерой поссорилась и деньги потеряла. Извини.

— О чем ты? — Папа поднимает бровь. — Значит, замуж ты не выходишь?

— Пока нет.

— И то хорошо. А теперь объясни, что у тебя с работой.

Мне стало ясно, зачем меня так спешно вызывали. Папа с мамой лентяев на дух не выносят и не могут взять в толк, как подобное существо появилось в их семье. Каждый человек должен работать, приносить пользу обществу, любой труд почетен и все такое прочее...

— Вышибли меня с работы, — обреченно говорю я.

— Естественно, если ты там неделю не появлялась.

— Я была уверена, что этого никто и не заметит.

— Ефимия, о чем ты вообще думаешь? Ни работы, ни семьи.

— Агатка тоже не замужем, — злюсь я.

— Агата знает, чего хочет в жизни. А чего хочешь ты?

Я честно говорю, что не знаю. В течение часа мы беседуем, разговор совершенно бессмысленный, с моей точки зрения, но папа так не считает, в заключение он говорит:

— Надеюсь, ты в ближайшие дни решишь вопрос с трудоустройством. Скажем, до понедельника. Если тебе понадобится моя помощь, пожалуйста, не стесняйся.

— Костя, — зовет мама, — вы закончили? Обед на столе.

Так, мне еще предстоит семейный обед, что не радует. Мы сидим в столовой на своих обычных местах, и я подвергаюсь перекрестному допросу. Три юриста проводят его мастерски, больше всех старается Агатка. Из меня вытряхнули все про скандал на работе, ссору с Валеркой, жизнь на юге и планы на будущее. Хуже всего с планами. Мама, сурово глядя в мои глаза, заявляет, что у нее как раз есть для меня работа. Ну, уж это дудки, с 9.00 до 17.00 находиться с дражайшей матушкой в одном помещении и ощущать ее заботу — этого я и врагу не пожелаю. И потому я говорю:

— С трудоустройством вопрос практически решен.

— Что ты собираешься делать? — сразу же вцепилась в меня мама.

— Не хочу говорить, пока не устроюсь, но работа мне по душе.

Все трое переглядываются и вроде бы вздыхают с облегчением, обед заканчивается в атмосфере любви и взаимопонимания.

По дороге домой я тоскливо размышляю о папи-

ном ультиматуме. Мысль о том, что с понедельника придется отбывать трудовую повинность, приводит меня в ужас. Лето, жара, а я буду сидеть за скучным канцелярским столом в какой-нибудь конторе. Жаль, что я не вышла замуж, это ненадолго отвлекло бы моих родителей. Тут в голову мне приходит идея. Я торопливо сворачиваю в соседний двор, где находится наш ЖЭК, молясь про себя, чтобы господь послал мне удачу.

Господь меня услышал, и я перестаю быть позором семьи, вновь став трудящимся человеком. Получаю метлу, совок и ведро, веник придется купить самой. Управдом, дама лет пятидесяти, с огромным бюстом, показывает мне мой участок, он совсем рядом с домом, где я проживаю. Я вздыхаю с облегчением: ничто больше не тяготит мою душу.

Вечером Вадим не появляется, я размышляю, стоит ему звонить или нет, и решаю, что не стоит.

Рано утром трезвонят в дверь, но просыпаться я не собираюсь и накрываю голову подушкой. У меня возникает смутное ощущение, что кто-то заходит в мою комнату. Оказывается, ощущение было правильное. Встав, я вижу на столе записку: «Фенечка, пришлось срочно уехать. Очень жаль. Вернусь, сразу зайду. Целую. Вадим». Вообще-то мне тоже жаль. Вздохнув, я иду в ванную. Крана нет. Выдав несколько фраз из словаря завсегдатаев пивнушки, что притулилась рядом с нашим домом, иду за отверткой. Что ни говори, а день начался скверно. Даже душ радости мне не прибавляет. Шлепаю на кухню, на моем столе нахожу двухкилограммовый торт (шоколадный) и еще одну

записку: «Ешь торт и помни обо мне». Что бы там Агатка ни говорила, а Вадим милый. Помнит о моих вкусах, нашел время купить торт, привезти его. Настроение мое заметно улучшается. Я пью чай, думаю о Вадиме и попутно решаю, что, как только он появится, запру дверь и окно и займусь с ним любовью.

Его нет до вторника. Жизнь моя в эти дни событиями не богата. По утрам я усердно мету свой участок, потом еду с подругой на пляж, часам к шести мы возвращаемся в город, одуревшие от солнца, и разбредаемся по домам. Я готовлю себе ужин, читаю, смотрю телевизор, когда есть что смотреть, совершаю длинные пешие прогулки на сон грядущий, то есть веду жизнь, которая мне нравится.

В воскресенье я появляюсь в доме моих бывших родственников, Лешкиных родителей, одетая, словно на прием к английской королеве. Даже Агатка ни к чему бы не смогла придраться. У Софьи Васильевны день рождения. Я вручаю ей подарок с букетом цветов и удостаиваюсь поцелуя. Федор Михайлович считает, что я его всегда достойна, мы обнимаемся по-родственному.

Гостей немного, все люди близкие, перед которыми за Лешку родителям давно не стыдно, он сидит в кресле почти трезвый и рад мне страшно. При первой возможности затаскивает меня в свою комнату и спрашивает:

— За Вадима замуж пойдешь?

— Он не зовет.

— А если позовет?

— Пойду, а чего не пойти? Человек хороший, и отец велел на работу устраиваться.

— Ясно. Шла бы за меня, а? Хорошо ведь жили.

— Это с какой стороны смотреть.

— Может, я пить брошу. Вон батя сказал, кодироваться надо.

— Дурака-то не валяй.

— Ты меня просто никогда не любила, — обиженно говорит Лешка. — Я бы правда пить бросил.

— Это мы уже проходили.

Он обхватывает меня ручищами, прижимает к широкой груди и целует. Злиться на него совершенно невозможно, так же как относиться к нему всерьез.

— Отвяжись, — прошу я.

— А я тебя люблю, — голосом рассерженного ребенка говорит он.

— Так и люби, я ж не против, только не лезь.

— Ну и не буду.

Мы идем к гостям. Софья Васильевна пытливо на нас смотрит. Я улыбаюсь. Через пять минут улыбается и Лешка, злиться долго он не умеет. В девять я ухожу. Лешка порывается меня проводить, но Федор Михайлович рявкает: «Марш в свою комнату» — и провожает меня сам. Иногда я всерьез думаю, что замуж мне надо было выходить за свекра, но куда тогда деть Софью Васильевну и Лешку?

Во вторник к вечеру появляется Вадим.

— Ура! — воплю я и кидаюсь ему на шею. Он подхватывает меня, кружит в нашей огромной

коммунальной прихожей и осторожно ставит на пол.

— Скучала? — спрашивает.

— Еще как. — Я целую его и получаю от этого большое удовольствие. Видимо, он тоже, потому что руки его становятся очень настойчивыми, а выражение лица ни с каким другим не спутаешь. — Чего-нибудь вкусное принес? — спрашиваю я.

— В машине. Поедем ко мне.

— Да никуда ехать не надо. Никто не придет. А придет — ты его с лестницы спустишь.

Пока он возвращается к машине, я быстро расчесываюсь, застилаю чистые простыни и ставлю чайник. Вадим появляется с шампанским, пакетом разнообразной снеди и большущей коробкой конфет, которые я сразу же принимаюсь есть.

— Куда ездил? — спрашиваю я.

— А, так, неинтересно. Лучше расскажи, чем ты занималась.

— Тебя ждала, чем же еще?

— Хорошо ждала?

— Сейчас увидишь.

Я подхожу к Вадиму, который за пять минут до этого устроился в кресле, и опускаюсь на его колени, подняв подол знойно-желтого платья. Не спеша расстегиваю ремень на его брюках. Он улыбается, довольно ловко освобождая меня от лишних вещей.

— Ну и чего ты смеешься? — спрашиваю я.

— Пытаюсь сообразить, где у нас раньше мозги были.

Утром я просыпаюсь оттого, что Вадим ходит по комнате. Двигается он очень осторожно, но я все равно слышу. Однако открывать глаза мне совсем не хочется. Вадим наклоняется ко мне и шепчет:

— Фенечка, мне надо идти.

— Угу, — мычу я. Он целует меня, а я спрашиваю: — Ты меня любишь?

— Ну как же можно тебя не любить?

— Молодец, так держать. — Я обхватываю его за шею и притягиваю к себе. Он не брит, но мне это даже нравится.

— Я тороплюсь, — смеется Вадим.

— Ничего подобного. Будешь знать, как будить меня по утрам.

После его ухода я собираюсь как следует выспаться, но вдруг вспоминаю о родном участке. Меня охватывает жажда деятельности. Я встаю, иду в ванную: кран на месте. Утро чудесное.

К вечеру возвращается Вадим, мы ужинаем, занимаемся любовью, утром прощаемся, он уезжает, а я мету участок. В субботу Вадим на ночь не остается, уезжает часов в десять, когда появится — не знает, дела. Скорее всего, в понедельник. Я клянусь его ждать до понедельника.

Утром мне не спится, и уже в шесть я иду на участок. Улица пустынна. Тишина, и воздух какой-то особенный. Я замираю, опершись на метлу. Мысли мои чисты и прекрасны.

Тишину внезапно нарушают три машины, друг

за другом мчащиеся по улице. «Вот придурки», — думаю я.

А машины, сначала та, что в середине, а потом и две другие вдруг останавливаются. Из средней выходит Вадим. Полная для меня неожиданность, между прочим. Лицо у него сердитое.

— Ты что делаешь? — спрашивает он.

— Улицу мету, — резонно отвечаю я.

— Зачем?

— Что значит — зачем? Я в ЖЭКе работаю.

— Помнится, ты на телевидении работала.

— Когда это было, меня уже выгнали.

— Так, — недовольно говорит Вадим. — Иди домой, часа через два я приеду.

— Ага, — только и успеваю сказать я и остаюсь наедине с метлой.

Едва я собралась позавтракать, вернувшись домой, как приходит Вадим. Выражение его лица мне не нравится, я сразу же вспоминаю, что за моей спиной три поколения прокуроров, и готовлюсь к бою.

— Что это за чертовщина с метлой? — спрашивает Вадим голосом моего отца.

— Я же тебе сказала: дворником работаю. Надо мне где-то трудиться. Это временно, до зимы. Снег пойдет, тяжело станет, я брошу.

Мне кажется, что я все объяснила очень доходчиво, но Вадим так не считает.

— Что ты за человек, черт возьми? Мужья-придурки, соседи ненормальные, метла эта дурацкая. Что ты из своей жизни балаган устраиваешь?

— Далась тебе эта метла, — канючу я. — Ну а

мужья, что же теперь, топиться, что ли? Каких бог послал.

— Ты вообще серьезно говорить можешь? — спрашивает Вадим, и я с удивлением замечаю, что он повысил голос.

— Могу, но не буду. Ни к чему мне серьезно говорить, особенно о метлах и мужьях.

— Оставь этот дурацкий тон. Мне кажется, я имею право...

— Наверное, имеешь, — перебиваю я. — А я имею?

— Что?

— Я какие-нибудь права имею? Например, жить как считаю нужным?

— По-твоему, это нормальная жизнь?

— Само собой. Если тебе необходима светская львица, так ты квартирой ошибся, львицы в коммуналках не живут.

— При чем здесь коммуналка?

— Хорошо, поговорим о норме. Для тебя нормально, когда женщина ждет, с вопросами не лезет, жизнью довольна и чокнутой не выглядит?!

— Послушай, разве я тебя чем-то обидел? — спрашивает он, сбавляя обороты.

Неожиданно мне становится невыносимо скучно.

— Ладно, — говорю я. — Извини. Я тут глупостей наболтала. Вообще у меня не все дома. Наш роман затянулся. Давай скажем друг другу до свидания.

— Ты это серьезно? — Лицо Вадима становится неприятным.

— Вполне.

— Что-то я не очень понимаю.

— А чего тут понимать. Уходи.

— Та-ак, — Вадим садится в кресло. — Я не мальчик, обиженно в дверь ломиться не буду. Мне интересно тебя послушать.

Я молчу.

— Давай, давай, — требует Вадим.

Дураку ясно, просто так он не уйдет. Я чешу за ухом и пытаюсь прикинуть, как от него избавиться.

— Тебя больно ранило, что я дворник...

— Не болтай чепухи.

— Хорошо. Значит, тот факт, что я об этом умолчала. Не стоило этого делать, согласна. Однако тебя тоже особо разговорчивым не назовешь. Я знаю, что зовут тебя Вадим. Наверное, и фамилия есть?

— Фенька, — перебивает он мои излияния, — а ведь мы с тобой ругаемся. Невероятно. — Он садится рядом со мной на корточки, берет мои руки в свои и улыбается. — Ну, чего ты? В самом деле хочешь, чтобы я ушел?

— Нет, конечно.

— Слава богу. Предупреждаю сразу: ты от меня не отделаешься. Я тебя люблю. Чокнулся на старости лет.

— Тоже мне старик.

— Ну уж и не юноша. И тебе пора за ум браться, а не с метлой бегать.

— Ты совсем как мой папа говоришь.

— А что он говорит?

— За ум надо браться. Еще, говорит, рожать

пора. А то пройдет немного времени, и живот мне пойдет как седло корове.

— А что, правильно папа говорит. Можно прямо сейчас со всей серьезностью подойти к этому вопросу.

— Издеваешься? — спрашиваю я.

— И в голове не держу. Повесишь на стенку четвертую фотографию. Первый муж у нас кто?

— Журналист.

— Ну, вот: журналист, летчик, мент — достойная компания. На стенку рядом с ними не стыдно.

— Смейся, смейся, досмеешься.

Приходит пятница, мы едем на дачу Вадима. Именно там, в двенадцать минут третьего, стоя на балконе и задрав голову к звездному небу, я слышу:

— Фенечка, выходи за меня замуж. Я серьезно.

Через два дня мы скромно расписываемся при двух свидетелях: моей подруге Светке и приятеле Вадима по имени Павел. Своих родителей я решаю известить позже. Церемония завершается обедом на четверых в ресторане, а уже вечером мы отправляемся в свадебное путешествие. Жизнь представляется мне праздником, который будет длиться вечно...

— Фенька! — Услышав свое имя, я вздрогнула от неожиданности. Из-за калитки на меня с недоумением смотрела соседка. — Ты чего сидишь как истукан?

— Пейзажем любуюсь, — ответила я, с трудом поднимаясь с насиженного места. Сколько прошло времени? Должно быть, немало. Солнце успело переместиться за крышу дома и спряталось в облаках. — Дождь так и не начался, — буркнула я и поспешила скрыться в доме, махнув тетке рукой на прощание.

На кухне я долго шарила в шкафах в поисках сигарет. Дело зряшное, Юлька давно и безуспешно пытается отучить меня от дурных привычек. Я потерла виски, силясь унять внезапную боль, прошлепала в ванную и встала под душ. Холодная вода стекала по затылку, не избавляя ни от головной боли, ни от мыслей о прошлом. Поняв всю тщетность своих усилий, я растерлась полотенцем, вышла из ванной, быстро оделась и написала Юльке записку: «Задание выполнила. Постарайся не беспокоить меня в ближайшие пару дней». В своем роде я уникум, у меня нет мобильного телефона. Разные люди дарили мне мобильные, но они через некоторое время куда-то исчезали. В конце концов я решила, что судьба против и я обойдусь без него.

От Юлькиной дачи до остановки маршрутки всего-то сотня метров, я как раз успела к отправлению одной из них. Устроилась возле окна, гоня прочь воспоминания и отлично понимая всю бессмысленность этих попыток. Через сорок минут я вышла неподалеку от своего дома. Квартира встретила меня гулкой тишиной, я отыскала сигареты в ящике стола, вышла на балкон, закурила и, откинувшись на спинку пластикового стула, закрыла глаза...

Дня за два до возвращения домой из свадебного путешествия кто-то позвонил Вадиму. После этого разговора моего мужа точно подменили. Хоть он и силится выглядеть веселым, однако сквозь неизменную улыбку отчетливо проступает озабоченность. Как примерная жена, я не могу не обратить на это внимание.

— Что случилось? — спрашиваю я и получаю ответ:

— Все нормально.

— Может, поменяем билеты и вернемся раньше? — милостиво предлагаю я.

— Что ты, Фенечка, дела подождут.

Я пытаюсь расспросить его о делах, Вадим отвечает неохотно и весьма расплывчато. Впервые за все время меня посещает здравая мысль: а чем, собственно, занимается мой муж? Само собой, я помню, что он преуспевающий бизнесмен, вот только в какой области он преуспел? Мои настойчивые вопросы вызывают у него недоумение.

— Фенечка, моя работа — сплошная рутина, меньше всего мне бы хотелось говорить о ней на отдыхе.

— Так и быть, — решаю я. — Поговорим позднее.

В аэропорту нас встречает Сергей, я на заднем сиденье «Мерседеса» рядом с Вадимом, на мне сногсшибательное платье. Вадим, как всегда, ласков и предупредителен. С четвертым замужеством мне повезло, даже родителям придется это признать. Мысли мои ленивы и приятны, я то пребываю в сладкой полудреме, то прислушиваюсь к

беседе, которую ведут Вадим с Серегой, но разговор какой-то неинтересный, а встревать я считаю неприличным. В конце концов я засыпаю.

— Фенечка, — Вадим гладит мое плечо, — приехали.

Я потягиваюсь и смотрю в окно. Мы в пригороде, я и не знала, что здесь целую улицу отгрохали, и когда успели? Дома выглядят симпатично, перед каждым — зелененький лужок. Как в Америке (я там не была, но по телевизору видела).

— Который наш? — интересуюсь я.

— Прямо перед тобой.

— Это дворец.

— Так ты и должна жить во дворце, разве нет?

— Вообще-то я в коммуналке жила, но дворец тоже неплохо. Проживем. А кто в нем убираться будет?

Вадим смеется, настроение у нас превосходное.

— Уборщица приходит дважды в неделю, — сообщает он.

По тропинке, выложенной мраморной плиткой, идем к крыльцу.

— Ну, что, — говорит Вадим, — молодую жену в дом положено на руках вносить. Запрыгивай.

Я выполняю команду и оказываюсь в огромном холле, выдержанном в бело-синих тонах.

— Как тебе? — спрашивает Вадим.

На мой вкус, слишком много денег, но огорчать мужа мне совсем не хочется, я делаю восторженные глаза, попутно прикидывая, смогу ли я вообще жить в таком доме. Места для меня явно многова-

то, так и хочется в шифоньер залезть. Тут одна из дверей открывается, и выходит тот самый тип, который однажды возник в окне темно-фиолетового «БМВ».

— Привет, — говорит он, и они с Вадимом обмениваются рукопожатием.

— Знакомься, Фенечка, это Стас, а это моя жена.

Я, выдав лучшую свою улыбку, протягиваю руку, открыто и сердечно глядя в глаза новоявленному знакомому. Меня хватает на две секунды, после чего сердечность из моих глаз исчезает, а вслед за ней в неизвестном направлении отбывает открытость. На смену им приходят чувства, которые я с трудом классифицирую. Одно могу сказать: ощущение неприятное. В животе вдруг противно заныло, и шерсть, если б она у меня была, непременно встала бы на холке дыбом. Я все еще силюсь произвести хорошее впечатление, при этом пытаюсь угадать, чем меня этот Стас так донимает.

Впервые в жизни я торопливо отвожу взгляд в сторону, вещь неслыханная при моем врожденном чувстве независимости, которое кое-кто из недоброжелателей называет наглостью. Я несу несусветную чушь и при этом жмусь к Вадиму. Слава богу, длится все это недолго, появляется Серега с чемоданами, а Вадим решает показать мне дом. На первом этаже кухня-столовая, огромная гостиная, комната, которую Вадим называет гостевой, а также ванная и туалет. На втором этаже две спальни, кабинет Вадима, большая комната, которая вполне подойдет под детскую, а пока я

сразу же решаю сделать ее своей, открытая веранда и еще одна ванная и туалет. Вместо того чтобы восторгаться, я спрашиваю:

— Вадим, это кто?

— Где?

— Внизу. Этот Стас, он кто? Что он вообще делает в твоем доме?

— В нашем, Фенечка. Стас — мой брат, двоюродный. Так вышло, что он сейчас живет у нас. Я тебя уверяю, он нам мешать не будет. Стас устроился в гостевой, наверх никогда не поднимается. Я почти всегда у себя, вряд ли ты будешь видеть его часто. Стас — золотой парень, совершенно безобидный.

— А этому безобидному здесь жить обязательно? — голосом моей мамы интересуюсь я.

Лицо Вадима приобретает выражение, которое я не люблю. К счастью, я редко вижу его на лице мужа.

— Он здесь живет. Эту тему мы больше не обсуждаем.

«Это мы еще посмотрим», — думаю я, однако замолкаю.

В тот день Стаса я больше не вижу. Мы очень мило провели вечер с Вадимом, я заметно подобрела и даже подумала, что демонстрировать неудовольствие поспешила.

Утром я долго сплю, Вадим часов в восемь уехал на работу, у него дела, а у меня дел нет. Придется их придумать. Я распаковываю чемоданы, раскладываю вещи по полкам, отправляю в стирку белье и ловлю себя на мысли, что очень не хочу спускать-

ся на первый этаж. А между прочим, я у себя дома. С чего я, собственно, взяла, что Стас здесь? Он мог уехать с Вадимом или вообще провалиться к чертям собачьим, чего я ему от души желаю. Ближе к обеду голод вынуждает меня отправиться на кухню.

Я грохочу кастрюлями, хлопаю дверцей холодильника и при этом пою. Однако каждые пять минут кошусь на дверь гостевой. Никаких признаков жизни. Я успокаиваюсь, всецело переключив внимание на готовку. Вот тут-то дверь и открывается. От неожиданности я глупо ойкнула.

— Привет, — говорю я. — Извини, не знала, что кто-то есть в доме.

Я успела сосчитать до двадцати, прежде чем он ответил:

— Ты у себя. — Низкий, хриплый голос.

— Ты обедал? — «Чего это я улыбаюсь как дура?»

— Да, спасибо. — Он проходит, наливает чай, берет печенье в вазочке.

Я шарахаюсь к мойке, второй раз мою помидоры. Руки у меня дрожат. Чего я боюсь, черт возьми, чего? Сидит человек, пьет чай, на меня не смотрит. Зато я на него смотрю. Исподтишка. Короткая стрижка, волосы темные, тяжелый подбородок. Взгляд неприятный. Оказавшись под этим взглядом, против воли начинаешь ерзать. Крепкий парень, правда, не из тех, что пропадают в спортзалах, накачивая мускулы. Двигается легко, но сила в нем чувствуется немалая. Ну и что? Здоровых мужиков я не видела, что ли? Вадим, кстати, на хилого интеллигента тоже не тянет.

Стас мазнул взглядом, в котором была усмешка, и у меня возникло подозрение, что он считает жену брата существом пустым, на которое время тратить жалко. Да ради бога.

— Ты мой портрет по памяти писать собираешься? — вдруг спрашивает он.

— Что?

— Кончай пялиться, вот что.

«Чтоб ты сдох», — хочется сказать мне. Конечно, я этого не делаю.

— Извини, — надеюсь, улыбка у меня естественная. — Не очень вежливо разглядывать человека, просто я любопытная. Не злись, ладно?

— И не думал.

— Салат будешь? — спрашиваю я, голос какой-то подхалимский.

— Нет. Идем, покажу кое-что.

Я плетусь за ним к входной двери.

— Дом на охране, — говорит Стас. — Запомни код.

Минут десять я осваиваю премудрости сигнализации, после чего мы возвращаемся в кухню. Я впереди, спиной чувствуя его взгляд. Мне совершенно ясно, что вдвоем нам в этом доме не ужиться, но в том, что здесь останусь я, уверенности нет никакой. Обедать мне уже не хочется, единственное, чего хочется, оказаться как можно дальше отсюда, и я иду наверх переодеться, собираясь покинуть дом. Не навсегда. Просто прогуляться. Когда я оказываюсь возле входной двери, рядом материализуется Стас.

— Куда ты?

— Хочу навестить родителей, — испуганно отвечаю я, заподозрив неладное.

— Вадим просил тебя побыть дома.

— Ничего подобного он мне не говорил.

— Зато мне сказал.

— Да пошел ты...

— Вадим вернется, вот его и пошлешь. А до тех пор, пока его нет, ты сидишь дома. Надеюсь, вопросов нет?

Вопросов у меня сколько угодно, но задать их я не успеваю. Стас берет вазочку с печеньем и исчезает в своей комнате. Входная дверь заперта, ключа у меня нет. Чертыхаясь, я возвращаюсь в кухню, хватаю трубку и звоню Вадиму. Ответить он не пожелал. Я придумываю ему оправдания, попутно строя грандиозные планы по освобождению своего дома от «золотого» парня. Если нельзя просто выгнать его в шею, будем искать обходные пути.

Кое-как перекусив, поднимаюсь на второй этаж. Еще одна попытка дозвониться до Вадима успехом не увенчалась. Собравшись с силами, я звоню Агате. Пора «сдаваться», то есть сообщить родителям об очередном замужестве. Для начала их надо подготовить, в этом смысле я очень рассчитываю на сестру.

— Привет, — говорит Агатка голосом мученицы.

— Как дела? — бодро спрашиваю я.

— У тебя или у меня?

— А что там такого с моими делами? — замираю я в недобром предчувствии.

— Папа убрал твою фотографию со стола, а мама заявила, что у нее больше нет дочери. Само

собой, в виду имели тебя, я девочка хорошая. Не хочу тебя пугать, но, по-моему, ты допрыгалась.

— Чего такого я успела натворить?

— Замуж вышла, — усмехается Агатка.

— Ну и что? Не первый раз.

— Точно. Надеюсь, что не последний. Хочешь совет? Собирай вещички и рви к родителям. Авось простят, списав сей проступок на твою беспросветную глупость.

— Кинуться в ноги я всегда готова, вот только вещички собирать зачем?

— Ты за кого замуж вышла, дурища? — со вздохом вопрошает Агатка.

Данный вопрос и меня очень интересует, и я осторожно спрашиваю:

— А за кого? — Пауза. — Агатка, — зову я, — за кого я вышла замуж, а?

— В самом деле дурища, — констатирует она. — Прежде чем тащиться в загс, нехудо бы узнать, кто твой избранник.

— Бизнесмен, — робко вставляю я.

— Ага. Весьма авторитетный. Ты что, думала, отцу о зяте не донесут?

— Подожди, что значит авторитетный? — не на шутку пугаюсь я.

— То и значит. Бандит твой Вадим.

— Да ладно, хорош заливать. Не похож он на бандита. Приличный мужик...

— У отца на него досье на восемнадцати страницах. Этапы большого пути. Год назад он купил себе заводик и заделался бизнесменом, но суть от

этого не меняется. На хрена козе баян, а родителям зять с такой репутацией?

— Вот черт, — бормочу я в полнейшем отчаянии. — Слушай, если он сейчас бизнесмен, так, может, и обойдется?

— Может, и обойдется. Но к родителям или с вещами, или лучше повремени. Я попробую донести до их сознания, что ты вляпалась по недомыслию. Хотя незнание от ответственности не освобождает и глупость не является смягчающим обстоятельством. Ты замуж пошла, чтоб от работы откосить, или у тебя любовь?

— Вроде была любовь до разговора с тобой. Если честно, он мне и сейчас нравится. Ей-богу, нормальный мужик...

— Ладно, будем считать, что он перевоспитался. Предки в тебе души не чают, думаю, простят. Опять же, дурные привычки неискоренимы, так что, скорее всего, твой брак продлится не дольше предыдущих. Как тебя угораздило, чучело? Раньше тебя на плохих парней не тянуло, Леха хоть и алкаш, но душевный.

Я пожаловалась на злодейку-судьбу, Агатка посочувствовала. Тут бы нам и проститься, но я неожиданно говорю:

— Помнишь того типа, что подъехал к моему дому? Его зовут Стас.

— И что?

— Ничего. Он у нас живет. Вадим сказал, что это его двоюродный брат. Сидит, зараза, в своей комнате...

— А фамилию этого типа ты не знаешь? — Те-

перь голос Агатки звучит серьезно, я чувствую ее беспокойство.

— Нет, а надо?

— Пытаюсь вспомнить, где я его видела.

— Фамилию я узнаю.

— Фенька, может, все-таки наплюешь на любовь — и к родителям?

— Я подумаю.

— Ладно, пока, — говорит Агатка. — Ты, конечно, дура редкая, но я тебя люблю.

Признание для сестрицы совершенно невероятное, значит, плохи мои дела.

В шесть в доме появляется Вадим; услышав, как он зовет внизу «Фенечка», я выплываю из комнаты, готовясь к бою. Муж заключает меня в объятия и целует в макушку.

— Есть что-нибудь перекусить? — спрашивает он. Я решаю сначала накормить его, а уж потом выяснять отношения. Пока я сервирую стол, он заглядывает к Стасу. В гостевой он пробыл минут десять, в кухню возвращается с таким выражением на лице, будто готовится, как и я, к бою. Однако говорит ласково:

— Как провела день?

— Скверно. Хотела навестить родителей, но твой Стас сказал, что я должна сидеть дома. В самом деле должна?

— Видишь ли, сейчас у меня непростой период, кое-какие проблемы. Лучше, если некоторое время Стас будет рядом с тобой.

— Это в каком же смысле? — уточняю я, не-

произвольно уперев руки в бока и одаривая мужа суровым взглядом.

— Считай его своим охранником, — улыбнулся Вадим.

— Вот уж в ком я точно не нуждаюсь...

— Так мне будет спокойнее. Он приглядит за тобой, пока ситуация не изменится.

— А что там с ситуацией?

— Спорные вопросы. В бизнесе такое случается.

— Кстати, о бизнесе. Ты мне так и не рассказал, чем занимаешься.

— Ты ведь сегодня звонила сестре? — Вопрос повис в воздухе. Выходит, Стас подслушивал наш разговор и донес Вадиму. «Тем лучше», — решаю я. — Фенечка, ты кое-что забыла мне сообщить, — продолжает Вадим. — Папа у нас с тобой кто?

— Папа — Завьялов Константин Викторович, — вздыхаю я.

— О нашей маме я не спрашиваю, фамилия в городе известная. Возможно, твои родители не придут в восторг от такого зятя, как я, однако хочу напомнить, что в городе вряд ли найдется с десяток серьезных бизнесменов с образцовой биографией. Что бы ни было с моей — все в прошлом. Думаю, твои родители немного успокоятся и с пониманием отнесутся к твоему выбору.

— Ты плохо знаешь моих предков, — хмыкаю я.

— Тогда им придется смириться, — улыбается Вадим, кажется, он и мысли не допускает, что я могу последовать совету сестры. — Поверь мне, — серьезно говорит он. — Все будет хорошо. Вот увидишь.

Только я собираюсь возразить, как он хлопает себя по лбу в притворном удивлении.

— Совсем забыл, у меня же для тебя свадебный подарок.

Он берет меня за руку и ведет в гараж. Гараж большой, в нем свободно разместились три машины: «Мерседес», «БМВ» и «Ауди». Вадим подводит меня к «Ауди» и жестом фокусника достает из кармана ключи с золотым брелоком. Протягивает мне.

— Это взятка? — хмуро интересуюсь я.

— Это подарок. У тебя ведь есть водительское удостоверение?

— Есть.

— Пока поездишь со Стасом.

— С какой стати?

— Фенечка, я ведь все объяснил. Разве нет? — Вадим заключает меня в объятия и через мгновение шепчет: — Я люблю тебя.

Я пытаюсь решить насущный вопрос: люблю ли его я? Выходит, люблю, потому что спорить с ним совсем не хочется. Хоть «Ауди» и классная тачка, но не настолько, чтобы я, прельстившись ею, решила остаться. Значит, все-таки любовь. Мысль вернуться к родителям, признав, что в очередной раз я сваляла дурака, вызывает у меня протест. Вадим прав, вряд ли многие бизнесмены могут похвастать особой честностью, об этом еще основоположник марксизма писал. И родители во мне души не чают, хоть я и паршивая овца. «Все как-нибудь устроится», — сияя улыбкой, думаю я и эдаким бодрячком возвращаюсь в кухню кормить мужа.

Ночью я просыпаюсь от холода. Окно открыто настежь, идет дождь, сыро, а мы лежим под простыней. Вадим спит, раскинув руки, и я вновь задаюсь тем же вопросом: люблю ли я его? Наверное, если я его жена и хочу быть с ним. Я наклоняюсь и осторожно целую его. Потом сижу в постели и смотрю на мужа. Спать мне совершенно не хочется. Накидываю халат и спускаюсь в кухню. Включаю чайник, стоя спиной к двери, достаю мед из шкафа. Стас вошел абсолютно бесшумно, в этот момент я и обернулась. От неожиданности вскрикнула, шарахнулась в сторону, поскользнулась на гладкой плитке и грохнулась на пол.

Вместо того чтобы подняться, я ударилась в панику черт знает с чего и, смешно подпрыгивая на том месте, что ниже спины, отползла в сторону, тараща глаза на Стаса. Дура, прости господи. Он сделал ко мне шаг, потом еще один, а я заорала. Стас протянул руку:

— Вставай.

Тут до меня дошло: он просто хочет мне помочь. А я что подумала? Что у него в руке, которую он за спиной прячет? Я подаю ему руку. Она дрожит, как у алкоголика со стажем, и вид у меня, надо полагать, обалденный: халат распахнут, грудь наружу, коленки поджаты.

— Я просто хотела пить, — говорю я, слегка заикаясь.

Чайник со щелчком выключился, Стас наливает кипяток в чашку, потом заварку.

— Пожалуй, выпью сок, — говорю я, распахивая холодильник. Пакет выскальзывает из рук. Я

смотрю, как вишневый сок стекает по моей груди. Стас берет полотенце и протягивает мне. Я не могу оторваться от его глаз, его рука с зажатым полотенцем замерла возле моей груди.

— Не смей! — ору я. — Не смей на меня так смотреть!

Я бегу по лестнице, перескакивая через три ступеньки, в дверях спальни сталкиваюсь с Вадимом.

— Что случилось? — У него испуганное лицо.

— Я хотела пить! — ору я. — Я хотела пить, и тут вдруг он. Господи, я не могу жить с ним в одном доме. Какого хрена он так смотрит?

Вадим обнимает меня.

— Фенечка, успокойся. Просто Стас вошел неожиданно, и ты испугалась.

— Прогони его, слышишь, прогони его или...

— Фенечка, — перебивает Вадим, — не говори того, о чем потом можешь пожалеть.

Я замолкаю с приоткрытым ртом.

Мне снится сон. Я лежу, вытянувшись в постели, и волна страха накатывает на меня. Мой слух фантастически обострен. Я слышу, как Стас ходит: по-звериному тихо. Это невозможно, но я слышу его дыхание. Он дышит тяжело... вдох... выдох... Я слышу, как стучит его сердце. Оно стучит очень громко, и мое начинает биться с ним в такт. Мне хочется кричать, я хватаю Вадима за руку и просыпаюсь.

Утром я загораю на веранде, нацепив наушники. Шляпа надвинута на глаза. Нормальная жизнь.

Идиотская. Родная коммуналка сейчас кажется мне лучшим местом в мире. Я всерьез подумываю сбежать. Вышла замуж, так и не рыпайся, дура стоеросовая. Все хорошо. Лежу, слушаю Шопена. Как же это меня в четвертый раз угораздило? Надо позвонить Агатке, только сначала узнаю фамилию Стаса. Проще всего спросить об этом Вадима. Почему бы и нет? Вполне естественно. Черт, я не решаюсь спросить мужа о фамилии его брата. Это как вообще называется? Очень удачное замужество, вот как. Ладно, с фамилией разберемся своими силами.

Подходящий случай представился вечером. Я на кухне готовлю ужин, вижу в окно Стаса и Вадима, они идут к гаражу. Минут пять у меня есть. Я распахиваю дверь в комнату Стаса, сердце стучит где-то возле горла. Осматриваюсь. Комната как комната. Я кидаюсь к шкафу, торопливо открываю ящики. В четвертом сверху лежит паспорт. Малахов Станислав Игоревич, родился в Риге. Голоса за окном. Ящик закрыт, я возле двери, глубокий вдох, и через мгновение я в кухне. Ощущение такое, будто я пережила смертельную опасность и сделала что-то значительное. Смех, да и только. Я ухмыляюсь и пою. Они входят друг за другом, разговаривают, я не прислушиваюсь.

— Чай будете? — спрашиваю я.

— Да, — бросает Вадим, Стас вдруг посмотрел на дверь своей комнаты, а потом на меня. И тут я замечаю, что второпях дверь закрыла неплотно. Я замираю на целых тридцать секунд. Ну, и что ты смотришь, что ты там в моем лице надеешься

отыскать? Я к твоей комнате и близко не подходила. Однако взгляд его выдержать трудно, я поворачиваюсь спиной, повод есть — достаю заварочный чайник. Смотрю в стену перед собой и напеваю. Когда я разливаю чай, лицо мое, как мне кажется, совершенно непроницаемо. На Стаса я не смотрю, болтаю с Вадимом о всякой чепухе. К примеру, масло у нас кончается, и пива осталось четыре банки, а Вадим пиво любит. Однако как я ни старалась, а один раз наши взгляды все-таки встретились. Стас смотрел с ухмылкой, крупные белые зубы вызывали стойкую ассоциацию с волчьим оскалом. Ну и ухмыляйся на здоровье, что ты мне сделаешь? Даже сказать ничего не скажешь. Сиди и молчи. Нисколечко я тебя не боюсь.

После чаепития я поднимаюсь наверх и звоню Агатке. На этот раз по мобильному, радуясь очередному подарку Вадима.

— Нет у твоего мужа никакого двоюродного брата, — с места в карьер сообщает сестра. — Бывшая жена и сын, тебе ровесник. Больше никаких родственников.

Новость меня не удивляет.

— Фамилия Стаса Малахов, — сообщаю я. — Малахов Станислав Игоревич.

— О черт! — восклицает Агатка. — Как же я его не узнала?

— Кто он? — спрашиваю я.

— Помнишь мое первое дело? Я тогда у Алексеева в помощницах ходила?

Еще бы не помнить, Агатка мне с ним все уши прожужжала. На процессе она защищала убийцу,

который, по ее мнению, вовсе им не был. Сестра тогда выложилась, провела свое расследование. У нее появилась собственная версия, вот только доказательств не было. У настоящего убийцы имелось железное алиби. Агатка ужом вертелась, но добилась лишь смягчения приговора. Слегла на неделю от горя, что человек ни за что в тюрьму пойдет.

— Ну и с какого бока там этот Стас? — проявила я интерес.

— Убийца твой Стас. Наглая сволочь. Ухмылялся так гаденько. Я к нему после суда подошла и сказала: «Я знаю, ты убил, ты».

— А он что?

Темперамент у моей сестрицы будь здоров, могу представить, как она ему это выдала.

— Дословно отвечать? — разозлилась Агата. — В общем, предложил мне заняться оральным сексом.

— Стремно, — говорю я. — И он еще жив после этого?

— Ты чего веселишься? — Голос Агатки дрожит, слава богу, что по телефону беседуем. — С убийцей в одном доме живет, муж у нее черт-те кто, а она зубы скалит. Сама дура конченая, так хоть бы об отце подумала.

— Я что, знала? — слабо отбиваюсь я. — Мне самой этот Стас как кость в горле. Сегодня меня с дверью поймал, так глянул, что у меня кишки свело.

— С какой дверью?

— Долго объяснять.

— Фимка, — голос у сестрицы совершенно несчастный, — ты там только ни в какие игры не играй, слышишь? Я тебя знаю, мозги у тебя набекрень, начнешь из себя Мату Хари строить и окажешься на кладбище.

— А папа как же? — «Ну, чего я Агатку-то злю?»

— Дура! — рявкает она и отключается. Ну вот, сестрицу обидела, одна у меня сестра, и я ее люблю. Полежав немного, уставившись в потолок, я опять тянусь к телефону. Полчаса прошло, Агата Константиновна должна успокоиться.

— Эй, — говорю я, — не злись. Лучше помоги мне. Узнай, с какой стати этот тип живет в нашем доме. Вадим намекал на какие-то неприятности. Хотелось бы знать, что он имел в виду.

— Это я тебе и так скажу. Никак не поделит доходное предприятие с одним типом, таким же бандитом, как и он. Не хочу тебя пугать, но знающие люди утверждают, что дело кончится стрельбой.

Я не успеваю ответить, в комнате появляется Вадим, и я спешно прощаюсь с Агатой.

— Кому звонила? — с улыбкой спрашивает он.

— Сестре. Оказывается, у тебя нет двоюродного брата. Родного тоже нет. Или Стас троюродный?

Вадим садится рядом и берет меня за руку. Мне хочется ее освободить, но я сдерживаюсь.

— Я сказал, что он мой брат, чтобы избежать объяснений. На самом деле он мой охранник.

— Тебе нужна охрана?

Он не отвечает.

— Чего ты молчишь?

— Я уже говорил, сейчас у нас непростой период.

— Тогда почему твой охранник сидит в доме, вместо того чтобы охранять тебя?

— Потому что твоя безопасность для меня куда важнее.

— Ты это серьезно? Я имею в виду, ты действительно считаешь... — Я не успеваю договорить, он перебивает:

— Фенечка, это разумная предосторожность, не более.

— У меня папа прокурор, ты что, забыл? Кто ж меня тронет? А вот что касается тебя... Агатка говорит, дело может закончиться стрельбой.

— Глупости. Мы договоримся. Немного потреплем друг другу нервы, но договоримся. У меня к тебе просьба: решишь что-нибудь узнать — обращайся ко мне. Хорошо?

— А ты ответишь? — хмыкаю я.

— По возможности.

После этого разговора у меня на душе кошки скребут. К сожалениям по поводу дурной привычки выходить замуж прибавилось беспокойство за Вадима. Его утверждение, что ему ничего не грозит, меня не убедило.

Поздно вечером я подслушиваю разговор между мужем и Стасом. Они в гостиной, говорят довольно громко. Предполагается, что я в этот момент сладко сплю в спальне на втором этаже. Сквозь приоткрытую дверь я вижу Вадима: он стоит возле камина, свет настольной лампы падает на его

лицо, делая его суровым, даже мрачным. Стас сидит на диване, спиной ко мне.

— Сейчас это было бы неосмотрительно, — говорит Вадим. — Я попробую с ним договориться.

Стас усмехается, видеть этого я не могу, но чувствую.

— Попробуй. Время работает на него. Упустишь шанс — он тебя раздавит.

— Все-таки это крайний случай.

— Ты хозяин, тебе видней. По мне, так это надо было сделать еще вчера.

Вадим трет пальцами глаза, устало хмурится.

— Да, вот еще что. Попробуй быть помягче с Фенькой, она тебя за что-то невзлюбила. Должно быть, сестрица напела ей о темных фактах твоей биографии.

— Где были твои мозги, когда ты на ней женился? — вновь усмехается Стас.

— Брось, она хорошая девчонка. Немного ершистая, но это пройдет. Присмотри за ней. — Последняя фраза мне совсем не нравится. Впрочем, к тому моменту мне и без фразы Вадима понятно, что Стас здесь вовсе не затем, чтобы меня охранять. «Я в любой момент могу сбежать отсюда, — утешаю я себя. — Вернуться к родителям». Но сама в этом сомневаюсь.

Я на цыпочках иду к лестнице, разрываясь между желанием поскорее смыться из этого дома и быть примерной женой, раз уж меня угораздило выйти замуж. Примерные жены готовы за мужьями хоть в Сибирь. Туда мне совсем не хочется, но признаться в том, что я сваляла дурака, не позво-

ляет гордость. Так ничего и не решив, отхожу ко сну.

Утром мне вовсе ничего не хочется решать. Я долго валяюсь в постели, прислушиваясь к шагам внизу. Звонит Агата, я досадливо морщусь, услышав ее голос.

— Как дела? — спрашивает сестрица.

— Так же. Узнала что-нибудь?

— Шутишь? По-твоему, это так просто? Думаю, Малахов — охранник твоего мужа.

«Вряд ли, — мысленно вздыхаю я. — Скорее доверенное лицо». Подслушанный вчера разговор не позволяет надеяться, что все так просто. О разговоре я помалкиваю, скажи я о нем Агатке, и мне придется спешно покинуть дом под конвоем сестрицы. Делать этого по непонятной причине я не собираюсь. Чтобы избавиться от неприятных мыслей, решаю себя развлечь. Правда, с трудом представляю как. Спускаюсь вниз, Стас на кухне грызет печенье, уткнувшись в журнал. Чужие скверные привычки вызывают тихое бешенство.

— Мне что, из дома вовсе нельзя выходить? — спрашиваю я, пожелав Стасу доброго утра.

— Можно, — кивает он. — Только со мной. Куда собираешься?

— Покатаемся по городу, — пожимаю я плечами, ничего толком так и не придумав.

Стас отбрасывает журнал в сторону, поднимается из-за стола.

— Я не тороплюсь, — говорю я поспешно, адресуясь к его спине, потому что он уже идет к своей комнате.

Через двадцать минут я его люто ненавижу. Скандал вспыхивает из-за машины. «БМВ», стоявший в гараже, принадлежит Стасу. Он предлагает отправиться на нем, и я соглашаюсь исключительно из-за желания сохранить шаткий нейтралитет.

— Я сяду за руль, — говорю я вполне вежливо, даже с некоей просительной интонацией.

— Только не в моей машине, — бросает он и садится на водительское кресло.

— Я хорошо езжу, честно. — Я с трудом сохраняю дружеский тон. — Ничего с твоей машиной не сделается.

— Надеюсь.

— Тебе тачку жалко или ты встал не с той ноги?

— Поехали. — Он заводит машину, как будто не слыша моих слов.

— Легче с гремучей змеей договориться, — сквозь зубы бормочу я и направляюсь к «Ауди».

Так мы и катим по улицам: я впереди, а Стас за мной, висит на хвосте, как в шпионском фильме. Сделав круг по городу, я возвращаюсь домой, бросаю машину возле гаража и громко хлопаю дверью.

Следующие четыре дня проходят совершенно одинаково: с утра я еду по магазинам, Стас за мной, я упорно брожу от прилавка к прилавку, делаю бессмысленные покупки, захожу в парикмахерскую, где он вынужден часами сидеть в компании болтливых девиц с йоркширскими терьерами, слоняюсь в толпе народа по центру города с одной целью — досадить Стасу. Удается мне это

или нет, наверняка не скажешь, глаза его скрыты за темными очками, физиономия непроницаемая. Мои редкие вопросы он игнорирует и сам по большей части молчит. Некоторое разнообразие в жизнь вносит появление уборщицы, почтенной дамы пенсионного возраста. Не спеша убираясь, она растолковывает, как мне повезло с мужем, добрым, чутким и отзывчивым. С этим я соглашаюсь, хоть и без особой охоты. Далее приходит очередь Стаса: вслед за Вадимом Марина Игнатьевна называет его «золотым парнем», от себя прибавляя «на редкость воспитанный молодой человек».

Я меняю тактику, составляю колоссальную культурную программу, брожу в пустынных залах музея в гулкой тишине, иногда подолгу стою возле какой-нибудь картины, ловлю отражение в стекле человека за моей спиной. Потом навещаю подруг, пью чай, болтаю чепуху и думаю о том, что Стас сидит возле подъезда в своем «БМВ». Он должен меня ненавидеть. Может, это и так, только вывести его из себя не удается. Мне никогда не пробиться сквозь его холодное равнодушие.

Я плутую: включаю на перекрестке правый поворот, лихо перестраиваюсь в левый ряд и торопливо ухожу. Мне хочется орать от восторга, когда я не вижу «БМВ» на хвосте, но через несколько секунд машина появляется вновь. Я могу дразнить его до бесконечности и с тем же результатом.

Вечерами я ждала нагоняя от Вадима за свои дневные выкрутасы, но Вадим выслушивал мой отчет о прожитом дне и никак не реагировал. Из этого я сделала вывод, что Стас молчит. Почему?

Моя семейная жизнь выглядит довольно странно: мы ужинаем с мужем, смотрим телевизор, иногда куда-то идем, а я прислушиваюсь к шагам внизу и строю планы с хитроумными ловушками.

Через неделю я решаю: если врага нельзя победить, значит, его надо приручить. Для этого необходимо терпение и время. Времени у меня сколько угодно, и терпением бог не обидел.

С утра я собираюсь посетить городскую ярмарку, занимаю место в своей машине, Стас в своей. Я завожу мотор, слушаю его минуты две и вновь поворачиваю ключ. Потом, тяжело вздохнув, беру сумку и выхожу из машины. Стас равнодушно наблюдает, как я приближаюсь, открываю дверь его «БМВ», сажусь рядом.

— Давай бензин экономить, — миролюбиво предлагаю я. — Все равно от тебя не отделаешься.

Я улыбаюсь. Не уверена, что он это заметил, потому что на меня не смотрит. Мы трогаемся с места. Ярмарку устроили на другом конце города, в лесопарке. Ехать туда минут сорок, все это время мы молчим. Я подбираю слова, чтобы начать простой, естественный разговор. На это уходят все сорок минут. Стас въезжает на стоянку, я улыбаюсь без особой надежды на успех и говорю:

— Американские горки работают.

Само собой, в ответ тишина. Вот уж кто намертво усвоил пословицу, что молчание — золото! Я решаю плюнуть на все пословицы мира и получить максимум удовольствия, набираю в грудь воздуха и воодушевляюсь.

— Пойдем вон туда, — говорю я, хватаю Ста-

са за руку и тяну его к колесу обозрения. Народа не так много, как я опасалась, и наша очередь подходит быстро.

— Топай, — говорит Стас.

— А ты?

— Я высоты боюсь.

— Не ври. Ничего ты не боишься. Просто делаешь мне назло.

Он все-таки идет со мной, мы медленно поднимаемся над парком. Я повизгиваю от восторга, болтаю о чем попало и без конца тормошу Стаса, решив не реагировать на его молчание. Он покорно крутит головой и отвечает хоть и неохотно, но для меня и это уже кое-что. Вернувшись на грешную землю, покупаю мороженое, сую одно в руку Стаса. Он лениво жует, смотрит по сторонам, в глазах появляется тоскливое выражение. Я не обращаю на это внимания. Скачу на одной ноге, поправляя туфлю, роняю сумку, висну на руке Стаса и болтаю без умолку. Попутно выдаю массу ценной информации о своем детстве, любви к котам и собакам и прочую чушь. В конце концов он начинает мне отвечать, правда, неохотно. Я на седьмом небе от первых успехов. Мы сидим на скамейке, Стас приподнимает очки, смотрит на меня, а я с удивлением обнаруживаю, что глаза у него вовсе не карие, как мне казалось, а темно-синие, с большим зрачком. На скуле слева бритвенный порез, утром я Стаса торопила.

Я отвожу взгляд от его лица, выравниваю дыхание и иду к американским горкам. Покупаю целую пачку билетов, Стас смотрит на это без эн-

тузиазма. Мы занимаем места и летим вперед. Я хватаю Стаса за руку, визжу на каждом спуске и прижимаюсь к нему, ощущая плечом, бедром, грудью напряжение его тела. Он представляется мне тугим клубком с потерянной ниточкой. Я могла бы кататься бесконечно долго, меня охватывает какое-то озорное веселье, я не выпускаю руки Стаса и уже не знаю, что это, игра или необходимость. От яркого солнца, скорости и шальных мыслей кружится голова.

— Здорово, правда? — плюхаясь на ближайшую скамью, спрашиваю я потом.

— Ага, теперь я знаю, что ненавижу больше всего на свете.

Я опять висну на его руке и верчу головой по сторонам. На мгновение мне кажется, что я счастлива.

— Ты собиралась в торговый центр, — напоминает Стас.

— Времени у нас сколько угодно.

— Больше ни на чем кататься не буду, — мрачно заявляет он.

— Я есть хочу, а ты?

— Можно, — кивает он. — Поедем домой?

— Ну уж нет. Вон там кафе, идем.

Мы устраиваемся за столиком под полосатым грибком, я раскачиваюсь на тонконогом стуле, пока Стас стоит в очереди — здесь самообслуживание. Он машет мне рукой.

— Что будешь есть? — спрашивает.

— Все равно, только не горячее.

Я опять сажусь под тентом, нацепив очки от

солнца и вытянув ноги. Я дружу со всем миром. Подходит Стас, ставит на стол поднос и снимает с него тарелки, я помогаю. Мы сидим друг против друга и уплетаем салат, бог знает из чего приготовленный.

— Вкусно? — спрашиваю я.

— Нет.

— Слушай, я тоже не в восторге от того, что мы целыми днями должны мозолить глаза друг другу. Но не я ведь это придумала. Чего ты на меня злишься?

— Я не злюсь. Если б ты не висла на моей руке и не трещала как сорока, я был бы счастлив.

— Не виснуть и не трещать я не умею. Чем скорее ты свыкнешься с этой мыслью, тем лучше.

— Считай, я уже смирился.

— Замечательно. Может, мы поболтаем?

— Может быть.

— Ты давно знаешь Вадима?

— Давно.

— Расскажи, как вы познакомились.

— У мужа спроси, это первое. А теперь второе: что тебе понадобилось в моей комнате?

Я морщу нос.

— Паспорт искала. Хотела узнать твою фамилию. Вы же великие конспираторы. У вас не спросишь.

— Зачем тебе моя фамилия?

— Как зачем? Хотела узнать, кто ты.

— Узнала?

— Само собой.

— Нравится?

— Ты о чем?

— У тебя есть сестра, — говорит он. — Тоже красивая, правда, в отличие от тебя не настолько, чтобы, отправляясь с ней в ресторан, прихватывать с собой кастет: отбиваться от назойливых придурков.

Я слушаю, приоткрыв рот, потом спрашиваю неуверенно:

— Ты это серьезно? Насчет моей красоты?

— А то ты не знаешь, — усмехнулся он и добавил хмуро: — Твоя сестра бойкая баба. Я ее помню.

— Так вы знакомы?

— Дуру из себя не строй, получается так себе.

— Опять врешь. Все у меня хорошо получается.

— На всякий случай предупреждаю: то, что тебе наплела сестрица, полная хрень. Я хороший парень, который зарабатывает на жизнь тем, что охраняет богатых дамочек, пока их мужья заколачивают миллионы.

Стас уходит с подносом и возвращается с двумя чашками кофе и печеньем. Я решаю не углубляться в опасную тему и болтаю о чем попало, при этом по обыкновению машу руками. В конце концов я опрокидываю локтем чашку, кофе выплескивается на мою белую юбку. Я с визгом вскакиваю, задеваю стол, теперь падает чашка Стаса, заливая его джинсы. «Накрылась дружба», — с тоской думаю я и бормочу:

— Я нечаянно. — Торопливо достаю из сумки салфетки, слышу, как Стас говорит «растяпа», и с удивлением вижу, что он смеется. Качает голо-

вой и смеется. При этом лицо у него вполне человеческое и даже симпатичное.

— Замыть надо, — говорю я, указывая на его джинсы.

— Обойдусь.

— Я и не думала, что ты смеяться умеешь.

— Это у меня нечаянно получилось, — язвительно говорит он, качает головой и опять смеется. — Пошли, пока ты еще чего-нибудь не опрокинула.

Мы бредем по аллее, разговариваем, то есть это я трещу как сорока, а Стас время от времени лениво кивает. В эйфории от первой победы я забываю пословицу, что торопливость нужна лишь при ловле блох. После посещения торгового центра приходится ее вспомнить. Мы возвращаемся к машине, Стас держит в обеих руках пакеты.

— Надо было взять купальник, — говорю я, когда мы отъезжаем от торгового центра. — Могли бы съездить на озеро. Я знаю одно место, когда мы с Агаткой были маленькие...

— Ты можешь хоть немного помолчать? — спрашивает Стас. — У меня голова пухнет от твоей болтовни. Не женщина, а попугай.

— Если я буду молчать, тогда у меня голова начнет пухнуть, а моя голова мне дороже. Так что терпи. Давай я тебе покажу, что купила.

— Не надо, — протестует Стас, но я уже встаю на колени и тянусь к пакетам на заднем сиденье. Тут меня посещает мысль о том, что в короткой юбке этого, пожалуй, делать не следовало, но отступать поздно. Стас качает головой и от-

ворачивается к окну, я достаю пакеты, усаживаюсь поудобней.

— Смотри, это Вадиму. Нравится?

— Нет.

— У тебя плохой вкус. А это мне. Очень удобные туфли. Пожалуй, я их сразу и надену. А футболка нравится?

— Нет.

— Очень жаль, потому что я ее тебе купила. Цвет точно твой. Подожди, прикину.

— Убери руки, ты мне мешаешь.

— Ничего подобного.

— Сядь как следует, или пойдешь пешком.

— Хоть бы спасибо сказал, хороший подарок.

— Мне подарки без надобности.

— Возьмешь футболку?

— На черта она мне?

— Тебе что, подарки никогда не дарили?

Стас хватает футболку и выбрасывает ее в окно.

— Идиот, — говорю я и отворачиваюсь.

Утром я спускаюсь в кухню, муж и Стас пьют кофе, при моем появлении замолкают на полуслове.

— Без тайн вы не можете, — ворчу я.

— Это не тайны, это дела, — хмуро отвечает Вадим. Чем он с утра недоволен?

— Мне уйти?

Видимо, он решил, что меня обидел, поспешно улыбнулся и сказал:

— Нет, конечно. Извини.

— Что приготовить на завтрак? — спрашиваю я.

— Салат какой-нибудь.

Вадим к еде совершенно равнодушен, а Стас постоянно грызет печенье, чистое наказание.

— Ты себе желудок испортишь, — ядовито говорю я.

Вадим решает проявить интерес к моей жизни и спрашивает:

— Чем думаешь заняться?

— Хочу съездить в Спасское, пофотографировать. Подруга обещала пристроить фотографии в журнал, если выйдет что-нибудь путное. Ты не против?

— Нет, конечно. — Стас к этому моменту отбыл в свою комнату, Вадим спрашивает, словно извиняясь: — Как вы? Ладите?

— Я стараюсь. Только твой золотой парень вечно всем недоволен.

— Потерпи, это ненадолго.

Я тяжко вздыхаю.

В Спасском я часа три занимаюсь съемкой. Сегодня я болтаю мало, и Стас должен быть доволен. Он идет рядом, время от времени я на него смотрю, стараясь делать это незаметно. Есть в нем что-то такое, что не позволяет вот так взять и выбросить из головы рассказ сестрицы, даже если она увлеклась своими фантазиями.

— Обедать не пора? — спрашивает Стас.

Я киваю, и мы идем в ресторан. По мне, так лучше бы перекусить в какой-нибудь кафешке, хотя возле дешевой забегаловки шикарная тачка Стаса выглядела бы забавно. Крахмальные ска-

терти не производят на него впечатления, подозреваю, он их попросту не замечает. Сидит жует, и по всему видно, что по любимому печенью тоскует.

— Слушай, — говорю я, — почему ты так любишь печенье?

— Идиотский вопрос.

— Я Вадиму обещала, что мы не подеремся, но иногда об этом жалею.

— Надеюсь, ты передумаешь, драка с тобой меня всерьез пугает.

— У тебя есть девушка? С ней ты тоже так разговариваешь?

— Она глухонемая, за это я ее и полюбил.

— Должно быть, еще и слепая в придачу, иначе выбрала бы кого-то посимпатичнее.

Он не отвечает. Когда я уже не надеюсь услышать от него хоть слово, он спрашивает:

— С родителями помирилась?

— Я с ними еще не виделась, о чем тебе хорошо известно. Боюсь, потому что на ласковый прием рассчитывать не приходится. Впрочем, от меня ничего хорошего они и не ждали.

— Серьезно? Почему?

— Тебе правда интересно?

— А для чего я спрашиваю?

Я начинаю объяснять. Для этого мне приходится углубиться в историю своей жизни. Я рассказываю, стараясь, чтобы все это звучало не слишком глупо. Странно, Вадиму я этого не говорила. Если вдуматься, я этого вообще никому не говорила.

— А ты жил в Риге? — спрашиваю я и замираю, прикидывая, ответит он или нет.

— Недолго. Лет до десяти.

— А потом?

— Родители развелись, мы с матерью сюда переехали.

Я спешу закрепить успех:

— С Вадимом вы друзья?

— Друзья? — Он вроде бы удивлен. — Вадим мне платит, я на него работаю. Вот и все.

По тому, как он это произнес, становится ясно, что с вопросами лучше не лезть. Я делаю несколько фотографий деревянной церквушки, потратив на это полчаса. Стас сидит в траве, прислонившись спиной к дереву, и то ли спит с открытыми глазами, то ли за мной наблюдает. Я нацеливаю на него объектив.

— Эй, ну-ка изобрази улыбочку.

Он в самом деле улыбается, я тороплюсь запечатлеть исторический момент. Мимо идут две девчонки, в голове возникает очередная гениальная идея: я прошу их нас сфотографировать.

— На вечную память, — смеюсь я, беру Стаса под руку и прислоняюсь головой к его плечу. Если ему это и не нравится, то неудовольствия он никак не выказал. Мне становится легко и весело. День удался. Оставшееся время я болтаю, пытаясь его рассмешить, и пару раз, как солнце из-за туч, на его физиономии появляется улыбка. Однако радость моя в очередной раз длится недолго.

Я решаю купить мороженое, Стас ждет меня в машине, я перехожу дорогу и оказываюсь возле киоска. Мимо едет мальчишка на доске, выделывая немыслимые пируэты, я скалю зубы, смотрю на не-

го и возвращаюсь к «БМВ». Только когда истерично визжат тормоза, я замечаю «Жигули» и в ужасе замираю. Стас успевает выскочить из машины, хватает меня за плечи и буквально выдергивает из-под колес. Шофер кроет меня последними словами. Когда он отъезжает, за меня берется Стас.

— Идиотка! — орет он. — Ты смотришь, куда идешь?

— Я не заметила, — оправдываюсь я.

Я сижу в машине, на коленях у меня мороженое, смотреть на него тошно. Стас закуривает, руки его дрожат. Господи, ну почему я вечно все порчу?

— Я больше не буду, — говорю я, звучит это страшно глупо.

— Ты даже не представляешь, как ты мне осточертела.

Я отворачиваюсь к окну. Это невероятно, но я реву. Хмурюсь, давлюсь слезами и боюсь повернуть голову.

Весь следующий день я вожусь с фотографиями. О дорожно-транспортном происшествии Стас мужу не доложил, за что я ему благодарна. Вечером в столовой я демонстрирую Вадиму свои творческие успехи. Он с готовностью обсуждает каждую фотографию.

— Узнаешь? — говорю я, когда дошла очередь до фотографии Стаса. — Я и не думала, что твой золотой парень умеет улыбаться.

— Ты его просто не любишь, — смеется Вадим. «Что за дурацкая фраза?» Я смотрю из-за его пле-

ча на снимок, и две мысли не дают мне покоя: почему я так долго пялюсь на физиономию Стаса с чувством подозрительным и для меня несвойственным и с какой стати я не показала мужу фотографию, где Стас рядом со мной?

Потратив полночи на копания в своей бездонной душе, твердо решаю держаться от Стаса подальше. Оно, конечно, очень забавно посмотреть на то, какой он без своей защитной брони, что для женщины с моим самолюбием имеет чуть ли не принципиальное значение, но как бы эти игры не завели меня черт знает куда.

Хватает меня на пару дней. Жара стоит страшная, я прикидываю, с кем из подруг податься на речку, трачу на это полчаса и вздыхаю. Сегодня вторник, нормальные люди трудятся. В конце концов решаю ехать одна, то есть со Стасом. О чем и сообщаю ему через пять минут.

— Вадиму позвони, — говорит он.

— Зачем? К его приходу мы вернемся.

— Позвони, он должен знать, где ты.

Вадим дал милостивое разрешение, и мы едем на речку. Машину оставляем на пригорке. Я расстилаю полотенце, раздеваюсь, стоя спиной к Стасу. Он укладывается метрах в трех от меня. Я закрываю глаза, мысли мои становятся тягучими, надо бы перевернуться, да лень, и тут Стас говорит:

— Обгореть не боишься?

— Не боюсь.

— Я купаться. Пойдешь?

Кажется, меня приглашением почтили, ну и де-

нек. Я встаю и иду следом за ним к воде. Плаваю я хорошо, но за Стасом мне не угнаться. Где-то на середине реки я бросаю соревнование и плыву так, для удовольствия. Он достиг противоположного берега, стоит по пояс в воде и вроде бы меня ждет, нырнул пару раз и поплыл навстречу. Я не обращаю на него внимания. Молча выхожу из воды и укладываюсь на полотенце. Стас возвращается минут через десять. Я достаю из сумки книгу, делаю вид, что читаю. Вновь иду купаться, Стас за мной.

— Нам домой не пора? — спрашивает.

— Я никуда не тороплюсь.

— Уже три часа.

— Ну и что? Сегодня я молчу, за руки тебя не хватаю. Вадим знает, где я, так что заткнись.

— О'кей, мэм, заткнулся, — нагло ухмыляется он.

Он все еще стоит в воде в нескольких метрах от меня и скалит зубы. Я переплываю речку и поднимаюсь по крутому склону. Ничего интересного наверху нет, потоптавшись минут пять, подхожу к краю и поглядываю на воду. Нырнуть, что ли? Стас с любопытством наблюдает за мной.

— Хочешь нырнуть? — кричит он.

— Не твое дело.

— Как личный телохранитель, должен предупредить — мысль не самая удачная, можешь свернуть шею.

С тоской думаю, что теперь мне точно придется нырять. Выбираю самый безопасный вариант и прыгаю солдатиком. Погружаюсь в воду, касаюсь ногами дна, и сразу возникает острая боль в левой ноге. Выныриваю, хватаю ртом воздух и ти-

хо поскуливаю. Слава богу, Стас меня не слышит. К горлу подступает тошнота, я глубоко дышу, чтобы с ней справиться, боль не проходит. Вытягиваю ногу из воды, чтобы посмотреть, что с ней. Тошнота наваливается с новой силой. Я плыву, стиснув зубы, и каждые двадцать секунд напоминаю себе, что я пошла в маму и твердости характера мне не занимать. Выбираюсь на прибрежный песочек, откидываюсь на руки. На песке кровавый след. Рассматриваю свою стопу, порез глубокий. Прикидываю, как пронести свои кровавые раны мимо Стаса, тут и его нелегкая приносит.

— Что с ногой? — Он садится на корточки, приподнимает мою ногу. — Бутылка?

— Наверное.

— Зато прыгнула. В следующий раз умнее будешь.

— Ты бы помолчал, а? Без тебя тошно.

— Сейчас аптечку из машины принесу, а то кровью истечешь, как поросенок.

— Ага, — киваю я. — Непременно истеку, телохранитель хренов, чтобы ты премии лишился.

Возвращается он быстро и берется за мою ногу.

— Надо ехать в травмпункт, располосовано будь здоров, — сообщает он хмуро.

Наши взгляды встречаются. Мне становится не по себе.

— Что? — спрашивает Стас. — Очень больно? — Я сглатываю ком в горле. — До машины дойдешь или помочь?

— Дойду.

Я встаю и делаю пять шагов. Стас наблюдает за мной.

— Ясно. Идти ты не можешь.

— Могу. Только медленно. Ты бы двигал вперед, не такая большая радость ковылять под твоим чутким взором.

Уродливыми прыжками добираюсь до одежды. Натягиваю платье, беру шлепанцы и прикидываю расстояние до машины. Стас не спеша одевается и заявляет без улыбки:

— Я, конечно, никуда не тороплюсь, но такими темпами до тачки ты добредешь к утру, если еще раньше не истечешь кровью.

— Чему ты, само собой, будешь рад.

— Наоборот, я же премии лишусь. Может, ты на время свою гордыню в одно место засунешь и я тебя до машины донесу?

— Засунула. Неси.

Он подхватывает меня на руки и идет к машине. Сердце стремительно ухает вниз и назад не возвращается. Чувствую я себя хуже некуда. Прижаться к его груди боюсь, не знаю, куда руки деть, а тут еще сердце вернулось на место и стучит так, что глухой услышит.

— Если ты обхватишь меня за шею, будет удобнее и тебе и мне, — говорит Стас.

Мне уже все равно, и я обнимаю его обеими руками, утыкаясь носом в рубашку. Сердце у него тоже стучит в слишком быстром темпе, само собой, он в гору идет не бог весть с каким для такого мужика, но все-таки грузом. Этот путь до машины никогда не кончится, меня бьет дрожь, и руки противно потеют. От одной мысли, что Стас это чувствует, хочется взвыть. Слава богу, хоть молчит. На самом подъеме он слегка оступился, правая рука скользит по моей груди, от неожидан-

ности я вздрагиваю. Горячая волна прокатывается по всему телу, я пытаюсь выровнять дыхание. От этого становится только хуже. Я торопливо отстраняюсь.

— Не ерзай, — говорит он.

К счастью, мы уже возле машины. Он ставит меня на землю, но долгих десять секунд рук не убирает.

Всю дорогу до города я лежу, откинувшись на спинку сиденья, Стас время от времени смотрит на меня вроде бы озабоченно. Переживает, видно, за свою премию. Не заезжая домой, едем в травмпункт. Здесь я даю себе слово больше никогда не нырять. Врач, молодой парень, помогает мне дойти до двери. Стас при нашем появлении поднимается с кушетки.

— Вы муж? — спрашивает врач, я с досадой понимаю, что краснею.

— Нет. Рана серьезная?

— Ничего страшного, хотя дня три передвигаться будет затруднительно.

Когда врач исчезает за дверью, Стас говорит:

— Конечно, проще всего донести тебя до машины на руках, но ты ведь легких путей не ищешь.

У меня нет сил препекаться, и я молча скачу по коридору.

Первый день мне даже понравилось быть инвалидом. Вадим на работу не поехал, сидит рядом, будто я при смерти, но надолго его не хватает, утром он уезжает, чувствуя себя страшно виноватым. В одиннадцать пошел дождь, я в кресле на

веранде слушаю музыку. То ли от музыки, то ли от дождя мне стало грустно. Я прикидываю, долго ли еще протяну в этом доме.

Почему бы нам с Вадимом не жить в обыкновенной квартире, где есть соседи по лестничной клетке, на скамейке сидят старушки, а какой-нибудь карапуз наедет тебе велосипедом на новые туфли? Мальчишки постарше будут играть в волейбол назло жильцам первого этажа, а сосед-алкаш доверчиво попросит: «Фенька, дай взаймы».

А что здесь? Одиночное заключение, к тому же бессрочное. На кой черт человеку двухэтажный особняк, что в нем, в прятки играть? Опять же, живи я в нормальной пятиэтажке, соседка бы заскочила, часам к семи подружки бы подтянулись чайку попить и поболтать, а кому в голову придет сюда ехать? От одних мраморных плит дрожь пробирает. Права пословица — не в свои сани не садись.

Я решаю спуститься в кухню, хоть какое-то развлечение. Прыгаю по ступенькам довольно ловко, ставлю чайник и сижу, глядя в окно. Темно, дождь все еще идет, мелкий, монотонный. Перевожу взгляд на дверь комнаты Стаса. Тишина. Спит, что ли? А может, его вовсе нет? Решаю проверить. Добравшись до двери, интеллигентно стучу.

— Да, — резко говорит он, и я вхожу. Стас лежит на кровати и читает. При моем появлении книжку положил и уставился на меня своими дурными глазами.

— Привет, — говорю я и сажусь в кресло возле

двери. — Чего читаешь? — Он показывает обложку. — Хорошая книжка?

— Дрянь, — голос звучит неприветливо.

Я придумываю, что бы такого сказать, в конце концов прошу:

— Поговори со мной, а?

Он швыряет книжку на пол, закидывает руки за голову и полминуты смотрит на меня, не моргая.

— Ты со мной в эти игры не играй. Тебе в моей комнате делать нечего. Так что выметайся.

По лестнице я поднимаюсь за несколько секунд, от бешенства не чувствуя боли.

Как врач и предполагал, нога недолго доставляла мне неудобства, я вновь заняла активную жизненную позицию.

В пятницу позвонила Юлька:

— Привет, как нога?

— Нормально. Хоть в пляс пускайся.

— Серьезно? Может, тогда оттянемся вечерком? Махнем в ночной клуб?

— Заманчиво, — вздыхаю я. — Только вряд ли муж меня отпустит.

— С собой его тащи.

Я пытаюсь представить Вадима в ночном клубе, моей фантазии на это не хватает.

Однако звоню мужу и интересуюсь его планами на вечер. Он отвечает, что вернется поздно, не раньше двенадцати, я рассказываю о Юлькином предложении, не особенно рассчитывая на удачу.

— Ладно, поезжай, — без энтузиазма говорит Вадим. — Хотя у меня была работа для Стаса.

— Вот и отлично. Я же с друзьями, они меня проводят.

— Нет, Стас пойдет с тобой.

— Да на кой черт он мне сдался! — взрываюсь я.

— Что-то я не пойму, чем тебе Стас может помешать, танцуй на здоровье со своими друзьями.

— Хороший будет вечерок, — в досаде говорю я и удаляюсь наносить боевую раскраску.

В десять мы паркуемся возле клуба.

— Ну и забегаловка, — говорит Стас, качая головой. Я не обращаю внимания на его слова, высматриваю в толпе знакомых. Меня хватает за руку Ленка Мальцева, не так давно мы вместе работали на телевидении.

— Юльку не видела? — спрашиваю я.

— Здесь она. — Ленка тычет пальцем куда-то за мою спину.

— Из наших еще кто есть?

— Не видела. А это кто? — понизив голос, кивает она на Стаса.

— Это Стас, — говорю я. — Знакомиться с ним необязательно. Вредный тип. Муж приставил, чтоб мужики не липли.

— Ты подумай! — резвится Ленка. — А сам он не липнет?

— Он голубой.

— С ума сойти, каких мужиков теряем.

Стас на наш треп никак не реагирует. Мы входим в зал и протискиваемся к столику, где сидит Юлька со своим парнем по имени Женя.

— Кого я вижу! — вопит Юлька. — Здравствуй, Вадим.

— Это не Вадим, это Стас. Он не танцует, лучше всего вообще его не замечать.

Женька воспринимает мои слова как шутку, поднимается, протягивает Стасу руку, они знакомятся.

— Закажи что-нибудь, — говорю я Стасу. — Я пойду с Сашкой поздороваюсь.

Лучший диск-жокей всех времен и народов сидит за высокой стойкой. Меня он увидел издалека и сделал ручкой.

— Где пропадала? — спрашивает весело.

— Замуж выходила.

— Опять? Эх, черт, а я хотел за тобой приударить.

— Опоздал.

— Ладно, может, в следующий раз повезет. Ты с Юлькой? Видишь, придурки сидят? Баб снимают, смотри не нарвись. Будут проблемы, скажи Ваньке.

Ванечка, невысокий крепыш, вышибала в этом заведении, как раз подходит к нам.

— Фенька, обалдеть, выглядишь — класс.

— Проехали, — смеется Саша. — Она замуж вышла.

— Ну? Кто у нас четвертый?

— Бизнесмен.

— Я ж говорил, Фенька олигарха отхватит. Скажи Юльке, чтоб задницей не больно вертела, там козлы сидят, видишь? И сама не очень резвись.

— Я не одна.

— С мужем? Любопытно взглянуть.

— Нет, это просто знакомый.

Я возвращаюсь к столу.

— От Ванечки привет, — говорю я подруге. — И пожелание не очень-то вертеть задницей.

— Да пошел он, — смеется Юлька. — Женьке нравится. Правда, Женя?

— Правда, правда.

— Ну что, пошли, — тянет она меня за руку.

— Держись с этого края, чтобы я тебя видел, — говорит мне Стас.

— Слушаюсь.

Папа нашел бы наш танец неприличным, но его здесь нет, и я даю себе волю. Кто-то обнял меня за плечи, я поворачиваю голову и вижу симпатичного парня: светлый ежик волос и смеющиеся глаза.

— Привет, я Игорь.

— Привет, Игорь.

— Потанцуем? — Он наклоняется ко мне и шепчет: — Ты здесь с подругой?

— С друзьями.

— Как насчет того, чтобы потанцевать вдвоем в каком-нибудь тихом местечке?

— Я замужем.

— Без проблем, я тоже женат.

— А у меня другое воспитание, сплошные проблемы.

Парень смотрит с недоброй усмешкой и перестает мне нравиться.

— Это ты меня отшиваешь, что ли?

— Вроде того.

— Ладно. Еще не вечер.

Музыка внезапно меняется, народ сбивается в парочки, я оказываюсь в объятиях Игоря. Он сразу же приступает к решительным действиям: жмется, лапает меня и потеет. Рядом топчется Юлька, наблюдая за мной с озорной улыбкой. Я решительно отстраняюсь, прекращая это безобразие, и тороплюсь к своему столу.

— Все, поплыл мужик, — ухмыляется Женька, кивнув в сторону Игоря, тот провожает меня настороженным взглядом.

— Ему же хуже. — Юлька пожимает плечами. — Фенька мужьям не изменяет, она их меняет каждые полтора года.

Мы устраиваемся за столом, с интервалом в пять минут там появляется Игорь. Увидев его, Стас поднимается.

— Идем потанцуем.

Вряд ли ему в самом деле пришла охота потанцевать, просто решил избавить меня от назойливого кавалера. Я ему за это благодарна. Стиснутые со всех сторон толпой, мы практически не двигаемся. Мы так близки, что мне становится страшно.

— Ты на моей ноге стоишь, — сообщаю я и смеюсь, чтобы скрыть неловкость.

— Серьезно? — голос Стаса звучит хрипло, он облизывает губы. — Танцор я хреновый.

Я улыбаюсь, а чувство такое, словно готовлюсь к прыжку с высоченного трамплина. Хватит ли смелости сделать последний шаг? Музыка внезапно обрывается. Я тороплюсь выбраться из толпы и не сразу понимаю, что держу Стаса за руку. У него

горячая ладонь, он стискивает мои пальцы, сильно, до боли, и не замечает этого. Мы не успеваем сесть, как вновь появляется Игорь.

— Извини, танцевать мне не хочется, — говорю я.

— Еще раз увижу рядом — по стене размажу, — говорит ему Стас, играя зажигалкой.

— Я тебя о чем-нибудь спросил? — усмехается Игорь.

— У тебя две минуты, придурок, чтобы сдернуть отсюда.

— Крутой, да? Ну-ну. — Парень уходит.

— Ладно, — нерешительно говорит Юлька, наблюдая все это. — Чего сидеть как на похоронах? Поскандалили маленько, и будет. Пошли танцевать.

Я решаю, что нам пора домой. Юлька недовольно ворчит, однако вслед за нами идет к выходу. Мы с подругой заходим в туалет.

— Ну и рожа у твоего Стаса, — говорит Юлька, подкрашивая губы. — Как взглянет, сердце ухает в пятки. Где ты его откопала, скажи на милость?

— Я же сказала, муж приставил. Он вообще-то нормальный парень, а смотрит так, потому что зрение плохое.

— Да ну? Между прочим, когда вы друг друга в объятиях держали, видок у вас был будь здоров. Он весь такой... зверюга, одним словом, а ты в его лапах как нежный ангел. Очень эротично. Муж у тебя дурак, прости господи.

Я тороплюсь покинуть туалет, не желая про-

должать этот разговор. Стас ждет в коридоре в компании Женьки.

— Вы на машине? — спрашивает Женя. — Нас подкинете? Я от Юльки сейчас уже ни на чем не доберусь.

— Отвезем, — говорю я, и мы выходим из клуба.

Недалеко от входа стоят трое парней, Игорь, конечно, среди них.

— Вот черт, — бормочет Женька.

— Игорь, — начала я, но Стас меня перебил:

— Иди в машину.

— Я за Ванечкой, — шепнула Юлька.

Игорь повел плечами, пошел навстречу.

— А вот и наш крутой парень... — договорить он не успевает и оказывается на асфальте, слабо охнув. Друзья ринулись ему на помощь, но вскоре помощь понадобилась им самим. Разлетевшись на приличное расстояние друг от друга, они больше не решаются вмешиваться. Стас приподнял Игоря с земли:

— Я ж говорил тебе, исчезни. Дядю слушать надо.

В следующие три минуты выражение «по стене размажу» приобретает материальное воплощение. Стас бьет Игоря методично, не спеша, будто перед ним не человек, а боксерская груша. Мне хочется выть от ужаса.

Вывалившая из дверей толпа замерла, показался Ванечка, хмуро взглянул, покачал головой и ушел. В неправдоподобной тишине Женькин голос прозвучал по-детски пискляво:

— Стас, с ума сошел, убьешь ведь.

Стас хватает меня за руку, мы идем к машине. Юлька бежит за мной, зажимая рот ладошкой.

Женя выходит возле Юлькиного дома вместе с подругой.

— Ты ж к себе хотел, — говорю я.

— У Юльки переночую.

Как только за ними захлопнулась дверь, Стас срывается с места. «БМВ» он бросил возле дома, в гараж загонять не стал. На ватных ногах я поднимаюсь в спальню. Руки у меня так дрожат, что я не в состоянии раздеться, сижу на кровати и реву. Из ванной появляется Вадим.

— Фенечка, что случилось?

Самое невероятное, что я забыла про Вадима, его появление производит неожиданный эффект, я начинаю орать.

— Я больше так не могу! — кричу я, захлебываясь слезами. — Он сумасшедший, он человека едва не убил, а может, и убил. Выгони его из дома, непременно выгони.

Вадим садится рядом, обнимает меня.

— Успокойся, я с ним поговорю.

Через полчаса, когда я лежу в постели, он идет к Стасу. А я иду подслушивать. Дверь в гостевую распахнута настежь, слова Вадима я слышу еще на лестнице:

— Что вы, в самом деле, как дети, у меня что, проблем мало без ваших дрязг?

— Я не нанимался от твоей бабы кобелей отпинывать.

— Черт возьми, Стас... — Вадим повышает голос.

— Запри ее дома, пусть здесь сидит, а не шляется по разным притонам.

— Понадобится — будешь, как собака, сидеть на ее пороге. — Вадим поворачивается и идет к двери.

«Вадим сошел с ума», — пронеслось в голове, а сердце тоскливо сжалось. Уверена, если бы Вадим видел лицо Стаса в ту минуту, пожалел бы о своих словах.

В субботу мы с мужем уезжаем на дачу его друга. У Павла собирается большая компания. Вадим мил и ласков, о вчерашнем происшествии не заговаривает. Мы остаемся ночевать, к вечеру возвращаемся. Я брожу по гостиной, не находя себя места.

Следующие три дня я встаю очень рано, пока Вадим еще спит. Готовлю, поднимаюсь на второй этаж и сижу там до возвращения мужа с работы.

Точно по молчаливому уговору, по вечерам Стас из своей комнаты не показывается. Мы, как боксеры, сидим по разным углам ринга, готовые сойтись по сигналу в последнем раунде. На четвертый день я мучаюсь головной болью, приходится спуститься вниз за таблетками. На кухне Серега зевает от тоски.

— Привет, — говорит он.

— Привет. Есть будешь?

— Неплохо бы.

Мы сидим за столом напротив друг друга. Мне хочется спросить, где Стас. Я пью чай и разглядываю стену напротив.

— Тебе никуда не надо? — спрашивает Сергей. — Задолбался здесь сидеть.

— Поехали на речку, — киваю я.

Возвращаемся часов в восемь. Неподалеку от дома я вижу машину Стаса, Серега притормаживает, тоже заметив «БМВ». Через мгновение появляется Стас, выходит из кафе под руку с длинноногой девицей в короткой юбке. Я поспешно отворачиваюсь.

— Это его подруга? — слышу я свой голос.

— Должно быть, шлюха, — отвечает Сергей. — Хотя, может, и подруга.

Я боюсь повернуть голову, боюсь увидеть Стаса. Мысль о том, что через несколько минут я окажусь в доме, где меня ждет муж, просто невыносима.

— Прокатимся по городу, — предлагаю я.

Сергей пожимает плечами. Мы бесцельно кружим по улицам. Звонит Вадим, я скороговоркой сообщаю, что вернусь позднее. Перед глазами стоит Стас с длинноногой девицей. Я стискиваю зубы, мне хочется орать, что-нибудь разбить.

— Можно, я сяду за руль? — прошу я. Мы с Серегой меняемся местами. Машина стрелой летит по городу.

— Куда ты так несешься? — ворчит Сергей.

Еще через несколько минут я понимаю, что моя жизнь вступила в какую-то черную фазу: не жизнь, а пьеса абсурда. Мы выезжаем на объездную, впереди крутой поворот, я сбрасываю скорость до шестидесяти километров. До сих пор не могу понять, откуда он взялся. Только когда вхожу

в поворот, вижу силуэт справа. Я успеваю вывернуть руль, но удара избежать не удается.

— Твою мать! — орет Серега, я вижу в зеркало тело человека на обочине. — Сматываемся, пока никто не видел! — Лицо у Сереги бледное, руки дрожат. Должно быть, я выгляжу не лучше. — Какого хрена ты тормозишь?

— Мы не можем уехать, — твердо говорю я.

— Спятила? Сматываемся. — Я сдаю назад, Серега перехватывает мою руку. — Фенька, нас никто не видел...

Мы в трех метрах от лежащего на дороге мужчины. Я выскакиваю и бегу к нему. Серега за мной.

— Вызывай «Скорую» и ментов.

— О черт, черт, черт! — вопит Сергей и, вместо того чтобы вызвать «Скорую», звонит Вадиму. Я выхватываю у него телефон. — Это просто бомж, ты слышишь, Фенька? Просто бомж. Ладно, звони, скажем, что за рулем был я.

— Не геройствуй. — Зубы у меня стучат так, что даже смешно. Когда я наконец дозвонилась в «Скорую», мужчина вдруг поднимается на четвереньки, трясет головой.

— Зараза, — громко говорит он, встает в полный рост и ходко трусит к лесу, совершенно не реагируя на наш призыв остановиться.

Серега нервно смеется, я сижу на обочине и реву, стиснув голову руками. Сергей вновь звонит в «Скорую», сообщает, что помощь не нужна. Потом садится рядом, обнимает меня за плечи. Я вцепилась в его рубашку, кричу что-то бессвязное, я похожа на сумасшедшую. Мне в самом деле

кажется, что я сошла с ума. Понемногу успокаиваюсь.

— Фенька, пожалуйста, ничего не говори Вадиму, — просит Сергей по дороге домой. — Мне голову оторвут.

Я молча киваю. Вадим в своем кабинете. С улыбкой спросил, как я провела день, и уткнулся в бумаги. Слава богу, ему не до меня.

Я брожу по гостиной, словно привидение, и думаю о Стасе.

Его нет всю ночь. Я лежу в постели рядом с мужем, вслушиваясь в тишину. Звук проезжающей машины, сердце замирает. Мимо. Он все еще с ней? Я не хочу думать об этом. Закрываю лицо ладонями. Последняя здравая мысль: надо бежать отсюда.

Утром мы сталкиваемся внизу. Стас появляется из ванной в шортах с голой грудью, мокрые волосы падают на лоб. Проходит мимо. Я бестолково сную по кухне. Из рук все валится. Он входит уже одетый, садится за стол. Я спиной к нему стою возле мойки. «Подойди ко мне, подойди, пожалуйста...» Мне плевать, что Вадим дома, мне на все плевать. Я слышу, как он уходит.

Вадим уезжает на работу, через полчаса звонит Агата.

— Привет, — говорю я.

— Чего у тебя голос похоронный?

— Голова болит.

— Вот как... — Сестрица замолкает, я слышу ее дыхание в трубке. — Послушай, Стас был дома этой ночью?

Я замираю, стискивая рукой телефон. С трудом разжимаю челюсти:

— Конечно. Где ему еще быть?

— Ты уверена?

— А в чем дело?

— Уверена или нет?

— Ну да. Мы с Вадимом допоздна сидели на веранде, соловья слушали. Стас грыз печенье в кухне. — «Почему я вру?» — Может, объяснишь, в чем дело?

— Около двенадцати ночи застрелили Шевелева возле подъезда его дома.

— Кто такой этот Шевелев?

— Тот самый тип, который так досаждал твоему Вадиму.

Все плывет перед глазами, я боюсь упасть в обморок.

— Мы легли в половине второго, — говорю я.

— Тебе не пора сматываться из этого бандитского логова?

Я слушаю короткие гудки, потом кубарем скатываюсь по лестнице. Распахиваю дверь в комнату Стаса. Он лежит на диване, телевизор включен. Стас лениво перещелкивает каналы. Поднимает голову.

— Где ты был ночью? — ору я.

— Пошла вон, — сквозь зубы произносит он.

— Где ты был? — Он вскакивает, мы стоим напротив друг друга. — Ты псих, чокнутый... Ты понимаешь, что делаешь? Тебя в конце концов посадят. Ненавижу тебя, ненавижу. — В этот момент до меня доходит, что я бью его по лицу, один

раз, другой, третий. Тяжелым обручальным кольцом попадаю по губе, из нее течет кровь. Я ошалело замираю. Я никогда никого не могла бы ударить. Я так думала. — Господи, — говорю тихо. — Я не хочу жить.

Пятясь задом, я покидаю его комнату, он смотрит на меня, хмурится. Возле губ глубокие складки, кровь стекает по подбородку. Я бегом поднимаюсь по лестнице, когда Стас меня догоняет. Его руки на моих плечах.

— Твоей сестрице очень хочется засадить меня в тюрьму, — говорит он. — Вот и все. Не знаю, что она выдумала на этот раз...

— Уйди, — прошу я. Он отступает. В своей комнате я выпиваю штук пять таблеток снотворного и падаю на кровать.

Вечером, когда возвращается Вадим, я жалуюсь на головную боль и остаюсь в спальне. Вадим забывает закрыть за собой дверь, я слышу, как внизу он спрашивает Стаса:

— Что у тебя с лицом?

— В гараже споткнулся.

Вадим задает еще вопрос, на этот раз тише. Я поднимаюсь и иду подслушивать. Теперь это для меня обычное дело. Я слышу голос Стаса.

— Твоя жена вовсе не так глупа. И не забывай, кто ее папочка. Слышал пословицу: яблоко от яблони...

— О чем ты?

— Я не уверен, что она будет на твоей стороне. Подумай об этом.

— Девчонке совершенно неинтересны наши дела...

— Да?

— Стас, я люблю ее. Не могу я без нее, просто не могу...

Я осторожно возвращаюсь в комнату.

На следующий день Вадим часа в два заезжает домой с работы. Я на веранде, делаю вид, что читаю книгу.

— Фенечка, я уезжаю в Москву.

— Как — в Москву? — растерянно спрашиваю я. — Надолго?

— Не знаю. Дней на пять, наверное. Как управлюсь. Собери мне вещи. — Я стою, разглядывая пол. — Фенечка, я попросил тебя собрать вещи.

— Вадим, — я хватаю его за руку, — возьми меня с собой, пожалуйста.

— Нет, Фенечка. Вернусь — съездим отдохнуть на недельку.

«Дурак, — хочется сказать мне. — Неужели ты ничего не видишь?»

— Я поживу у родителей.

Лицо мужа приобретает неприятное выражение.

— С какой стати?

— Что в этом особенного?

— У меня нет времени обсуждать это. Ты моя жена и должна жить в моем доме.

Я собираю вещи, руки дрожат. Он подходит сзади.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Ты не обидел, — говорю я.

Он берет сумку.

— Я позвоню.

Через несколько минут хлопает входная дверь. Я спускаюсь вниз. Не знаю, чего я боюсь больше, увидеть Стаса или убедиться, что его нет. Я стучу в дверь его комнаты, он резко говорит:

— Да.

Я стою на пороге, опершись о дверной косяк. Стас возле шкафа что-то ищет в ящике.

— Вадим уехал, — говорю я. Стас не отвечает и не оборачивается.

Я бегу в свою комнату, мне хочется орать, топать ногами. Я запираю замок на два оборота, падаю на кровать. Меня трясет, я прислушиваюсь к тишине внизу. Не знаю, сколько я так лежу — час, два, три? Тишина давит точно камень. Я смотрю на дверь, отпираю замок. Мне никогда не услышать его шагов. Ему на меня наплевать. Что я для него? Случайный эпизод в сотне других эпизодов. Он вытрет об меня ноги и уйдет, не сбиваясь с шага. У него хорошая походка, уверенная. Я иду в ванную, стою под душем, задрав голову. Все бессмысленно, мне некуда бежать. Надеваю халат, отвожу взгляд от зеркала. Мне все равно, как я выгляжу. Я спускаюсь по лестнице, Стас в кухне сидит за столом, пьет чай. Я замираю в дверях, потом делаю шаг.

— Стой где стоишь, — глухо говорит он. Я вновь замираю. — Прежде чем ты войдешь, я хочу предупредить. Ты пожалеешь.

Я закусываю губу, чувствую что-то соленое на языке.

— Я люблю тебя... — это не мой голос. — Я люблю тебя. — Я делаю шаг, второй... у меня по-

ходка пьяницы. Его руки. — Милый мой, любимый... — Неужели это я говорю?

Прикосновения его рук так мучительны. Жаркое дыхание... я слышу, как бьется его сердце. Он поднимает меня, за моей спиной шкаф, я хватаю Стаса за плечи. Я сумасшедшая, только сумасшедшая может так кричать. Сдавленный стон. Это я? Нет. Я ищу его губы. Дыхание медленно выравнивается.

— Ты как? — спрашивает Стас, его язык щекочет мне ухо. Я смеюсь, тихо и счастливо. — С ума сойти, — говорит он, я никогда не слышала у него такого голоса.

Он несет меня из кухни, желтый халат валяется на полу, я машу ему рукой.

Два дня я абсолютно счастлива. За эти дни мы расстались лишь однажды, да и то на пару часов. Как только Стас вышел из дома, у меня началась паника, я почувствовала себя потерявшейся кошкой. Жалобное мяуканье, тупое снование из угла в угол. Когда Стас возвращается, я бросаюсь к нему с ощущением, что пережила страшную опасность. Он говорит:

— Если б у меня были мозги, я бы и близко к тебе не подошел. — И тут же тянется ко мне.

Я люблю его, я никогда не думала, что способна так любить. За два дня я хорошо его изучила, каждое движение, каждый его жест. Мне кажется, я знаю о нем все. Его напряженное бессмысленное лицо, когда он любит меня. Нижняя губа искусана в кровь, долгий тягучий взгляд, от которого сердце

становится крошечным шариком и летит в пропасть. Он колотит кулаком в стену, он глухо стонет, он кричит: «Что ты делаешь, дрянь». Я люблю его. Я так люблю его руки, я могу жить, только когда чувствую их. У него большие сильные ладони. Мне нравится забавляться с ними: лизнуть, укусить легонько. Стас смеется, у него лучшая в мире улыбка.

На третий день счастью внезапно приходит конец. Ночью мы сидим на полу, окно открыто, идет дождь.

— Ты ни разу не назвал меня по имени, — говорю я.

— Ну и что?

— Тебе мое имя не нравится?

— Нормальное имя. Как ты хочешь, чтобы я тебя называл?

— Как-нибудь ласково. Фенечкой...

— Не пойдет. Так тебя муж зовет. Меня тошнит от этого.

— Тогда зови как все, Фенькой.

— Я тебе имя придумал, как только увидел в первый раз.

— Какое? — Я лезу под его руку, он смеется:

— Я зову тебя Принцеской.

— Забавно.

— Ага. Ты помнишь, как появилась здесь?

— Помню, конечно.

— Ничего ты не помнишь. Ты по сторонам таращилась, а я на тебя. Красивая, как принцесса, а в глазах черти пляшут. На настоящую принцессу ты не тянула. В общем, Принцеска. — Стас закуривает, я обнимаю его, прижимаясь щекой к его

спине. — Вадима придется убить, — говорит он. Голос звучит так буднично, что смысл сказанного до меня доходит не сразу.

— Что? — ошалело спрашиваю я.

— Убить, милая, это значит лишить человека жизни.

— Зачем? — Я знаю, что мой вопрос звучит невероятно глупо. Неудивительно, что Стас разозлился.

— Думаешь, все пойдет по-старому? Ты будешь трахаться со своим мужем, а я терпеливо ждать своей очереди?

— Спятил? У меня с Вадимом ничего больше быть не может. Как только он появится, я уйду.

— Да? И что дальше?

— Подам на развод.

— Ну-ну, продолжай.

— Мы могли бы жить вместе, если ты не против, — испуганно говорю я.

— Ты что, в самом деле такая дура? — спрашивает он, а мне хочется зареветь, но я боюсь разозлить его еще больше.

— Стас, пожалуйста...

— Точно, дура, — кивает он. — Ты забыла, кто твой муж? Я Вадима знаю много лет. Он любит тебя и просто так не отдаст.

— Чушь. Что он сделает? У меня папа — прокурор.

— Жаль, что у меня нет папы-прокурора, — усмехается Стас. Я в страхе замираю.

— Ему вовсе не обязательно знать о нас. Я по-

живу у родителей, будем встречаться у кого-нибудь из подруг.

— Ага. Раз в неделю. Ты долго выдержишь? Я — нет. Да и какой из тебя конспиратор, ты чашку кофе не можешь выпить, чтоб подол не залить. Махом засветимся. Пословицу слышала — «битый не вожак»? Как Вадим будет выглядеть, если дружки узнают, что у него из-под носа жену увели? При таком раскладе я не дам за свою жизнь и копейки.

— О господи...

Стас хмурится, обнимает меня за плечи.

— Ладно, я что-нибудь придумаю.

— Стас, давай уедем. Куда угодно. Не будет же он нас по всему свету искать.

— Он, может, и не будет. А менты непременно. У Вадима кое-что есть на меня.

— Что есть?

Стас усмехается:

— Чего глаза таращишь, Принцеска? Как будто не знаешь, кто я.

— Кто ты? — Голос мой дрожит. Он качает головой, отводя взгляд в сторону. — Стас, пожалуйста... — Я зажимаю рот рукой, боясь разреветься.

— Тихо, тихо, все хорошо. — Он поспешно целует меня. — Я тебя напугал. Прости.

В моей душе поселяется страх, от которого я уже никогда не избавлюсь. Стас ходит по комнате по-звериному, из угла в угол. У меня чувство, что он стремительно удаляется от меня, туда, где мне

нет места. Я вскакиваю, бросаюсь к нему, останавливая это жуткое метание в четырех стенах.

На следующий день мы ужинаем в кухне, когда приезжает Вадим. Я вижу в окно его машину. Мои вещи в комнате Стаса.

— Ничего не бойся, — говорит он, глядя исподлобья. — В комнате я уберу. — Я растерянно смотрю на дверь, Стас подходит ко мне, быстро целует. — Ничего не бойся, — повторяет одними губами.

Что я чувствую? Не знаю. Я хочу быть с ним. Если для этого надо лгать, притворяться, значит, я буду лгать и притворяться. Дверь открывается, входит муж. Я издаю радостный вопль и бросаюсь к нему.

— Здравствуй, милая. Скучала?

— Конечно.

Я не знаю, как его назвать, все ласковые слова принадлежат другому, у мужа осталось только имя. Я смотрю на него: он выглядит усталым, лицо осунувшееся, мешки под глазами.

— Что с тобой? — упавшим голосом спрашиваю я.

— Чувствую себя неважно.

— Вызвать врача?

— Ерунда. Ты меня вылечишь. Наконец-то я дома. — Он обнимает меня, я едва сдерживаю желание сбросить его руку.

На кухне появляется Стас, сердце мое стремительно падает. Его лицо непроницаемо, на меня не взглянул. Что теперь будет с нами? За окном опять идет дождь. Я хочу гулять под дождем, держать Стаса за руку и знать, что имею на это право.

— Как вы тут? Ладили? — поднимаясь рядом со мной по лестнице, спрашивает Вадим.

— Оба живы, — пожимаю я плечами. — Я больше не хочу с тобой ссориться.

Я улыбаюсь и говорю, говорю... мне кажется, я не обману и идиота.

Мы в спальне, Вадим притягивает меня к себе. Мне хочется его ударить.

— Переодевайся, сейчас буду тебя кормить, — говорю я.

— Лучше поцелуй меня.

Я хихикаю и отстраняюсь.

— Посмотрю на твое поведение. Хотя бы выпей чаю с дороги. — Улыбка у меня от уха до уха. Он улыбается в ответ, идет в ванную.

Я хватаю сотовый и бегу на веранду.

— Привет, — говорит Агатка. — Вспомнила о сестре?

— Позвони мне минут через двадцать. Придумай что-нибудь, мне надо уйти из дома.

— Что случилось?

— Агатка, не будь дурой, приеду, все расскажу. Ты поняла?

— Поняла, поняла.

Я спускаюсь вниз, через десять минут появляется Вадим. Мы пьем чай, я считаю секунды, ну, быстрее, быстрее. Звонит телефон.

— Вадим, — говорю я. — Наверное, тебя, подойди.

— Черт, кому это неймется? — ворчит он и снимает трубку. — Да.

Я прислушиваюсь.

— Фенечка, — он вроде бы взволнован, — это сестра, кажется, твоей маме плохо.

Я кидаюсь к телефону, сбивая по дороге стул. Надеюсь, это впечатляет.

— Да.

— Балда, — дразнит Агатка. — Сестра — это наказание.

— Господи, это серьезно? — Голос мой звучит трагически.

— Очень, — злится Агатка. — Если маменька узнает об этом спектакле, публичного проклятия нам не избежать.

— Конечно, я сейчас приеду, да, да, прямо сейчас. — Я вешаю трубку.

— Что? — спрашивает Вадим.

— Мама от госпитализации отказалась, человек она своеобразный. Поеду к родителям.

— Я тебя отвезу.

— Я так тебя ждала, ты не представляешь, как мне жаль, — говорю я по дороге.

— Слава богу, впереди у нас много времени.

Агата ждет на улице. Все-таки она молодец.

— Что?

— Уснула, папа очень расстроен. Останься у нас сегодня, мало ли что.

— Конечно.

— Вадим, — Агатка демонстрирует неловкость, — бога ради, извини...

— Все нормально, я просто Фенечку привез.

— Я позвоню, — шепчу я, и мы расстаемся.

— Ну? — грозно спрашивает сестрица. — По какому случаю трагедию играли?

— Где предки?

— На твое счастье, с Михайловыми на даче, шашлыки затеяли. Так в чем дело?

— Из дома надо было вырваться.

— Зачем?

— Подумать.

— Ясно. Там думать нельзя?

— Выходит, что нельзя.

— Свинья ты, Фимка, все у тебя по-дурацки. Я, между прочим, здорово испугалась. А ты опять темнишь. Кстати, твоему Вадиму ничего не стоит позвонить матушке на работу. Как выкручиваться будешь?

Утром я звоню Вадиму предупредить, что задержусь у родителей на пару дней. К моему удивлению, он не возражает. На счастье, родители все еще на даче, зато Агатка достает меня вопросами. На следующий день звонит Стас.

— Вадим в больнице. — Сердце мое стремительно падает. — Ночью был приступ, что-то там с почками. Увезли на «Скорой». Я хотел позвонить, но он не велел, говорит, тебе сейчас и так несладко. Как ты там? — Я пытаюсь оценить новость. — Я за тобой приеду, — говорит Стас.

Лишь только я оказываюсь в машине, он спрашивает:

— Про мать вранье? — Я киваю. — Ну, и что дальше? Пока нам везет, пару недель его, возможно, продержат в больнице, а потом? Папе «Скорая» понадобится или придумаешь женские недомогания?

Я смотрю на Стаса. Если бы Вадим умер там, в больнице... Это чудовищно, но если бы он умер...

— Что? — усмехается Стас.

— Я... — слова даются мне с трудом. — Я сделаю все, как ты скажешь. — Невероятно, но я даю согласие убить мужа.

Мы в больнице. Я вхожу в палату, Вадим бледный, измученный, улыбается мне.

— Напугал? — Он гладит мою руку.

Он хороший человек, сколько бы я ни оправдывала себя, мой муж — хороший человек. Он желает мне добра, а я ему — смерти.

— Как мама?

— Собирается на работу. А вот ты... разве можно быть таким беспечным?

— Врач сказал, недели три придется здесь поваляться. Проживешь без меня три недели?

— Я без тебя дня не проживу. Может быть, позвонить Диме? — нерешительно спрашиваю я. Так зовут его сына. За все время моего замужества мы ни разу с ним не виделись. Я проявила любопытство, и Вадим объяснил, что после развода с женой его отношения с сыном не складывались. Отсутствие фотографий в доме меня тоже удивило, оказывается, дом муж купил всего два года назад, уже после развода. Бывшую жену покидал с одной сумкой в руках, фотографиям в ней места не нашлось.

— Не стоит, — говорит он в ответ на мой вопрос.

Покинув больницу, я иду к машине, Стас рядом.

— У тебя на носу веснушки, бледненькие, но если приглядеться, заметно.

Он смеется. Когда он вот так смеется, я готова жариться на сковороде и благодарно скалить зубы. И тут я замечаю сестрицу Агату. Она стоит возле своей тачки и смотрит в нашу сторону.

— Подожди меня в машине, — прошу я Стаса и иду к сестре. Лицо у Агатки хмурое и почему-то несчастное. Утром, когда мы расстались, повода иметь такое лицо у нее не было. — Привет, — говорю я. — Ты чего здесь?

— Проявляю сестринскую заботу, не к месту, надо полагать.

— Ты чего злишься, а? Зубы болят?

Агатка долго смотрит на меня, так долго, что я не выдерживаю и отвожу взгляд. Она качает головой и говорит:

— Фимка, как ты можешь, ведь он убийца.

— Ты о чем? — ошалело спрашиваю я.

— Ты с этим... вы любовники.

— Спятила?

— Если хотите это скрыть, держитесь друг от друга подальше. — Она поспешно садится в машину.

— Агатка, — зову я, но она уже не слышит.

— Что она тебе сказала? — спрашивает Стас. Я боюсь ответить правду. — Я задал вопрос.

— Она сказала, что мы любовники.

— Наблюдательная, стерва. Не по душе ей пришелся твой выбор?

— Не надо, пожалуйста. Она ведь ничего о тебе не знает.

— Или знает слишком много. С сестрицей будь поаккуратней, — хмуро говорит Стас.

Вечером мы вновь едем в больницу. На обратном пути заезжаем в супермаркет, возле прилавка с выпивкой сталкиваемся с мужем-летчиком.

— Фенька, радость моя! — орет Леха. Я силюсь проскочить мимо, но не тут-то было. Он целует меня, обдав перегаром, и радостно ржет: — Фенька, где тебя носит? А я скучал. Сто лет не виделись. Как оно? — Он смотрит на Стаса.

— Это брат Вадима, Стас, — неохотно сообщаю я.

— Привет, Стас, — радуется Лешка, протягивает руку, жестом чуть-чуть пугливым, что для лихого летчика совершенно несвойственно.

— Ты кто? — спрашивает Малахов.

— Муж. То есть бывший. Бывший Фенькин муж. — Лешка продемонстрировал бутылки в обеих руках и предложил: — Ну чего, ребята, по маленькой?

— Не до праздников, — буркнула я. — Вадим в больнице. Почки.

— Да? — огорчился Леха то ли из-за Вадима, то ли из-за того, что по маленькой не состоялось. — А я думал, посидим, выпьем.

— Отчего ж не посидеть? — неожиданно говорит Стас и улыбается. Глаза его скрыты очками, оттого лицо кажется симпатичным и даже милым. — Я думаю, Вадим в обиде не будет.

Я удивленно смотрю на Стаса, а под ложечкой противно сосет. Приезжаем к нам, устраиваемся на кухне, далее все как обычно: Леха пьет, лезет

целоваться и просит гитару. Бог знает откуда, но гитара появилась. Стас разлил водку в стаканы, с улыбкой сказал: «Дай бог, не последний», и они выпили, после чего Лешка запел. Стас охотно подпевал, умиленно смотрел ему в глаза, хлопал его по плечу и говорил: «Хороший ты мужик, Леха, выпьем за это». Потом пили за Стаса, дважды за меня. Мужики обнялись, назвали друг друга «брат» и по-русски троекратно облобызались. Лешка пел, давясь рыданиями, Стас сидел, подперев голову рукой, горестно кивал и, по всему, готовился всплакнуть, при этом выглядел родным братом Лешки. Эта умилительная сцена мне совсем не нравилась. Более того, она меня пугала.

В половине первого ночи мой бывший муж сполз под стол. Стас поднялся и пошел в ванную, ступая как-то чересчур осторожно. Я пошла за ним. Он сунул голову под холодную воду, фыркал, вздрагивал всем телом, потом растерся полотенцем и сказал:

— Черт здоровый, лихо пьет. Надо отвезти его домой.

Лешку отвезли и сдали папе-генералу, который матерился так, что слышно было на улице. Всю обратную дорогу Стас молчал, а я пыталась понять, зачем он потратил вечер, который, как мне казалось, безраздельно принадлежит нам, на бестолковую попойку. Оказавшись в доме, я задала этот вопрос. Стас ухмыльнулся:

— Он нам пригодится.

— Нет, — сказала я, жалко сказала, без ледяной твердости, о которой только мечтать приходилось. — Нет, слышишь, Лешка только с виду

взрослый мужик, он беззащитный, это все равно что ребенка обидеть.

— Я сейчас заплачу, — хмыкнул он насмешливо.

— Как ты можешь, Стас...

— Что ты заладила, Стас, Стас!.. — сорвался он на крик. — Вадим был мне другом десять лет. Можешь ты понять это своими куриными мозгами? А я собираюсь его убить. Не догадываешься, почему? Потому что люблю тебя. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была моей. И мне плевать, что для этого придется сделать. Если понадобится, я перестреляю весь этот чертов город, слышишь, Принцеска? Я убью любого, кто попробует мне помешать. Нравится тебе такой принц? Хочешь к папе — валяй. Ты, чертова кукла, твердишь «люблю», понятия не имея, что это такое. Ну, что смотришь? Не нравлюсь? Беги без оглядки, мой нежный ангел, я очень плохой мальчик. Только в отличие от тебя, хорошей девочки, я умею любить. Расскажи все Вадиму, успокой свою совесть, спасай своего Лешку, двигай к родителям и найди себе приличного мужа. Меня тошнит от тебя.

Он ушел в свою комнату, хлопнув дверью, а я сидела, оглохшая от отчаяния. Я уже не понимала, кто прав. Бросилась к его двери, она была заперта. Я колотила по ней рукой и орала:

— Стас, прости меня, я сама не знаю, что говорю! Ради бога, прости меня, я больше никогда ни в чем тебя не упрекну. Ты прав, а я просто глупая, трусливая дрянь... — Я продолжала звать его, даже когда поняла, что он не ответит.

Звук открывшейся двери меня напугал. Я сидела

возле порога, раздавленная, несчастная. Стас наклонился, взял меня на руки, и мир мгновенно преобразился.

— Я люблю тебя, — отчаянно произнесла я, Стас улыбнулся. Я лежала, уткнувшись в его колени, а он гладил мои волосы.

Когда я в очередной раз приехала к Вадиму, он достал из тумбочки карточку и ключ от банковской ячейки.

— Зачем мне это? — спрашиваю я.

— Ячейка оформлена на двоих, на тебя и на меня, если вдруг понадобятся деньги...

— У меня кредитка есть, — испуганно говорю я.

— Это на всякий случай, Фенечка. Просто мне так спокойнее. Ну, чего ты испугалась? Все нормально. Не в тумбочке же им лежать, пусть будут у тебя. И давай договоримся, это строго между нами.

Невероятно, но я забываю рассказать об этом Стасу. Вторая неделя подходит к концу. Стас внешне спокоен, шутит, смеется, когда мы вдвоем. Я боюсь спрашивать о том, что будет, когда Вадим вернется домой. Я знаю, Стас уже все решил. В те редкие минуты, когда я остаюсь одна, скатываюсь в панику. Я всех возненавижу и всех убью, только бы он был рядом.

Наконец приходит день, когда Вадима выписывают из больницы. Накануне, часа в два, Стас говорит:

— Найди Лешку. Ваша встреча должна выглядеть случайной.

— Стас...

— Ты вроде бы обещала сделать все, что я скажу. Нет?

Я еду искать Лешку. Если его привычки не изменились, он в пивнушке в трех кварталах от места прописки. Останавливаюсь возле аптеки, она почти напротив пивной, покупаю лекарство. Рядом с забегаловкой Лешки не видно, двери открыты, народ толпится, но там он или нет, сказать трудно. Если в течение получаса он не появится, придется искать его в другом месте. Лешка появился раньше, вывернул из-за угла с каким-то типом в вельветовых штанах и женской кофте.

— Фенька! — радостно ахнул он. — Ты чего здесь?

— Машина не заводится.

— Давай посмотрю.

Тип в женской кофте потрусил дальше. Лешка поднял капот, пожал плечами.

— Фигня, клемма с аккумулятора слетела.

— Чего?

— Вот, смотри, в следующий раз сама справишься.

Я тычу пальцем во внутренности машины и задаю вопросы, довольный Лешка отвечает, первый раз в жизни ему удалось сделать что-то путное. Мы садимся в машину.

— Как Вадим? — спрашивает он.

— Завтра выписывают из больницы.

— Надо бы это отметить.

— У него же почки, где ему пить, ты хоть бы подумал.

— У тебя-то почек нет, посидели бы как люди. Скучно мне без тебя, Фенька, тоскую я.

— Давай выметайся.

— Я с тобой поеду, на Семеновской пиво лучше.

Возле ближайшего магазина Лешка попросил остановиться, купил пива и бутылку водки. Пиво выпил сразу, а потом принялся и за водку, после чего избавиться от него было уже невозможно.

Через полчаса мы очутились возле дома Вадима, поднялись на второй этаж, в комнату, которая считается моей, дверь ее выходит на веранду. Здесь мы с Лешкой и разместились.

Позвонил Стас:

— Мне надо уехать, вернусь завтра утром. Сейчас пришлю тебе Серегу. Постарайся сделать так, чтобы с гостем он не виделся. Скажи, что это твой бывший муж, Вадим, мол, с ним знаком и беспокоиться нечего.

Через двадцать минут появляется Сергей, не услышать Лешку попросту невозможно. Я выдаю незамысловатую историю и развожу руками. Серега с грустной миной сидит в кухне. Лешка засыпает часов в одиннадцать, я ночую в гостиной. В шесть утра Лешка уже на ногах. Орет:

— Фенька!

Я прихватываю бутылку и поднимаюсь наверх. В 9.30 звонит Стас:

— Я еду за Вадимом. Как Леха?

— Через пару минут свалится под стол.

Лешка в очередной раз наливает по маленькой. Я слышу, как подъезжает машина, смотрю в окно. «БМВ» Стаса у калитки, выходит Вадим, машина

трогается с места. Я жду появления мужа, он внизу разговаривает с Сергеем. Наконец он входит в комнату. Я поднимаюсь ему навстречу с глупой улыбкой. Леха дремлет в кресле, но вдруг вскидывает голову.

— Вадим! — орет он. — Проходи, садись. А мы гуляем по-гусарски, всю ночь. За твое здоровье. — Лешка поднимает рюмку.

— Может, объяснишь, что происходит? — спрашивает Вадим.

— Ты же знаешь его, — виновато отвечаю я. — Извини, что не смогла приехать.

— Ничего страшного, у тебя были дела поважнее. — В голосе Вадима откровенная издевка. — Откуда он здесь взялся? — спрашивает муж.

— Пришел, — радуется Лешка. — Мы встретились, я и пришел.

— Замечательно. А теперь быстро встал и вон отсюда.

— Вадим, — прошу я.

— Его непременно надо было сюда тащить?

— Ты чего это орешь? — пьяно вскидывается Лешка. — Ты чего, гад, на мою жену орешь? Да я тебе ноги переломаю, сукин ты сын!

— Пошел вон, я сказал.

— Ага, размечтался.

Вадим шагнул вперед, схватил Леху за рубашку, пуговицы полетели в разные стороны. Все нереально, как в дрянном спектакле, где каждый играет свою роль. Моя — самая подлая. В этот момент я вижу Стаса, он стоит на веранде, кивком указывает мне на дверь. Мне кажется, что я еще могу

все исправить, остановить, но вместо этого я бросаюсь к двери, кричу:

— Сережа!

Тот стоит внизу возле лестницы, я бегу к нему. В этот момент грохнул выстрел, ноги у меня подкосились. Сережа суетливо, как-то боком, бежит в холл, хватает куртку, путаясь в карманах, вытаскивает пистолет и поднимается ко мне.

— Кто стрелял? — спрашивает он растерянно, я трясу головой, он помогает мне подняться. Я цепляюсь за его руки. — Черт, — бормочет Серега.

Друг за другом мы бежим в комнату. Вадим лежит на полу в луже крови, я с ужасом понимаю, что он еще жив. Рывком, опережая Сережу, бросаюсь к мужу, он шевельнул губами, я наклоняюсь, прижимаюсь к ним ухом. Мне это слышится, или он действительно сказал:

— Не верь ему.

Да, он так сказал.

— Господи! — кричу я. — Господи, этого не может быть!

Серега стоит рядом.

— Феня, — губы у него совершенно белые. — Феня, он жив?

— «Скорую», — говорю я. — Пожалуйста, «Скорую».

Сергей кидается к телефону, его так трясет, что он дважды роняет трубку.

— Господи, он же умрет! — ору я и выхватываю у него телефон. Я звоню, говорю путано, реву, а рядом Сережа испуганно твердит:

— Стас, где Стас, надо Стасу звонить. Где же Стас-то, господи?

Я поворачиваюсь и вижу Лешку. Он стоит, тараща глаза, а в руках у него пистолет.

— Что случилось? — спрашивает он. — Фенька, что случилось? Это я его ударил, я? Он весь в крови, не мог я его так ударить.

Я сползаю на пол.

— Сука, — вдруг говорит Серега. — Ты что ж сделал, а? Ты ж его убил.

— Я? — Лешка ловит мой взгляд и тут видит пистолет в своей руке. — А это что? Откуда это?

Я сижу в кресле, кутаюсь в платок. В доме полно людей. Я наблюдаю за ними с тупым равнодушием. Следователь вежлив до приторности, вопросов мне никто не задает. Я выхожу из транса и беспомощно оглядываюсь. Где Стас? Оказывается, он здесь, в доме. Стоит в дверях рядом с Серегой. Я поспешно отвожу взгляд, утыкаюсь лицом в колени и замираю. Я жду, когда все уйдут и мы останемся одни. Громкие голоса внизу, через минуту входит папа.

— Фенечка...

Мама топчется рядом и вытирает слезы. Агата тоже здесь, лицо хмурое, смотрит куда-то поверх моей головы. Посторонние покидают комнату.

— Девочка моя, успокойся. — Отец гладит мою спину. Давясь слезами, я начинаю рассказывать. Агатка слушает с каменным лицом.

— Допился, голубчик, — рявкает мама. —

Я всегда говорила, что он плохо кончит. И таким типам оружие доверяют.

— Откуда у него пистолет? — спрашивает папа. — Он что же, с пистолетом по городу разгуливал?

— Бандит, форменный бандит и пьяница, — сурово говорит мама. — Давно надо было меры принимать, это его дорогие родители на все сквозь пальцы смотрели, вот теперь Федор Михайлович увидит наконец, какого сына воспитал.

— Августа, — хмурится папа.

— Что Августа? Этот пьяница твою дочь вдовой сделал. Доченька моя, такое пережить, не плачь, моя хорошая.

— Лешку жалко, — реву я.

— Да, Лешку жалко, — вдруг говорит Агата. Мы смотрим друг на друга.

— А ты чего? — Мамино лицо пошло пятнами. — Ты сестру пожалей, а не этого пропойцу. Он ведь и тебя мог убить, — ахнула она. — О господи, если бы ты не вышла из комнаты, он и тебя мог убить.

— Лешка — Фимку убить? — удивляется Агата. — Это уж совсем глупость.

— Выйди отсюда, — не выдержала мама. — Чурка бесчувственная. У сестры такое горе, а ты... бесчувственная и есть, потому и мужики тебя не любят.

— Августа, — повысил голос папа.

— Что Августа? Что? Собирайся, доченька, поедем домой.

Я не хочу никуда ехать, я хочу, чтобы рядом со

мной был Стас. Но до похорон мы не видимся. Я горстями пью таблетки, чтобы уснуть. Я почти все время сплю.

На похоронах много людей, по большей части мне незнакомых. Сын Вадима позвонил мне накануне. На похороны он не придет, мать чувствует себя плохо, он не может ее оставить. Мне все равно. Я высматриваю Стаса в толпе прощающихся. Он стоит за спиной Павла, глаза скрыты очками, но я знаю, что он смотрит на меня. Когда гроб опускают в могилу, начинается дождь. Я вновь вижу Стаса. Очки ему пришлось снять, теперь он не может спрятать за ними глаза. Он прикрывает их веками, притушает их блеск и все-таки не может их скрыть. У моего возлюбленного, единственного, желанного, глаза убийцы.

Мне выражают соболезнования. Стас тоже подходит, жмет руку, наклоняется и шепчет:

— Я люблю тебя.

Утром мы едем с ним на кладбище, наконец-то мы одни.

— Потерпи еще немного, — говорит он.

— Стас...

— Все кончится очень быстро.

— Стас, я боюсь. Вдруг они докопаются? Вдруг кто-то видел тебя, твою машину?

— Ни о чем не беспокойся. Лучше придумай повод поскорее вернуться в дом Вадима. У меня мозги набекрень, когда тебя нет рядом.

Разговор с родителями вышел бурным.

— Ты не будешь жить в этом бандитском логове! — кричала мама.

На помощь неожиданно пришла Агата:

— В конце концов, это ее дом.

— Вы все с ума посходили. — Мама страдальчески морщится и хлопает дверью.

С трудом дождавшись, когда все уйдут на работу, я тороплюсь позвонить Стасу. Роюсь в сумочке в поисках телефона и натыкаюсь на ключ от банковской ячейки. Через полчаса я уже в банке, выясняю, что Вадим арендовал ячейку за день до того, как оказался в больнице. В металлическом ящике толстый пакет с размашистой надписью «Фенечке». В такси я разрываю пакет. В нем какие-то бумаги, сверху письмо в белом конверте. Буквы скачут перед глазами, я стискиваю рот рукой.

— Вам плохо? — сочувственно спрашивает таксист.

Я вбегаю в квартиру, жгу бумаги в раковине, не читая их. Мне достаточно письма Вадима. Я смотрю на огонь и холодею от ужаса, что эти документы мог увидеть кто-то еще.

Мы в комнате Стаса, я смотрю на его склоненную голову. Четкий профиль, сжатые губы. Он повернулся, в свете настольной лампы его глаза отливают синевой. Я прижимаюсь щекой к его руке, он гладит мои волосы.

— Теперь все будет хорошо.

Я не верю ни одному его слову.

— Папочка-генерал, конечно, дорогого стоит,

но против твоего ему не потянуть. Начнут договариваться. Надеюсь, Вадим не успел переписать завещание.

— Что ты имеешь в виду? — Я вскидываю голову.

— Все свои бабки он завещал сыну. Это хорошо. Меньше подозрений. Никаких денег ты все равно бы не увидела, если только мелочовку. Пусть теперь Димка разбирается с папиными дружками.

Я хочу сказать ему о банковской ячейке, смотрю в его глаза и не произношу ни слова.

Стас оказался прав, следствие длилось рекордно короткий срок. Уже в сентябре состоялся суд. Накануне в доме появился Павел. Они разговаривали в комнате Стаса, а я подслушивала.

— Мы можем на тебя рассчитывать? — спросил Павел.

— Вряд ли.

— Не понял.

— Тебе я могу сказать. Мне не нравится, как погиб Вадим. Менты — это одно, но у меня свое мнение. И пока я с этим делом не разберусь...

— Брось, я знаю — вы давние друзья, он погиб глупо, и ты не хочешь поверить, что убил его какой-то алкаш в пьяной драке.

— Возможно, я ошибаюсь. Возможно. Мне бы хотелось самому убедиться в этом. Слишком много странностей. Накануне Вадим попросил меня съездить в район. Освободился я поздно, возвращаться ночью не хотелось. Остался там ночевать. Утром позвонила жена Вадима, попросила забрать его из больницы. По дороге мне звонят со

станции техобслуживания, просят срочно приехать, «Мерседес» Вадима был у них. Позднее выяснилось, что никто оттуда не звонил. Серега дремал на кухне и даже не потрудился наверх подняться, проверить, что там и как. А этот алкаш ни хрена ничего не помнит.

— Ты хочешь сказать...

— Ты лучше меня знаешь, скольким людям мешал Вадим. Серега говорит, он вроде бы успел что-то шепнуть жене. И боится она неспроста. Сидит в четырех стенах, никуда не выходит. Кого боится? Бывшего пьяницу-мужа? Так он на нарах отдыхает. Если Вадим действительно ей что-то сказал, я об этом узнаю. Рано или поздно она мне скажет.

— Уверен?

— А куда ей деться? Она всего лишь баба.

— Что ж, девка она красивая, одиноко ей в большом доме. Я бы и сам не прочь ее утешить. Думаю, тебе недолго придется ее уговаривать.

— Не помню, чтобы я кого-то уговаривал.

— Я потолковал с адвокатом, — помолчав, сообщил Павел. — Завещание Вадим написал еще три года назад. Все отходит сыну. Как считаешь, с ним можно договориться?

— Если парень не дурак, вы договоритесь.

Не успел уйти Павел, как появилась Агатка. Мы в моей комнате сидим напротив друг друга, сестра сверлит меня взглядом.

— Не слишком далеко завела тебя твоя любовь, сестрица? — спрашивает она тихо.

— О чем ты?

— Вадима убил Стас?

— Спятила?

— Возьмись я защищать Лешку, и от вашей версии камня на камне не осталось бы.

Я придвигаюсь к ней, смотрю в глаза.

— Я его убила. Попробуй влезть, и я отправлюсь к ментам с повинной.

Она качает головой:

— Вот в этом я не сомневаюсь... Лешку будет Маликов защищать, начнет соловьем заливаться, расскажет про роковую страсть и состояние аффекта. Соседи твои по коммуналке дали показания, что не раз пистолет у Лешки видели, он хвалился, что в карты его выиграл. Правда, Леха утверждает, что давно его продал, только вот кому, не помнит. Само собой, никто ему не поверил. — Агатка резко повернула голову, я проследила ее взгляд. В дверях стоял Стас.

— Не поздновато для разговоров? — спрашивает он.

Агатка усмехается:

— Сволочь ты. Подлая, наглая сволочь. Посмотри, что ты с ней сделал? Разве это Фенька? Она, конечно, дурочка, но подлой и злой никогда не была. Когда у нее в мозгах прояснится, она поймет, кто ты. Жаль, что будет поздно. Пойду я, — устало говорит она, поднимаясь. — Завтра у тебя трудный день. Тебе придется Лехе в глаза смотреть.

Я боюсь об этом думать...

На суде Лешка сидел, закрыв лицо руками, и монотонно повторял:

— Не помню, ничего не помню.

Когда после чтения приговора его уводили из зала, он посмотрел на меня, судорожно вздохнул и крикнул:

— Фенька, прости меня, ради бога, не хотел я!

Я вцепилась в спинку стула руками, оглянулась, ища глазами Стаса. Он стоял возле двери. Улыбнулся едва заметно.

По дороге домой я сказала:

— Дом теперь принадлежит Димке. Что будем делать?

— Время еще есть, придумаю что-нибудь. Давай прокатимся на дачу. Отдохнем, пока Димка ее не забрал.

— На дачу?

— Ну да... свежий воздух тебе не повредит. Да и мне тоже. Поживем там пару дней, успокоимся.

Мы долго гуляли по лесу, пока не стемнело, потом сидели возле камина обнявшись, я смотрела на огонь, а перед глазами стоял Лешка.

Я проснулась под утро, Стаса рядом не было.

— Стас, — позвала я, он не ответил. Я зажгла свет, торопливо оделась, взглянула на часы: без двадцати пять. Где он может быть? — Стас, — вновь позвала я, подошла к окну. «БМВ» припаркован у калитки. На кухне горел свет, но Стаса и здесь не было. В доме стояла гулкая тишина, собственные шаги меня пугали. Входная дверь не заперта. Кутаясь в шаль, я вышла из дома, свернула за угол. Дверь в подвал открыта. Что мог делать Стас в подвале в пять часов утра?

Я спускаюсь по ступенькам и вижу Стаса. Он

стоит возле стены, странно, по-звериному держа голову, точно принюхиваясь. Возле ног фонарь, инструменты и битые кирпичи. Он разглядывает что-то у своих ног и меня не видит.

— Стас, — зову я. Он оборачивается, идет ко мне.

— Ты чего не спишь? Бродишь раздетая. Хочешь простудиться?

— Что ты здесь делал?

— Так. Кое-что хотел выяснить.

Мы возвращаемся в дом.

— Чаю выпьешь? — спрашивает он.

— Что ты хотел выяснить?

— Ерунда. Не забивай голову.

— Стас, пожалуйста, скажи мне, что ты делал в подвале? Мы для этого сюда приехали?

— Ладно. Я кое-что искал.

— Что?

— Одну вещь, которая мне нужна. Я ее не нашел. Теперь все?

— Давно ты ищешь эту вещь?

— Кончай болтать, лучше обними меня. Губы у тебя холодные, но очень сладкие.

Через два дня мы вновь едем на дачу. Думаю, с того момента, как погиб Вадим, Стас не раз там бывал. Я гоню эту мысль прочь, улыбаюсь, но все-таки спрашиваю:

— Опять будешь свою таинственную вещь искать?

Он смотрит на меня, долго смотрит. Взгляд тяжелый.

— Возможно. И что?

— Может быть, ты скажешь, что ищешь, вдруг я тебе помогу?

— А ты не догадываешься? Я ведь тебе говорил, у Вадима на меня кое-что было...

— Я все сожгла, — произношу я медленно, отводя взгляд.

— Сожгла?

— Пакет был в банковской ячейке, на мое имя.

— Интересно. Ну и что было в пакете?

— Бумаги. По крайней мере, горели они хорошо.

— И ты в них не заглянула?

— Нет.

— Я должен в это поверить?

Я молчу.

— Женщины на редкость любопытны, разве нет? — говорит он.

— Я знаю о тебе все, что хочу знать. Главное, ты меня любишь, а я люблю тебя.

— Отлично. Тогда с чего ты взяла, что бумаги те самые?

— Что еще там могло быть?

— Не хитри со мной, Принцеска.

— Тебе не о чем беспокоиться. Я все сожгла.

— Как думаешь, почему он оставил пакет тебе? — помедлив, спросил Стас.

— Не знаю.

— Ладно. Забудем об этом.

Но он не забыл. Он все чаще задумывается, глядя как будто внутрь себя. Я беру его за руку, словно стараясь удержать. Я еще надеюсь. Надеюсь, что он мне скажет. Я не выдерживаю первой. Мы

смотрим телевизор, я наблюдаю за бессмысленным для меня движением на экране и вдруг произношу:

— Вадим зачем-то купил дом в деревне и оставил его мне. Адвокат сказал.

— Зачем Вадиму дом в деревне? — хмурится Стас.

Я смотрю в его глаза и мысленно повторяю: «Скажи мне, скажи...»

— Ты меня любишь? — спрашиваю я.

— Конечно.

Он обнимает меня, прижимает к себе. На следующий день, ближе к вечеру, он говорит:

— Нашел я эту деревню на карте. Час езды отсюда. Посмотрим наследство?

Я киваю.

Уже в машине я заглянула в сумку, мобильного в боковом кармане нет.

— Я мобильный забыла.

— Да? Я тоже.

— Может, вернемся?

— Зачем тебе мобильный? — удивляется Стас.

В деревушке всего семь домов, большинство из них стоит с закрытыми ставнями, дачный сезон кончился.

— Номер дома помнишь? — спрашивает Стас.

— Третий.

На почтовом ящике краской выведена фамилия бывших владельцев «Каратаевы». Оставив машину возле крыльца, Стас прошелся по деревне. Я достаю ключ из конверта и отпираю замок. В доме очень холодно. Я сижу на стареньком диване, оглядываюсь. Обыкновенный деревенский пятистенок,

кухня, передняя. Мебель, свезенная сюда за ненадобностью. Возвращается Стас.

— Мне здесь нравится. Останемся ночевать?

— Холодно.

— Со мной тебе станет жарко.

Он обнимает меня, ищет мои губы, а я думаю: «Никто не знает, что мы здесь». Но через мгновение я рвусь ему навстречу и ни о чем не жалею. Потом мы тихо лежим в темноте, прислушиваясь к дыханию друг друга. У меня ровное дыхание, замедленное, у меня безвольные руки. Стас лежит сосредоточенный и ждет, когда я усну. Слабо шевельнулся, поцеловал меня, замер, приглядываясь. Легко поднялся. Он двигается почти бесшумно, но я слышу его шаги. Слышу, как он ходит по дому, как открывает люк подпола в кухне, как спускается вниз. Я лежу на спине, таращусь в потолок и стискиваю рот рукой. А когда глухие удары там, внизу, стихают, встаю, одеваюсь и иду в кухню. Сажусь на широкую скамью за столом и жду Стаса. Он поднимается по ступенькам из подпола. Сначала я вижу затылок, потом спину, потом «дипломат» в его руке. Стас оборачивается, губы кривятся в усмешке.

— Подслушиваешь, подглядываешь, хорошая девочка?

Он пнул ногой крышку люка, она с грохотом захлопнулась, и я вздрогнула.

— Ты это искал? — спрашиваю я, кивнув на «дипломат». — Что там? Деньги?

Он смеется.

— Старые газеты, которыми можно растап-

ливать печь. Развел меня твой муженек... в дураках оставил.

Он садится за стол, отпихнув ногой «дипломат».

— Значит, все-таки деньги, — тихо говорю я.

— Дура ты, Принцеска... деньги... Миллион долларов США. Классно звучит, а?

Я опять подумала: никто не знает, где я. Кто будет искать меня здесь, кому это придет в голову? Агатка решит, что мы сбежали. И будет ждать весточки, долго будет ждать, может, всю жизнь. Я смотрю на свои руки, они двигаются по столу, словно плетут кружево. Вздрагивают, замирают и снова двигаются.

— Ты убьешь меня? — спрашиваю я, Стас усмехается.

— Ты даже не представляешь, как мне не хочется этого делать. — Я киваю, а он качает головой. — Мотать отсюда надо, осточертел мне этот городишко. Муженек твой меня за яйца держал, я думал, избавлюсь от него и заживу распрекрасно на его деньги. Теперь отбывать придется налегке. Накрылась мечта.

Он поднимается, зачерпывает ковшом воду из ведра, долго пьет, стоя ко мне спиной, а я вспоминаю письмо Вадима. Из всех углов медленно накатывает ужас, холодя спину, а в груди печет и больно. Я могла позвонить Агатке, я могла остаться дома. Мне вдруг становится смешно: если бы мы были не в глухой деревушке, а в городе, я закричала бы: «Помогите!» — и бросилась к людям, а потом смотрела бы, как Стаса сажают в машину

с наручниками на руках? Нет. Я бы так же молча сидела, как сейчас. Я стискиваю зубы и говорю:

— Наверное, если быстро, то не очень больно.

Стас смотрит на меня долго, может, минуту, может, две, подходит, заглядывает в глаза. Как он меня убьет? И тут я понимаю. Конечно. Даже Агатка поверит, что я не выдержала... Однажды кто-нибудь заберется в пустой дом и найдет меня... Я сглатываю ком в горле, смотрю в глаза Стаса, темные-темные, а он вдруг начинает смеяться:

— Поняла, Принцеска, вижу, что поняла. Ты умненькая.

Горло сдавливает, словно на шее уже стянута петля. Я отвожу взгляд. Если глаза — зеркало души, какая у тебя душа, Стас? Я представила, что будет дальше, вновь стиснула зубы. Помоги мне, помоги мне, помоги... Голос пробивается с трудом, хриплый, не мой.

— Я боюсь, — говорю я.

Стас качает головой.

— Ты чокнутая. Ты ведь даже кричать не будешь. Так ведь? Вижу, не будешь. Ты сама голову в петлю сунешь, я скажу, и ты сделаешь. Черт-те что. — Он тихо и зло смеется, резко выпрямляется. — Ладно, не знаю, что для тебя хуже.

Он идет к выходу, снимает куртку с вешалки, он уже открывает дверь, когда я, опомнившись, зову:

— Стас...

— Ну, что? — недовольно спрашивает он.

— Эти деньги... Скажи, найди ты их, ты был бы счастлив?

— Без дурацких вопросов никак нельзя?

— Я знаю, где они.

Он хмурится, стоя возле двери, а я поднимаюсь и иду в погреб. Слева, там, где полки, отсчитываю седьмой кирпич снизу, он легко поддается. Стас стоит наверху с фонариком в руках. Я вынимаю кирпич, второй, третий, зачем-то аккуратно складывая их возле ног, потом просовываю руку в образовавшуюся дыру и достаю спортивную сумку из плотной непромокаемой ткани. Протягиваю ее Стасу, глядя на него снизу вверх. Я думала, он сразу уйдет, но он протягивает мне руку, помогает выбраться из погреба. Мы возвращаемся в кухню. Сумка на столе, Стас расстегивает «молнию». Проводит рукой по банкнотам, берет пачку, проверяет и улыбается.

— Значит, не зря. — Я сижу на лавке и смотрю на него. — Как ты узнала о тайнике?

— Вадим...

— А, письмо. — Стас качает головой. — Ты и вправду чокнутая. — Вынимает из сумки несколько пачек, бросает на стол. — Держи, я думаю, это будет справедливо.

Он подхватывает сумку и идет в сени, на ходу застегивая куртку. Дверь распахивается, а потом закрывается с глухим стуком. Я сижу и слушаю его шаги. Заработал мотор. Звук удаляется, становится тише, пока не исчезает совсем. Я поднимаюсь, оглядываюсь, с трудом понимая, что должна сделать. Я не знаю, зачем иду в чулан, зажигаю свет в коридоре и распахиваю узкую дверь. В полу-

мраке с большого ржавого крюка свисает бельевая веревка. Вместо того чтобы бежать, я делаю шаг вперед. Дверь захлопнулась, хотя, может, это все-таки я ее закрыла. Крючок от удара соскальзывает, но я этого не замечаю, я молочу по двери кулаком, ору, а потом сползаю на пол и смотрю на веревку.

Когда в оконце медленно вползает рассвет, я поднимаюсь, отпираю дверь и иду в кухню. Заворачиваю доллары в старую газету.

Вернувшись в свою коммуналку, ложусь под одеяло и пытаюсь согреться. Я лежу так несколько дней. Добросердечные соседи пытаются вывести меня из транса. Заходят время от времени, ставят еду возле дивана. Она так и остается нетронутой. Должно быть, кто-то из них позвонил Агатке, потому что вскоре она появилась.

— Ты чего здесь? — спрашивает она хмуро.

— Дом Димкин, пришлось выметаться.

— А где Стас?

— Уехал.

Агатка садится рядом, молчит, потом спрашивает, с трудом выговаривая слова:

— Ты его убила?

Я поднимаю голову, поворачиваюсь к ней. Мысль о том, что я могла убить Стаса, кажется до того нелепой, что я начинаю смеяться.

— Фенька, у тебя башка седая, — говорит сестра. В комнате повисает тишина, пока Агатка не произносит: — Ты только из своей жизни публичного покаяния не устраивай. Никто не оценит. Подумай об отце.

Пачка сигарет давно опустела, язык жгло от горечи. Я зябко поежилась. Стемнело, дети, а вслед за ними и старушки-соседки покинули двор. Было тихо, только запоздавший трамвай прогрохотал по улице. Опершись на перила, я разглядывала звездное небо, пока в прихожей не зазвонил телефон. Я нехотя поплелась туда. Сняла трубку и послушала гудки. Пожала плечами и вернула трубку на место. А потом испугалась. В голову пришла совершенно нелепая мысль.

— Чушь, — осадила я себя. — Ему незачем мне звонить.

В ту первую зиму я добилась свидания с Лешкой. После того как уехал Стас, единственным моим желанием было отправиться к следователю. Но с этим вышла незадача. Признаться в убийстве, ничего не рассказав о Стасе, было бесперспективной затеей. Я буду иметь дело с профессионалами, и из меня быстренько все вытряхнут. А рассказать о Стасе я не могла. Или не хотела, бог знает. Вряд ли он рассчитывал на мое молчание, скорее всего, просто в нем не нуждался. Вот я и потащилась к Лешке со смутными намерениями и еще более смутной надеждой. Лешка вошел осунувшийся, похудевший, но смотрел твердо. Может, оттого и выглядел непривычно. Он улыбнулся и сказал:

— Привет. Знал, что приедешь.

— Куда ж мне деться? Как ты здесь?

— Нормально. Дотяну.

Я смотрела на него, собираясь с силами.

— Лешка...

— Молчи, — перебил он. — Ничего я знать не хочу. И мысли, что ты мне чем-то обязана, из головы выбрось. Я тебя любил и сейчас люблю.

— Зря, наверное.

— А в жизни, Фенька, все зря. Больше не приезжай. И глупостей не делай.

— Лешка...

— Молчи, я сказал. Не знаю, кого ты защищала, а я защищаю тебя. И ни в чьем сочувствии не нуждаюсь. Поняла?

Мне оставалось только кивнуть в ответ. Я его понимала. В общем, наша встреча мало что изменила в моей жизни. Временами мне казалось: время остановилось там, в деревенском доме, и я все еще сижу в чулане с низким потолком и бельевой веревкой. Стас был прав, когда сказал: неизвестно, что для меня хуже. Стас... я покачала головой. Поверить в то, что он сейчас где-то рядом, было почти невозможно... Я прошла в кухню, включила свет. И огляделась с удивлением, словно впервые заметила окружающие меня предметы: обшарпанную мебель, кухонную плиту, холодильник Мин херца с наклейкой на дверце: «Пусть лучше брюхо растет от пива, чем горб от работы».

Уже несколько месяцев я жила одна. Дуська наконец-то вышла замуж. Избранник ее был немолод, не особенно хорош собой и не то чтобы умен. Зато пил в меру. В глазах Дуськи это перевешивало его незначительные недостатки. От внезапно обрушившегося счастья соседка до сих

пор не пришла в сознание, ей было не до сдачи комнаты жильцам. Мин херц тоже нашел себе даму сердца, но свою комнату не сдавал из иных соображений. Предполагаемая спутница жизни пустила его на свою жилплощадь с испытательным сроком, очень сомневаясь, что симпатия к ней пересилит страстную любовь Петра Алексеевича к зеленому змию. Если честно, я тоже в этом сомневалась. Однако третий месяц подходит к концу, а Мин херц так и не вернулся к пагубным привычкам. Иногда он заглядывал, но вовсе не за тем, чтобы выпросить денег на опохмелку. Он пил со мной зеленый чай, который считал теперь исключительно полезным, и с грустью рассказывал о больной печени и погубленных пороком годах. Один раз денег все-таки занял, но, как выяснилось позднее, на цветы даме сердца, у которой в ту пору случился день рождения. В общем, вряд ли нам с Мин херцем доведется еще пожить под одной крышей.

Я перевела взгляд на часы и неожиданно вспомнила, по какой надобности заглянула на кухню. Взяла из холодильника приготовленный пакет и направилась к входной двери. Пересекла двор, вышла в соседний переулок и немного поразвлекалась художественным свистом. На мой призыв вскоре явился рыжий пес с белой мордой. За ним подтянулись другие. Я вытряхнула кости из пакета и устроилась в сторонке, дав собачкам возможность спокойно поужинать, а потом побрела по ночным улицам в компании белоголового, которого звала Васькой, и еще одно-

го пса, имя которому так и не удосужилась придумать. По улицам я обычно болтаюсь до утра, до тех самых пор, пока не придет время приступать к работе.

Однако в эту ночь прогулка вышла короткой. Не успели мы свернуть в переулок, выходивший к троллейбусной остановке, как я заметила компанию подростков, окруживших высокого парня в бейсболке. Не надо было обладать даром предвидения, чтобы понять: парню сейчас наваляют, отобрав как ценные, так и не очень ценные вещи. Надо сказать, с местной шпаной у меня сложились добрососедские отношения. В ту пору, когда я только начинала свои странствия по ночным улицам, как-то ближе к утру довелось мне познакомиться с одной такой компанией. Я кормила собак, пристроившись на тротуаре, тут их нелегкая и принесла. Подошли и замерли рядом.

— Денег нет, мобилы тоже, — предупредила я.

— Нужна нам твоя мобила, — сказал тот, что стоял ближе всех. — Может, мы хотим познакомиться. Ты не бойся...

Это показалось мне забавным, я посмотрела на всех по очереди и сказала:

— А с чего вы взяли, что я боюсь?

Парень нахмурился и отступил на шаг, а я загрустила, впервые заподозрив: что-то со мной не так, потому что и остальные отступили, а потом и вовсе убрались восвояси. Чтобы не утруждать себя мыслями на этот счет, я поторопилась все списать на собак. Как бы то ни было, а после того случая ко мне никто не цеплялся. Подозре-

ваю, что меня считали городской сумасшедшей, чем-то вроде местной достопримечательности. Шпана не лезла ко мне, а мне они были по фигу. Правда, присутствовать ранее при таком спектакле, как сейчас, не приходилось. Прикидывая, стоит вмешиваться или нет, я все-таки свистнула, протяжно и высокохудожественно, словно собак подзывала. Мои лохматые спутники насторожились и на всякий случай продемонстрировали клыки.

— Отпустите парня! — крикнула я, когда подростки, будто по команде, повернули ко мне головы. Один что-то буркнул, но я не расслышала и пошла к ним не спеша. До них оставалось метров двадцать, когда ребята, не сговариваясь, двинули в ближайший двор, где вскоре и исчезли. Парень в бейсболке с недоумением посмотрел им вслед, потом перевел взгляд на меня.

— Могу проводить до остановки, — бросила я, проходя мимо. — Здесь лучше в одиночку не шастать. — Парень все еще стоял, таращась по сторонам, должно быть, не успел прийти в себя. — Шевелись, — поторопила я, не оборачиваясь. Он догнал меня и пошел рядом, косясь на собак.

— А вы кто? — спросил он. Голос был хрипловатый, и я подумала, что вовсе он не парень, а взрослый мужик. Мужикам положено знать, что на улицах следует соблюдать осторожность.

— Вы кто? — повторил он.

— Дворник.

— Кто?

— Улицы мету, есть такая профессия, не слышал?

— А почему они вас послушали?

— Не знаю. Должно быть, собак испугались.

— Ваши собаки?

— Общественные.

— Спасибо вам, — словно опомнившись, сказал он.

Мы как раз вышли к остановке, здесь горели фонари, движение на дороге особо бойким не назовешь, но машины проезжали, и я решила, что парень, или кто он там, был теперь в безопасности.

— Троллейбусы уже не ходят, — сказала я. — Но чуть дальше есть стоянка такси.

В этот момент я обратила внимание на то, что спасенный стоит столбом и на меня пялится. В свете фонаря я наконец разглядела его физиономию. Лет тридцати, одет в джинсы, ветровку «на молнии», на ногах кроссовки. На студента не тянет, на бродягу не похож.

— Вы... — сглотнул он и замолчал, предоставив мне возможность гадать, что он собирался произнести.

— Я, и что?

— Вы такая красивая, — брякнул он.

— Серьезно? Хорошая новость.

Я повернулась с намерением уйти, но он вдруг схватил меня за руку.

— Подождите. Можно я вас провожу?

— Куда?

— Но вы ведь где-то живете?

— Тебе сейчас едва по шее не надавали. Все еще тянет на приключения?

— Мне некуда идти, — заявил он.

— И что?

— Ну... денег тоже нет, так что отбирать нечего. Так можно?

Я вздохнула, приглядываясь к нему.

— Откуда тебя черт принес без денег?

— Давайте я вам по дороге расскажу.

И мы отправились переулком в сторону моего дома. История, которую он поведал, особенно меня не впечатлила. Застукал любимую девушку с приятелем и ушел, громко хлопнув дверью, оставив в совместном съемном жилье кое-какие вещи и разбитые надежды.

— Что, так и будешь по улицам шататься? — проявила я интерес. — Шел бы к родственникам или друзьям.

— Родственников нет, к друзьям неудобно. Придется объяснять... А вы... вы одна живете?

— Тебе никто не говорил, что чужое нахальство раздражает? — притормозив, поинтересовалась я. Он скорбно вздохнул, а я рассмеялась. — Ладно, пошли ко мне. Расскажешь про свою девушку.

Моя доброта объяснялась просто: в ту ночь оставаться одной не хотелось, и собаки в этом смысле вовсе не помогали. Избавиться от мыслей о Стасе не получалось, вот я и решила: послушаю парня, авось он избавит меня своей болтовней от досужих воспоминаний.

Если и была у него девушка, так он о ней

предпочел помалкивать. Трусил рядом, посматривая на меня, и все норовил заглянуть в глаза. Когда мы вошли в квартиру, спросил с любопытством:

— Это коммуналка?

— Точно.

— А соседи?

— Съехали. Нашли свое счастье. Собирались комнаты сдать, но все недосуг. Жду, может, поселится кто, будет веселее.

Я поставила на плиту чайник, парень пристроил бейсболку на вешалку, ветровку снял и присел за стол. Волосы у него оказались светлыми, а глаза голубыми. Симпатичный.

— Есть хочешь? — спросила я.

— Нет, спасибо. Чаю, если можно. Меня Славой зовут. А вас?

— Фенькой.

— Фенькой?

— Ефимией Константиновной, но нормальный человек это не выговорит, так что лучше Фенька. Ляжешь в комнате Мин херца, одеяло и подушку я принесу. С краном в ванной поаккуратней.

Славка прихлебывал чай из чашки и разглядывал меня, глупо улыбаясь. Стало ясно, уединиться в комнате он не спешит.

— Вы сказали, Мин херц...

— Ну, сказала.

— Это вы соседа так зовете? Почему?

— Потому что имя у него Петр Алексеевич.

— А-а, — протянул Славка. — Понятно. Интересуетесь историей?

— Нет, только погодой на следующий день.

— Погодой?

— Я же дворник.

— Странно, что девушка вроде вас выбрала такую профессию. Вы приезжая?

— Похоже, я дурака сваляла, — хмыкнув, заметила я. — Хочешь рассказать о себе, пожалуйста, выслушаю, хоть и без удовольствия. А на твои вопросы мне отвечать лень.

Однако это его не остановило. С интервалом в пару минут он поинтересовался:

— Часто вы по ночам гуляете?

Я вздохнула и удалилась в свою комнату, взяла одеяло и подушку, вручила их погрустневшему Славке и пожелала ему спокойной ночи. Вернулась в свою комнату и легла на диван.

— Феня, — позвал он, покорябавшись в дверь, — вы уже спите?

Я не ответила, он подышал под дверью и отправился восвояси.

Спать по ночам я не привыкла и теперь думала с тоской, что до утра еще далеко. Стас в городе... Как давно? А вдруг он все эти годы был рядом? Я-то была уверена, мы никогда не увидимся, и вдруг... Вот так запросто, сидеть в Юлькином палисаднике и увидеть его. Увидела, и что? Судя по его виду, у него все в порядке. Девушка красивая... Он хотел, чтобы я его увидела, иначе бы не вышел из машины. Виски жгло от

слез, а я-то считала, что реветь давно разучилась. Быстрей бы утро...

С трудом дождавшись шести часов, я отправилась мести улицу, но и здесь ненужные мысли не давали покоя. А еще воспоминания, с этим было хуже всего. В девять я вернулась домой и с удивлением обнаружила в кухне Славку, к тому моменту благополучно успев о нем забыть. Он жарил картошку и весело мне улыбался.

— Доброе утро.

— Тебе на работу не пора? — проявила я интерес.

— А меня с работы выперли. Все одно к одному.

— Так, может, ты новую поищешь?

— С этим проблем не будет. Феня, можно я здесь поживу? Некоторое время. Вы...

— Можно не «выкать», — сказала я. — Живи.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Давай завтракать.

Он разложил картошку по тарелкам, одну подал мне, сел напротив. К картошке был салат из овощей, о наличии которых в своем холодильнике я и не подозревала.

— Я сходил в магазин, — пояснил Славка.

— У тебя вроде денег не было.

— Немного есть. Хватит на то время, пока ищу работу. Что ты делаешь, когда не метешь улицы?

— Сплю. Вот как раз сейчас и собираюсь.

— Может, сходим куда-нибудь?

— Может, ты поешь молча?

Тут в дверь позвонили, Славка насторожился.

— Это кто?

— Открой дверь, узнаешь.

— А ничего, что я... — Он все-таки поднялся и пошел открывать.

— Ефимию Константиновну можно увидеть? — спросил мужской голос. Я повернулась, теряясь в догадках, кому пришло в голову так меня называть. Тем временем в кухне вместе со Славкой появились двое молодых мужчин в серых костюмах. Лица у обоих были серьезные, даже строгие. Это заинтересовало меня еще больше.

— Чего надо? — не очень вежливо спросила я.

— Не могли бы вы проехать с нами? Это не займет много времени.

— Занимайте на здоровье, только скажите, чего надо?

— Вам все объяснят позднее.

Славка хмуро смотрел на вновь прибывших и вдруг заявил:

— Я поеду с тобой.

— В этом нет необходимости, — вежливо заметил «серый костюм».

— Сторожи квартиру, — сказала я, поднимаясь. Вот так живешь себе тихо-мирно жизнью, в которой ничего не случается, и вдруг поперло. Признаться, меня разбирало от любопытства. Оттого с парнями я отправилась если и без особой охоты (после бессонной ночи клонило в сон), то с безусловным интересом.

Возле подъезда замер новенький «Лексус».

Выходит, вовсе не менты меня посетили. Я плюхнулась на заднее сиденье, парни устроились впереди. Ехали молча. До меня уже дошло, что ничего объяснять они не будут, придется ждать и теряться в догадках. Через полчаса мы тормозили возле здания на Гороховой, построенного пару лет назад. Выглядело оно очень солидно. Когда мы входили в подъезд, я обратила внимание на табличку. Фирма «Монолит». Загадочности это лишь прибавило. Мы поднялись на лифте и очутились в просторном холле с высокой стойкой посередине, откуда нам зазывно улыбались две девушки, брюнетка и блондинка.

— Максим Юрьевич вас ждет, — сообщила брюнетка, забежала вперед и распахнула передо мной дверь, скользнув взглядом по моим джинсам и разбитым кроссовкам.

Устыдившись своего внешнего вида и оттого вздохнув, я вошла в кабинет с белым пушистым ковром и черной глянцевой мебелью. Среди всего этого великолепия хозяин кабинета как-то терялся, по крайней мере, я не сразу его заметила.

— Садитесь, — подал он голос и кивнул на кресло. Ему было лет пятьдесят, довольно упитанный, светлые волосы успели поредеть, брови сдвинуты, между ними пролегла глубокая складка. Бульдожий подбородок, и хватка, скорее всего, тоже бульдожья. Я села, подперла щеку ладонью и уставилась в окно напротив. Мужчина сверлил меня взглядом. Поначалу этот взгляд был сердитым, потом стал скорее растерянным.

Он поерзал и спросил: — Что вы там разглядываете?

— Я не разглядываю, я недоумеваю. Пытаюсь понять, какая от меня может быть польза фирме «Монолит».

Мужчина шумно вздохнул, не скажешь, что у него крепкие нервы.

— Извините за причиненные неудобства, — вдруг заявил он.

— Да я не против. Счастлива познакомиться, хоть вы и не представились. Кстати, я остро нуждаюсь в мужчине. Вы случайно не вдовствуете?

— Случайно нет, — буркнул он, а глаза гневно сверкнули.

— Жаль. Мне всегда нравились мужчины в возрасте. Солидные, основательные.

— Всыпать бы тебе как следует пониже спины, — не выдержал он.

— Поздновато. Я уже взрослая девочка. Так что у вас за нужда во мне?

Мужчина еще немного поерзал, вздохнул, но заговорил спокойнее:

— Я был знаком с вашим мужем.

— Да? С которым?

— С Вадимом Викторовичем.

— Должно быть, он нас не знакомил, я вас не помню. Ну и что вам от меня надо?

— Задать несколько вопросов.

— У меня для вас плохая новость. Я терпеть не могу вопросы.

— Прекрати кривляться! — рявкнул он. — Пока я...

— Пока вы что? — удивилась я. Он повертел авторучку в руках, пытаясь успокоиться. — У меня папа — прокурор, — порадовала я его на всякий случай.

— Знаю, кто твой папа, — отмахнулся он. — Не скажешь, что с дочкой ему повезло. Такой пост занимает, а ты...

— Вторая плохая новость, — сказала я, поднимаясь. — Вам тоже не повезло.

— В каком смысле?

— В смысле, идите к черту.

— Подождите, — забеспокоился он, сообразив, что я намерена покинуть его роскошный кабинет, вздохнул и добавил: — Да, что-то разговор у нас не складывается.

— А вы начните еще раз, — посоветовала я. Он посверлил меня взглядом. — Лучше всего со слов «здравствуйте».

Дядька оказался занятным типом, потому что вдруг улыбнулся.

— Здравствуйте, Ефимия Константиновна. Моя фамилия Озеров. Озеров Максим Юрьевич. Извините, что отнимаю у вас время. Мне очень важно с вами поговорить.

— Слушаю вас, Максим Юрьевич, — с мягкой улыбкой кивнула я, вновь устраиваясь за столом.

— У вашего покойного мужа... Вадима Викторовича был охранник, некто Малахов. Вы его помните?

Вопрос меня не удивил, учитывая вчерашнюю встречу, но беспокойство вызвал. Стас в го-

роде, и им интересуются. Ему следовало об этом подумать, прежде чем являться сюда.

— Помню, — кивнула я.

— Что вы о нем скажете?

Я поскребла затылок, нахмурилась и ответила:

— Он был охранником.

— И все?

— А что еще?

— Он жил в вашем доме, вы ежедневно виделись, так что какое-то представление должны были о нем составить. Я прав?

— Наверное. Но не составила.

— Почему?

— Потому, что он очень мало меня интересовал.

— Вот как? — Он уставился на меня, пытаясь что-то прочесть на моей физиономии, и я сочла нужным добавить:

— Меня закружил вихрь светских развлечений, времени разглядывать охрану мужа просто не было.

Озеров выдвинул ящик стола, достал оттуда фотографию и перебросил мне. Я понадеялась, что моя физиономия по-прежнему выглядит придурковатой, и только. На фотографии я и Стас. Единственное фото, где мы вместе. Как оно оказалось у этого типа? В дом Вадима после того, как Стас уехал, я не возвращалась, снимки, как и прочие мои вещи, так там и остались. Я была уверена, сын Вадима выбросил их за ненадобностью. Кстати сказать, мы с ним так и не виделись ни разу. Озеров сообщил, что был зна-

ком с моим мужем, возможно, с Димой тоже... Вопрос, чем его заинтересовала фотография?

— Откуда это у вас? — спросила я с намеком на удивление.

— Я получил ее пару дней назад. Некто решил, что мне стоит на нее взглянуть.

— Некто?

— Да. Он или она предпочли остаться неизвестными.

— Что особенного в этой фотографии?

— Этот снимок как-то не вяжется с вашими словами, что Малахов и вы... что вы не обращали на него внимания.

— Ах вот в чем дело. Чтобы разные мысли вас не посещали, сообщаю, фотографировал нас Вадим, такая ему пришла в голову фантазия. Попросил улыбнуться, что я и сделала. Никогда не отказывала своему мужу, особенно в пустяках.

— Хорошо. Давайте начистоту. Обстоятельства гибели вашего мужа весьма... необычные. — Он кашлянул и нахмурился еще больше. — Я бы сказал, подозрительные, не знай я абсолютно точно, что от смерти Вадима лично вы ничего не выгадали. Все, что он имел, отошло его сыну от первого брака. После похорон мужа вы еще некоторое время жили в его доме, и Малахов тоже. Я прав?

— Правы. Мне нравился дом и не нравилась моя коммуналка, а с родителями жить не хотелось. Стасу, по-моему, вовсе негде было жить, хотя тут я точно не скажу. Он продолжал обретаться в доме, а я не возражала. Дом большой, и

друг другу мы не мешали. После суда Стас уехал, как и собирался.

— Просто уехал или что-нибудь прихватил на память? — спросил Максим Юрьевич. Под ложечкой противно засосало. Выходит, еще кто-то знал о деньгах? Может такое быть? Почему бы и нет?

— Вся мебель осталась на месте. — Я пожала плечами. — Дорогие моему сердцу безделушки — тоже. Машина, на которой он уехал, ему и принадлежала.

— И вы расстались друзьями?

— Нет.

— Нет?

— Чтобы расстаться друзьями, надо ими быть. А мы просто некоторое время жили в одном доме. Можно и мне задать вопрос? С какой стати эту фотографию прислали вам? Есть догадки?

Вопрос ему не понравился. Он разглядывал авторучку с таким усердием, словно ждал откровения.

— Это фото наводит на мысль, что вы были близки, — заговорил он, судя по всему, не собираясь отвечать на мой вопрос. — А то, что я успел узнать об этом типе, вызывает сомнения в той, давней истории.

— Что за историю вы имеете в виду?

— Убийство вашего мужа. Однако я по-прежнему не вижу мотива. Это то, что касается вас. Вы живете в коммуналке, работаете дворником. Если бы вам что-то перепало после гибели мужа, вряд ли бы все эти годы вы... — Он крякнул и

все-таки отвел взгляд. — А вот что Малахов? Может, он и вас провел, а? И укатил отсюда не с пустыми руками? Что на это скажете?

— Скажу то же, что и раньше: мебель была на месте.

— Странно покрывать бывшего любовника, если он вас обманул.

— Странно, только меня никто не обманывал. Вас-то все это почему интересует?

— Это напрямую касается близкого мне человека, — с неохотой произнес он. А я начала кое-что соображать. На столе стояли фотографии, но со своего места я их не видела, оттого поднялась и взглянула. На одном из снимков была девчушка в обнимку с собакой, на другой та же особа, но уже лет двадцати, красавица с длинными светлыми волосами. Очень похожа на блондинку, с которой Стас был вчера.

— Ваша дочь? — кивнула я.

— Да. — Максим Юрьевич откинулся на спинку кресла и сцепил руки замком. — Единственная дочь. Она учится в Питере. Сейчас собирается замуж. Ее избранник — преуспевающий бизнесмен. Мне он понравился. Я дал согласие, лучшего зятя и пожелать невозможно. Две недели назад они приехали сюда, а через несколько дней я получил эту фотографию. Естественно, меня это насторожило. С какой стати присылать ее мне? Допустим, здесь он с бывшей подружкой, ну и что? У кого не было подружек? Но я все-таки решил проявить любопытство. Стас не говорил, что с этим городом его что-то связыва-

ет, оказалось, он долгое время здесь жил. И не просто жил. И эта темная история... Неудивительно, что у меня она вызвала беспокойство.

— Вы решили, что он охотник за приданым? — невинно поинтересовалась я.

— Если не хуже, — буркнул он. — Хотя его фирма процветает, я проверял.

— Тогда чего бояться?

— Моя дочь — единственная наследница, — нахмурился он.

— Ясное дело. И что? — Ответ на этот вопрос я знала, точнее, о нем догадывалась.

— Предположим, я вдруг скончаюсь. Все отойдет моей дочери. И в случае, если...

— Пусть они составят брачный договор, чего проще?

— Моя дочь — влюбленная дура. И, как все влюбленные дуры, голоса разума не услышит. Это первое. А теперь второе. Если мои опасения верны, то этот тип здорово просчитается. Я об этом позабочусь.

— Ага. И его процветающая фирма отойдет вашей дочери. Да уж, тут брачный договор ни к чему. — Максим Юрьевич насупился и стал сверлить меня взглядом. — Может, наплюете на фотографию и старые сплетни? — предложила я. — Вдруг они любят друг друга, будут жить счастливо и умрут в один день? А все их деньги достанутся вашим внукам.

— Мне бы хотелось убедиться в чистоте его намерений.

— Убеждайтесь, я не против. — Я зевнула, де-

монстрируя легкую скуку. — Я так и не поняла, от меня-то вы чего хотели?

— Рассчитывал, что наш разговор что-то прояснит.

— И как?

— Никак, — отрезал он. — Ваше поведение ни на что не похоже.

— А вы думали, я вам душу открою?

— Вы утверждаете, что с Малаховым вас ничего не связывает? — вдруг воодушевился он.

— Что нас может связывать? Я здесь, он, как выяснилось, в Питере. Жениться собрался. Я бы тоже замуж выйти не против, да никто не берет. Странно, я ведь красавица.

Он посмотрел на меня, словно желая проверить последнее утверждение. Я широко улыбнулась.

— Вот что, — тут его вроде бы озарило. — Стас предпочитает помалкивать о том, что жил в этом городе. Так почему бы вам не встретиться? Вроде бы случайно? Интересно, как он себя поведет? Если вы сказали мне правду и вас ничто не связывает, не вижу повода с вашей стороны отказываться.

— Вы желаете при этом присутствовать?

— Само собой.

— И как вы это провернете?

— Сегодня мы вместе ужинаем, — воодушевившись еще больше, заявил он. — Я вдовец. — Я закатила глаза, а он хлопнул рукой по столу. — Да прекратите вы кривляться! Что за наказание! У меня есть женщина, дочь о ней знает, но нико-

гда ее не видела. Вы пойдете в ресторан со мной вместо нее. Как вам такая идея?

— Практически гениальная. Вы выдаете меня за свою подружку, и мы вместе наблюдаем за тем, как на это отреагирует Стас. А если он никак не отреагирует?

— По крайней мере, это его насторожит. И он начнет действовать, исходя из данной ситуации.

— Точно. Женится на вашей дочери и будет счастлив.

— Так вы идете или нет?

— Чего только не сделаешь от безделья.

— Значит, в 19.00 в «Египетских ночах». Буду ждать вас на входе. Постарайтесь не опаздывать.

— Я очень пунктуальна, — заверила я, поднимаясь с кресла.

— Постойте, — нахмурился Максим Юрьевич. — У вас есть какое-нибудь приличное платье?

Я уставилась на свои джинсы.

— По правде говоря, я думала, что это мой лучший наряд.

Он не оценил шутку.

— Моя подруга не может выглядеть оборванкой. Сейчас подойдете к секретарю...

— Не стоит тратиться, — перебила я. — Возьму платье у подруги.

— Прислать за вами машину? — сказал он мне вдогонку.

— Я подкачу в золоченой карете.

Парни, что привезли меня сюда, паслись в холле. Один там и остался, а его приятель отпра-

вился со мной. Мы устроились в машине, и он спросил:

— Домой?

— В ближайший салон красоты.

В салоне я приятно провела время, а главное, с пользой. Окрыленная комплиментами, поехала к Агатке. Сестрица была дома.

— Можно я потрясу твой гардеробчик?

Я приглядывалась к платьям, а сестрица — ко мне.

— У тебя свидание?

— Ага. Любовное.

— Правда?

— Не очень. Но надо выглядеть.

— Ты это серьезно? Действительно, свидание?

— Не доставай. Мешаешь сосредоточиться.

Ее сомнения были мне понятны. Сестрице доподлинно известно, что все эти годы я сторонилась мужиков. А они меня. Должно быть, что-то их во мне настораживало. И правильно. Впрочем, у Агатки в этом смысле дела обстояли не лучше. Мама на днях жаловалась, что внуков ей не видать.

— Надень вот это платье, — засуетилась сестрица. — Будешь выглядеть обалденно. Кто он? А где вы познакомились?

— Он — мужчина моей мечты, но пока об этом не догадывается. Если честно, у меня в этом тоже есть сомнения.

Оставив Агату гадать, что со мной происходит, я поспешила покинуть ее квартиру с двумя пакетами в руках. Заметив скамейку, плюхнулась

на нее и постаралась привести себя в чувство. Выходило плохо. Стас в городе. И сегодня я его увижу.

— Ничему дуру не научишь, — с досадой пробормотала я.

Будь я умней, послала бы Максима Юрьевича подальше и ни во что бы не лезла. Охота себе душу рвать. Но уже ясно было, что ни за какие коврижки я от приглашения не откажусь. Двадцать четыре часа назад я была уверена, что умру, дожив до старости или значительно раньше, так и не увидев Стаса. И вот он вернулся...

Увижу его, и что? Да ничего хорошего. Ничего, кроме тупой боли. К ней я давно привыкла, так что в этом смысле хуже не будет. Теперь, вспоминая свою историю, я отчетливо понимала: с самого начала Стас все прекрасно рассчитал. Это я думала, что соблазняю его, а в действительности все было наоборот. Идиотка несчастная, носилась со своей совестью столько лет, мучилась, а он появился, и теперь совесть притихла, сидит — не вякает, вроде и нет ее вовсе. Зачем тебе его видеть, ну, скажи, зачем? Примерно с полчаса я высказывалась в свой адрес, не гнушаясь крепких выражений. И пришла к выводу, что встречаться со Стасом ни в коем случае нельзя. Себе дороже. Разумеется, меня это не остановило. Отдышавшись, я побрела к дому.

Только я вошла в квартиру, как дверь комнаты Мин херца открылась, и появился Славка, вызвав у меня удивление. Я опять успела о нем забыть.

— Где ты была? — спросил он.

— В салоне красоты.

— В каком салоне? Я чуть не спятил, хотел в милицию звонить. Куда тебя увезли эти типы?

— Я забыла предупредить, что в салон красоты всегда езжу с охраной. Они подбирают разбитые сердца с асфальта. С твоим сердцем все в порядке?

Он покачал головой с досадой.

— Я серьезно. Что происходит?

— Меня пригласили в ресторан. Иногда такое случается.

— Кто пригласил?

— А ты всех в городе знаешь?

— Черт... ладно, не хочешь говорить, не надо. Жива-здорова, и слава богу. Обедать будешь? Я приготовил.

— У тебя есть скрытые дефекты? — спросила я, проходя в свою комнату, Славка плелся за мной. — По мне, так ты кладезь достоинств. С какой такой стати девушка тебе рога наставила?

— Дура она, вот и все.

— Она блондинка или брюнетка?

— Шатенка.

— Красивая?

— Какая разница? — Чувствовалось, что о девушке, некогда любимой, говорить ему совсем не хочется

— А у тебя зарплата большая была?

— Маленькая.

— А у девушки большая?

— Тоже маленькая. При чем здесь зарплата?

— На тебе рубашка за двести баксов. Хочешь выглядеть бедным парнем — носи что-нибудь попроще.

Он с недоумением уставился на свою рубашку.

— Правда, двести баксов?

— Может, и сто, если со скидкой.

— Это подарок.

— Я так и подумала. Ее подарок?

— Да.

— Часы тоже? Прости ей маленькие слабости. Она согрешила по глупости, можешь мне поверить. Если бедная девушка делает парню такие подарки, она просто спятила от любви. Как ее зовут?

— Что? А-а... Марина. Ты меня в чем-то подозреваешь?

— Точно. В злостном запудривании мозгов.

— Ладно. Про подружку я соврал. Чтобы ты меня в квартире оставила.

— Это была любовь с первого взгляда?

— А что, такого не бывает? — разозлился он.

— Хорошо, пойдем обедать, — вздохнула я.

Минут десять он ел молча, потом полез с вопросами. Я их игнорировала, потому что по большей части не слышала.

— Феня, у тебя парень есть? — додумался спросить он.

— По одному на каждой неделе.

— Я серьезно.

— Так и я не шучу.

— О чем ты сейчас размышляешь?

— О том, что кого попало в квартиру пускать не стоит.

Он стал мыть посуду, а я ушла в комнату: думала о Стасе, а Славка тосковал под дверью, не решаясь войти. В пять я начала собираться в ресторан, то и дело поглядывая на часы. Когда я вышла из комнаты, Славка в кухне читал газету.

— Я пойду с тобой, — заявил он довольно нахально.

— Тебя не приглашали.

— Значит, ты встречаешься со своим парнем?

— Догадливый.

— Врешь. Если у тебя кто-то есть, с какой стати ты разрешила мне здесь жить?

— Я об этом уже жалею. Значит, так: либо ты тут живешь и в мои дела не лезешь, либо выметаешься.

— Когда ты вернешься? — хмуро поинтересовался он.

Я как раз оказалась возле входной двери и решила, что на вопрос отвечать необязательно. Стоило поразмышлять, кого я пригрела на груди, то есть в своей квартире, но в тот момент мне было не до этого. Через полчаса я увижу Стаса.

Как и обещал, Максим Юрьевич ждал меня в холле ресторана. Повернул голову и замер с приоткрытым ртом.

— Вам платье не нравится? — спросила я. — Или остолбенели от моей красоты?

— Это вы? — недоверчиво произнес он.

— Приходите поскорее в чувство, не то наш план полетит к чертям.

— Да-да. — Озеров вздохнул и попытался улыбнуться. — Как мне вас называть? Ефимия Константиновна звучит довольно странно, учитывая, что мы... в некотором роде...

— ...любовники? Дочь не знает, как зовут вашу пассию?

— Нет. Я не говорил. Мне было неловко обсуждать мою личную жизнь с дочерью.

— Кстати, мы на «вы» или на «ты»?

— Думаю, на «ты».

— Тогда зовите Фенькой.

— Да вы с ума сошли!

— На вас не угодишь. Хорошо, зовите Королевной.

— Вы можете вести себя прилично?

— Вряд ли. К тому же мы на «ты».

Я подхватила его под руку, мы вошли в зал, и я стала шарить взглядом в поисках Стаса. Он сидел спиной ко мне довольно далеко, в конце зала. Я вдруг испугалась, что рухну в обморок. Вцепилась в Озерова, улыбка на моем лице была точно приклеенная. Между тем у меня появился повод возгордиться, мужская половина публики провожала меня заинтересованными взглядами. Но мне было не до того. А вот Озеров возгордиться был не прочь. Максим Юрьевич приосанился, с улыбкой поглядывая по сторонам.

Блондинка, сидевшая рядом со Стасом, что-то ему сказала, он повернулся. На мгновение наши взгляды встретились. Стены качнулись, но

тут же вернулись на положенное им место. В общем, на ногах я устояла, хоть это было непросто. Стас с усмешкой наблюдал наше триумфальное шествие. Когда мы наконец приблизились, он поднялся из-за стола нам навстречу. Блондинка пребывала в легком замешательстве, переводя взгляд с меня на родителя, еще не решив, стоит улыбнуться или нет. Взглянула на Стаса и едва заметно нахмурилась.

— Добрый вечер, — бодрым голосом возвестил Максим Юрьевич, пожал руку Стаса и поцеловал дочь в макушку. — Что ж, давайте знакомиться. Моя дочь Анастасия, это ее жених Станислав Игоревич, а это... это Ефимия Константиновна, можно просто Фенечка, — закончил он весело, при этом вид у него был такой, словно нас в самом деле связывает нежная дружба, проверенная годами. То ли Максим Юрьевич в душе был артист, то ли всеобщее внимание так на него подействовало, но он и сам, похоже, поверил в то, что я его любовница.

— Очень приятно, — нерешительно произнесла Анастасия, приглядываясь ко мне, — должно быть, она вовсе не ожидала увидеть девицу вроде меня подружкой родителя.

— Мне тоже, — расплылась я в улыбке. — Максим Юрьевич так много о вас рассказывал...

Озеров между тем помог мне сесть и сам устроился за столом, смотрел гоголем и вроде бы даже помолодел лет на десять. Однако у дочери это особого энтузиазма не вызвало. Стас продолжал ухмыляться, наблюдая за нами, за столом я

оказалась напротив него, он уперся взглядом в мою физиономию и заявил:

— Максим Юрьевич счастливый человек, ему можно позавидовать.

— Что вы имеете в виду? — удивилась я.

— Вашу красоту, естественно.

Настя нахмурилась еще больше и теперь смотрела на жениха с откровенным беспокойством.

— Что-нибудь заказали? — задал вопрос Максим Юрьевич; было такое впечатление, что жених здесь он. Дочь почувствовала себя явно неуютно, я улыбнулась ей максимально дружески, не очень рассчитывая на ответную дружбу.

— Мы вас ждали, — ответила Анастасия, и мы принялись изучать меню.

Не скажу, что я успокоилась, но стала соображать и наконец-то вспомнила, зачем я здесь. «Я должна предупредить Стаса», — глядя в меню, думала я. Должна? Выходит, ничему меня эти годы не научили? Врать самой себе бессмысленно. Он сидит напротив, и я могу думать только об этом, а еще боюсь, что его приезд сюда был ошибкой, раз кто-то им заинтересовался.

— Чего бы ты хотела, Фенечка? — заботливо осведомился Максим Юрьевич, положил руку на мою ладонь и, видимо, по забывчивости, не убрал ее даже после того, как официант, приняв заказ, удалился с поклоном.

После его ухода за столом возникла пауза. Озеров увлекся созерцанием моих прекрасных черт, а я ласково ему улыбалась, отвернувшись

от Стаса. Свои возможности я переоценила. Видеть его было мучительно. Он, напротив, находил ситуацию весьма забавной. Откровенно меня разглядывал и усмехался.

— Ефимия Константиновна, — заговорил Стас, — вы меня не узнали? Я когда-то работал у вашего мужа.

— Да? Должно быть, с тех пор вы здорово изменились, — ответила я.

— Неудивительно, — пожал он плечами. — Столько лет прошло.

— Ты работал у ее мужа? — насторожилась Настя. — Когда?

— Довольно давно.

— Здесь, в этом городе? Ты мне не рассказывал.

— Расскажу как-нибудь. Что ж, предлагаю выпить за встречу.

Мы выпили. Мне бы чувствовать себя победительницей, сижу в ресторане в дорогих тряпках, мужики глазеют, я женщина, у которой все в порядке и даже более того. Но вместо этого в душе был полный кавардак, тоска вперемежку с саднящим чувством близкой беды, а еще печаль, ведь я знала, что Стаса своим разудалым видом не обманула, да, если честно, особенного желания дурачить его у меня и не было. Насмешка из его глаз не исчезла, он, должно быть, прекрасно понимал, что со мной происходит, и наблюдал за этим с веселым любопытством. И мысли не допускал, что я могу разрушить его планы. Я на это и не рассчитывала. Мне хотелось его увидеть,

долгие годы хотелось, и вот он сидит напротив. Кто сказал, что сбывшаяся мечта приносит счастье или хотя бы удовлетворение? Это явно не мой случай. И все-таки, хоть я прекрасно понимала, ничего, кроме боли, его появление не принесет, во мне все вопило: он здесь, он рядом! Вот уж дура, прости господи.

Меня обуревали весьма противоречивые чувства: то мне хотелось, чтобы вечер поскорее закончился и я оказалась одна, то вдруг появлялся страх, что через пару часов мы простимся и я больше никогда его не увижу. Человека, которого я так любила... Моя любовь обернулась отвращением к себе, болью, которая не утихла с годами, разбитой жизнью, что никак не хотела склеиваться, и навязчивой, неотступной мыслью прекратить все это в один миг, сиганув вниз головой с балкона. Всякий раз меня останавливала не боязнь совершить еще один смертный грех, не чувство вины перед родителями, которым и так от меня досталось, а убежденность, что по долгам надо платить здесь и сейчас, а не трусливо прятаться в небытие. Одно утешало: Стас обещал мне когда-то, что с миллионом долларов США он будет счастлив, и вот он счастлив, по крайней мере, у меня нет повода думать иначе. Преуспевающий бизнесмен из Питера, собирающийся жениться на красивой девушке, которая смотрит на него с откровенным обожанием.

— Так, значит, вы работали у Вадима Викторовича? — с интересом спросил Озеров. — А ведь

мы с ним были знакомы. Да, занятная штука жизнь.

— Еще какая, — кивнул Стас.

— И чем, позвольте спросить, вы занимались?

— Я был у него охранником.

— Ты? — ахнула Настя.

— Да, милая. Боюсь только, мои воспоминания не порадуют Ефимию Константиновну, ее муж погиб, и в этом есть моя вина.

— Вина?

— Разумеется. Мне как раз платили за то, чтобы мой клиент здравствовал. В общем, я оказался никудышным охранником, хоть и мнил себя профессионалом. После этого случая я решил сменить профессию.

— А как он погиб, ваш муж, я имею в виду? — спросила Настя.

— Роковое стечение обстоятельств, — влез Максим Юрьевич, вновь пристроив свою ладонь на моей.

— Ваш папа имеет в виду, что один мой муж убил другого. По крайней мере, так решил суд.

— Вы были замужем дважды? — сообразила она.

— Четырежды, — покаялась я, девушка взглянула на отца с беспокойством, как видно заподозрив, что он угодил в лапы охотницы за деньгами. Родителя ее взгляд скорее порадовал. Он улыбнулся, сграбастал мою руку и с большим удовольствием запечатлел на ней поцелуй.

— Очень интересно, — пробормотала Настя.

Мысли ее были незамысловаты и вполне отчетливо читались на физиономии. Единственная дочка, избалованная богатым папой, вдруг сообразила, что отцу ничего не стоит выкинуть номер: взять да жениться. И нарожать еще наследников. Стас как будто нарочно продолжал на меня пялиться, и настроения это ей, само собой, не прибавило. В общем, не только я в тот вечер чувствовала себя сидящей на раскаленных углях. Однако чужие переживания занимали меня мало. Единственным человеком, который меня интересовал, был Стас, но его мысли для меня тайна за семью печатями, да и вряд ли бы порадовали, узнай я их.

Между тем мы выпили еще, закусили и направили беседу в безопасное русло. Вечер, можно сказать, удался. Максим Юрьевич продолжал сиять, я улыбалась, Стас ухмылялся, а Настя ерзала. От десерта все дружно отказались, Стас, как бы между делом, взглянул на часы, Максим Юрьевич, заметив этот жест, сказал:

— Что ж, наверное, нам пора. Ты у себя ночуешь? — обратился он к дочери. Она кивнула. — Отлично. В таком случае...

Максим Юрьевич подозвал официанта, далее последовала затяжная дискуссия на тему, кто оплатит семейный ужин, победил Стас, и мы наконец-то покинули ресторан.

— Вы на такси приехали? — спросил Максим Юрьевич, дочь вновь кивнула, а он предложил: — Тогда мы вас отвезем.

«Мы» Анастасию слегка покоробило, но в ма-

шину она села, Стас устроился рядом с ней, а я на переднем сиденье, радуясь, что он не видит мою физиономию.

— У дочки своя квартира в центре, — доверительно сообщил мне Озеров, заводя мотор. — Хотя по большей части квартира пустует, а теперь, скорее всего, ее и вовсе придется продать.

Через десять минут мы тормозили возле солидного дома квартир на восемь, Стас вышел, помог выйти Насте и помахал нам рукой. Сцена прощания отца с дочерью трогательной не получилась, Озеров явно спешил. Молодые скрылись в подъезде, а Максим Юрьевич лихо рванул с места в направлении, прямо противоположном моему дому.

— Не ожидала, что вы машину сами водите, — заметила я. — Я-то думала, вы всегда с охраной, с личным водителем...

— Ничего подобного. Я обычный человек, ну, может, не совсем обычный, — довольно усмехнулся он. — Есть чем гордиться, знаете ли...

— Высадите меня на углу, — попросила я. Это его озадачило.

— Может, заедем ко мне? — не очень уверенно предложил он. — Что скажете?

— Скажу, что вам пора выходить из образа.

— В каком смысле?

— В буквальном. Я не ваша подружка. К тому же у меня возникло желание немного прогуляться.

— В такое время? — удивился он.

— Странные желания для меня не редкость.

— Что ж... я охотно составлю вам компанию. Хотите, пройдемся по набережной?

— Не хочу, — буркнула я и головой покачала. — Ладно, идемте. — Стало ясно, что отделаться от него не так легко, а обижать его почем зря мне все-таки не хотелось.

С полчаса мы исправно бродили по набережной, Максим Юрьевич трогательно держал меня за руку, о чем-то размышляя.

— Я вам благодарен, — вдруг заявил он. — Знаете, после смерти жены дочь взяла за правило вести себя со мной покровительственно. Не очень приятно чувствовать себя старой развалиной, которая только и годится на то, чтобы оплачивать ее счета. Вы сделали то, чего не смогла бы моя подруга: поставили Настю на место.

— Странно, я к этому вовсе не стремилась.

— Охотно верю.

— Я думала, вы любите свою дочь.

— Больше всего на свете. Оттого меня так тревожит ее предполагаемое замужество. Вы не простудитесь? У реки довольно прохладно.

— Пора по домам, — кивнула я и поежилась в открытом платье. У меня не было возможности предупредить Стаса, но я рассчитывала, что мое неожиданное появление насторожит его, заставит вести себя осмотрительно. По крайней мере, я на это надеялась.

— Ефимия Константиновна, может быть, все-таки выпьем кофе? И спокойно все обсудим.

— Что «все»? — удивилась я.

— Как вам Стас? По-моему, он вел себя впол-

не естественно. Послушайте, вам не надо меня бояться.

Я мысленно усмехнулась, боялась я в основном саму себя, на остальных просто сил не хватало. Кончилось тем, что мы поехали к Максиму Юрьевичу, хоть я и не видела в этом никакого проку. Он жил в пригороде. Землю здесь отдали под застройку совсем недавно. Жилище Максима Юрьевича, точно бельмо на глазу, возвышалось среди недостроенных хором и свеженьких фундаментов. Дальше по улице стояло еще три жилых дома, однако до них было довольно далеко. Особняк Озерова был обнесен кованым забором с вензелями, дорожки выложены плиткой под мрамор. Общее впечатление: дворец средних размеров. Внутри все выглядело примерно так же: колонны, лепнина с позолотой, в холле вполне можно устраивать балы. «На фига одинокому мужику все это?» — озадачилась я, разглядывая чужое богатство.

— Проходите, — суетился Максим Юрьевич. — Будьте как дома.

Гостиная с неизменным камином выглядела уютно, несмотря на гигантские размеры. Я устроилась на диване, а Максим Юрьевич метнулся в кухню, в нее вел арочный проход, украшенный ангелочками. Хозяин гремел на кухне посудой и напрягал голосовые связки, чтобы я могла его услышать на приличном расстоянии.

— Насте вряд ли понравилось, как ее жених смотрел на вас, да еще сыпал комплименты ва-

шей красоте. Может, это заставит ее задуматься и убережет от поспешного решения.

— Может, — вяло ответила я.

— Что?

— Я сказала, может быть.

В этот момент со стороны кухни послышался странный звук, похоже было, что свалилось нечто мягкое, но тяжелое. Я прислушалась: никакой возни, но говорливый хозяин вдруг замолчал.

— Максим Юрьевич, — позвала я. Тишина. С минуту я ждала, потом поднялась и неохотно отправилась в кухню.

Первое, что бросилось в глаза, турка на плите. Кофе пенной шапкой поднимался над ней и потек через края. Я сделала еще шаг, и в тот же миг что-то обрушилось на мою голову с такой силой, что я мгновенно отключилась. Не знаю, сколько времени я лежала без сознания, но в какой-то момент в голове появились мысли. Первая касалась предмета, который находился под рукой, я пробовала на него опереться, а он выскальзывал. Я переместилась чуть влево и попыталась сфокусировать взгляд. Клетки. Черные и белые. Я глупо хихикнула, решив, что это шахматная доска. «Мраморный пол», — вдруг озарило меня. Я попробовала встать. Подтянула одну ногу, потом другую, приподнялась. Рядом со мной каталась по полу ваза из оникса, если это не бред, конечно. Черт, где я и что происходит? Я оперлась о ножку стола, вторично попробовала встать, стукнулась затылком о столешницу и взвыла.

Но, перед тем как вновь отключиться, успела увидеть Максима Юрьевича. Он лежал неподалеку, лицом вниз, возле головы расплылось темное пятно. Я вновь хихикнула, подумав, что это варенье, густое и темное. На мгновение я увидела Стаса, лицо его оказалось совсем рядом, и я сказала:

— Привет. Ты опять мне снишься. Не надоело тебе?

Потом я брела куда-то, натыкаясь на предметы и то и дело чертыхаясь. В себя пришла от холода, глубоко вздохнула и открыла глаза. Но тут же вновь их закрыла, потому что картинка не складывалась. Предметы терялись в тумане, при этом бешено вращались. Кто-то тряс меня за плечи и громко орал в самое ухо:

— Фенька, ты пьяная, что ли?

— Заметно? — ответила я и очень удивилась, услышав собственный голос.

— Что случилось? У тебя платье разорвано.

Я попыталась взглянуть на платье, но новая мысль вытеснила предыдущую, а вместе с тем и желание себя разглядывать.

— Ты кто? — спросила я.

— Черт, да ты в самом деле пьяная? Идем.

Меня весьма бесцеремонно подняли и потащили куда-то. Я решила, что моя многострадальная голова тряски не выдержит, но тряска, как ни странно, пошла ей на пользу. Я поднимаюсь по лестнице в своем подъезде, рядом парень, который живет в комнате Мин херца. Жаль, не помню его имени.

— Тебя как звать? — спросила я, когда мы ввалились в квартиру.

— Иди ты к черту, — ответил он.

— Ага, — сказала я. — Не помню дороги.

Я сделала шаг, меня мотнуло, пришлось опереться о стену. Яркий свет резал глаза. Жилец без имени хмуро меня разглядывал.

— Ну, я пошла, — собравшись с силами, я добралась до своей двери, парень меня поддерживал, оказавшись сердобольным, хотя, может, он просто боялся, что я его из квартиры выгоню. Я легла на диван, а он принялся осматривать мою голову.

— Где ты так приложилась? — спросил он. — У тебя на затылке здоровенная шишка.

— Катись отсюда, — посоветовала я и закрыла глаза, рассчитывая вновь отключиться. Однако не вышло. Мысли роились все назойливее, я их старательно отгоняла, разглядывая потолок. Мне удалось его неплохо изучить, прежде чем я окончательно пришла в себя. То есть теперь я доподлинно знала, что нахожусь в своей комнате, на затылке у меня шишка, которую я приобрела в доме Максима Юрьевича. Тут я и о нем вспомнила, точнее, о своем последнем видении: дядя лежит на полу, а возле его головы... Если быть точной, это было предпоследнее видение, последним был Стас. Вот тут мне стало по-настоящему плохо.

— У тебя разорвано платье, — вновь услышала я голос новоявленного соседа и вспомнила, что зовут его Славка. Хотя в данный момент это

меньше всего меня интересовало. — Ты можешь объяснить, что случилось?

— Не могу, — ответила я, и это было чистой правдой, но он, конечно, не поверил.

— Тебя собаки охраняли, — продолжал он. — Два здоровенных пса. А если бы не они? Ты хоть понимаешь... сидит ночью во дворе в разорванном платье и лыка не вяжет. — Он наклонился ко мне, и совсем рядом я увидела его глаза. Испуганные. — Фенька, выпивкой от тебя не пахнет. Что произошло? Тебя кто-то ударил? Надо вызвать «Скорую» и милицию.

— Только попробуй, — пригрозила я. С трудом поднялась и побрела в ванную, Славка плелся за мной. Как была, в платье, точнее, в том, что от него осталось, я встала под душ, сунула голову под холодную воду. Максим Юрьевич пошел в кухню, а потом... потом я увидела его на полу в луже крови. Мог он, к примеру, поскользнуться и разбить голову? Возможно, я бы и поверила в это, если бы сама не схлопотала по башке. Значит, кто-то ему помог. А потом и мне. Стас... я видела Стаса. В самом деле видела? Ваза под моей рукой, тяжелая ваза из оникса... разорванное платье и, вполне возможно, труп. А я, вместо того чтобы вызвать милицию, сматываюсь из чужого дома. Сматываюсь? Могла я сама покинуть дом Максима Юрьевича, да еще добраться до родного подъезда? На вазе остались отпечатки моих пальцев. Если его ударили вазой... А вдруг это галлюцинации? Вряд ли. Значит, в доме труп. Мне надо вызвать милицию. Поверят они в

мой рассказ? Не это сейчас главное, я должна туда вернуться. Я тряхнула головой и протянула руку за полотенцем. Славка подскочил, выключил воду, стал осторожно вытирать мне волосы.

— У тебя неприятности? — спросила я.

— У меня? — разозлился он.

— Если неприятности, то сваливай. Потому что у меня их, похоже, воз и маленькая тележка.

— Расскажи мне о своих неприятностях, — предложил он.

— С какой стати? У тебя есть свои, иначе чего ради ты сидишь в моей квартире?

Я сбросила платье и вернулась в комнату, трясущимися руками натянула джинсы и футболку.

— Куда ты? — забеспокоился Славка.

— Прокачусь в одно место.

— С ума сошла. Тебе надо к врачу.

Не слушая его, я сунула ноги в кроссовки.

— Который час? — спросила, оглядываясь.

— Без четверти два.

К Максиму Юрьевичу мы приехали часов в двенадцать. От его дома до моего пешком не меньше часа, а учитывая мое состояние... Могла я остановить машину? Черт, ничего не помню. Я вдруг подумала о муже-летчике и усмехнулась. Стас, там был Стас. Точно был? Я должна вернуться.

— Вызови такси, — попросила я Славку.

— Куда ты собралась? Объясни, в чем дело, пока я не спятил...

Мы стояли и смотрели друг на друга.

— Вполне возможно, что я огрела одного дядю вазой. Хочу проверить.

— Что? — Он таращился на меня в полном обалдении, я ему даже посочувствовала. — Он что, приставал к тебе?

— Да вроде нет. Но вазой все равно получил. Хотя, может, мне повезет, и это просто глюки. — В последнее я верила мало. — Мне надо вернуться...

— Я поеду с тобой, — сказал Славка. — Ты поняла?

— Я очень понятливая девушка, только не сегодня.

Я выпила воды из-под крана, плюхнулась в кресло. Странное дело, соображала я неплохо, только вот очень хотелось выть от этих самых соображений. Я должна вернуться, убедиться в том, что мои видения вовсе не галлюцинации.

— Говори, куда ехать? — тормошил меня Славка. — Ты подождешь здесь.

— Спятил, да?

— Это ты спятила. Такси не годится. Попробую раздобыть машину.

— Как это — раздобыть?

— Не твое дело. Скажи мне адрес. Ты слышишь меня?

— Машина во дворе, — со вздохом произнесла я. — Темно-синяя «Ауди».

— Чья машина? — не понял он.

— Моя, естественно. Ключи в тумбочке. Если повезет и ты их найдешь...

Я прекрасно понимала, что не смогу вести машину в таком состоянии. А впутывать Славку

не хотелось, но уже ясно было, что придется. Парень рвался к подвигам. Нашел ключи от машины и помог мне подняться.

— Идти сможешь?

Я кивнула. «Ауди», некогда подаренная мне Вадимом, стояла в дальнем конце двора. Я ею пользовалась редко. Иногда ее брала Агата, «проветрить», как любила она выражаться, чтобы колеса не вросли в землю.

Славка занял водительское кресло, завел мотор, что вызвало у меня удивление. Я-то думала, придется помучиться.

— Куда ехать? — спросил он. Я объяснила. — Скажи толком, что произошло? — тут же начал он. — Сижу, жду тебя, беспокоюсь...

— С чего вдруг?

— С того. Выглянул в окно в очередной раз, а ты устроилась на скамейке, и две псины рядом. Я подумал, что ты просто решила воздухом подышать, пока не сообразил, что сидишь ты как-то странно.

— Насчет возможного трупа я не шутила, — усмехнулась я.

— Уже понял.

— Тогда какого хрена лезешь не в свое дело?

— Ты объяснишь, в конце концов, что случилось?

— Для начала я хочу убедиться, что это случилось в действительности, а не привиделось мне.

Он заткнулся, что порадовало. Мы уже свернули на улицу, где жил Максим Юрьевич, когда Славка вновь спросил:

— Куда теперь?

— Вон тот дом, — ткнула я пальцем. Он притормозил.

— Может, не стоит туда соваться?

— Тебе точно не стоит.

Он чертыхнулся сквозь зубы, свернул и оставил машину неподалеку от лесопарка. Отсюда до озеровского особняка было довольно далеко.

— Ты была в этом доме? — произнес он настойчиво. — Его хозяин — твой любовник?

— Мы же договорились повременить с вопросами.

— Ни о чем я с тобой не договаривался. Немедленно, слышишь, немедленно объясни, что произошло.

— Пожалуйста. Я ужинала с типом по имени Максим Юрьевич. Он пригласил меня к себе. Как радушный хозяин, он намеревался угостить меня кофе, ушел в кухню, а я осталась в гостиной. Потосковала немного и решила отправиться к нему. Вошла в кухню и отключилась, а когда пришла в себя, увидела, что он лежит на полу в луже крови. Под рукой у меня была ваза, тяжелая. Я перепугалась и сбежала. Больше вопросов не задавай, я все равно ничего не помню.

— Что значит «отключилась»? — не вняв моему совету, спросил он. — Тебя ударили по голове...

— Может, и ударили, вот только кто, если в доме мы были вдвоем?

— А не могло быть так: он стал к тебе приставать, ты сопротивлялась и...

— Хорошая версия, ментам понравится.

— Ты понимаешь... понимаешь, — он собрался с силами, — что можешь сесть в тюрьму?

— Хотя такая перспектива мне и не нравится, но это было бы справедливо. Ладно, я пошла, а ты уезжай. Если все так, как я думаю, вызову милицию, а если нет... доберусь на такси. В любом случае ты мне без надобности. Спасибо за помощь.

— Одну я тебя не отпущу, пойдем вместе, — заявил он. Я решила, что он не в себе, однако, судя по его пылающей гневом физиономии, в бессознательном состоянии он все-таки не был.

— Зачем? — терпеливо спросила я.

— Затем, — огрызнулся он.

Он вышел из машины, и мне пришлось сделать то же самое. Через несколько минут мы стояли у калитки. Она была закрыта, но не заперта. Так же как входная дверь. Меня это ничуть не удивило.

— Видеокамер нет, — хмуро сообщил Славка.

Я толкнула дверь и первой вошла в холл. Он тонул в темноте. Кухонные окна выходили в сад, увидеть их с улицы было невозможно, но теперь стало ясно: свет в кухне тоже не горит. Могла я его выключить? Допустить можно что угодно, но я в это не верила, так же как и в то, что я была способна самостоятельно выбраться отсюда.

Славка вслед за мной заглянул в кухню. Здесь было куда светлее, чем в холле. По крайней мере, я убедилась, не включая свет, что на полу трупа нет, то есть вообще ничего нет. Ваза стояла на столе. Я присвистнула.

— Что скажешь? — перешел на шепот Славка, нащупывая выключатель. Вспыхнул свет, заставив меня на мгновение зажмуриться. Ни трупов, ни пятен крови, ни турки на плите, ни следов кофе там же. — Ты точно его видела? — задал очередной вопрос Славка и вздохнул с заметным облегчением.

— Теперь я ни в чем не уверена. Могла бы решить, что меня глючило, если бы не открытая дверь.

— Стой здесь, я пройдусь по дому.

— Это чужой дом, — напомнила я, но ему было на это наплевать.

Привалившись к стене, я гадала в ожидании Славки, что за хрень происходит. Труп вроде бы был, а теперь его вроде нет. Если Озерова убили и намеревались подставить меня, тогда здесь уже давно должна быть милиция. Я лежала бы бездыханная, в разорванном платье рядом с трупом, а под рукой тяжелая ваза. Знакомый сюжетец. Папа у меня, конечно, прокурор, но в дерьме я бы оказалась по самые уши. Превышение необходимой самообороны как минимум. Допустим, я отстаивала свою честь и все такое, но девушке, которая так печется о своей чести, не следовало ехать ночью к одинокому мужику. А если никакого трупа не было? Дядька очухался и побрел в спальню, забыв запереть дверь. Когда мы здесь появились, он ее точно запер, а вот дом с охраны не снимал. А в таком особняке сигнализация просто обязана быть. Значит, вечером он по ка-

кой-то причине дом на охрану не ставил. И кто-то этим воспользовался.

— Пусто, — произнес Славка за моей спиной. — Я заглянул в гараж, машины тоже нет. Может, он в больницу уехал?

— Проще было вызвать врача.

— Это точно. Давай отсюда сматываться.

На входной двери был английский замок, выходя, Славка его захлопнул.

— Зачем? — прошипела я.

— Затем, чтобы дом не ограбили, — огрызнулся он. Мы быстро вернулись к машине. — Значит, так, — заговорил Славка. — Никакого трупа нет. И не было.

— А если он вдруг появится в другом месте? — усмехнулась я.

— Тогда тебя не было в этом доме.

— Врать нехорошо и опасно.

— Согласен. Но другого выхода я не вижу. Озеров привез тебя после ресторана к себе, вы выпили кофе, а потом он, как джентльмен, проводил тебя домой, то есть отвез на машине. Я скажу, что ждал тебя возле окна и видел, как вы подъехали. Что у него за машина?

— Скажи-ка, мой верный рыцарь, разве я называла его фамилию?

— Конечно, — глазом не моргнув, ответил Славка. — Откуда же я ее знаю?

— Ты не поверишь, но я ее тоже не знала, — соврала я.

— Прекрати, — разозлился он.

— А ты занятный парень, — сказала я.

До утра я лежала на диване, изучая потолок. Белый свет внезапно мне опротивел, впрочем, и до того наши отношения с ним не особо складывались. Славка из комнаты Мин херца переместился в мою, одно хорошо — помалкивал. Мне очень не хотелось думать об отце, еще меньше — о маме. Но пришлось.

В девять я поднялась, натянула чистую футболку и обулась.

— Ты куда? — насторожился Славка.

— Сдаваться.

— С ума сошла?

— Когда не знаешь, как поступить, следует поступать как положено. Если видишь труп, надо вызывать милицию.

— Ничего ты не видела. В доме никого не было. Да что за черт...

— Если труп исчез из дома, он появится в другом месте. Возражения не принимаются. Привет.

— Я пойду с тобой.

— Не советую. Налицо преступный сговор. Как несостоявшийся юрист, могу тебе сообщить: справедливое наказание это лишь увеличивает.

— Не болтай глупостей, ты никого не убивала. И вообще...

Дослушивать я не стала и направилась к двери. Славка последовал за мной.

— Отвяжись, а? — дружески предложила я. Он не внял, зато прихватил ключи от машины.

Родителей нужно предупредить, но ехать к отцу желания не было, для начала обойдемся сест-

рицей. Сегодня суббота, и я рассчитывала застать ее дома. Замуж Агатка так и не вышла, характер ее с годами заметно испортился, хоть она с этим и не соглашалась. Я представила, что меня ждет, и поежилась.

— Куда мы едем? — по дороге спросил Славка. Я объяснила. Узнав, что моя сестра адвокат, он заметно успокоился. К Агате я отправилась одна, Славка ждал в машине, хоть и рвался идти вместе со мной.

Агатку я вытащила из постели, чему она вовсе не обрадовалась.

— Проходи, — буркнула сердито, посмотрела на меня с недоумением и спросила: — Что случилось?

Я не стала тянуть резину и все ей выложила. Про ужин с Озеровым, продолжение банкета в его доме, предполагаемый труп и шишку на моей голове. О том, что дом через пару часов оказался пуст, тоже сообщила. Умолчала лишь о Стасе, который внезапно вернулся в наш город.

Сестрица выслушала меня молча, устремив взор куда-то в угол. А когда я заткнулась, произнесла:

— Папе придется отправиться на пенсию. Вот уж он обрадуется. — И добавила: — Полный звездец. — Отучить ее от крепких выражений было не под силу даже маме.

— Согласна, — кивнула я. — Но что есть, то есть.

— Куда же труп исчез, если он был? — покачала она головой. — Ты сколько вчера выпила?

— Немного.

— Черт-те что. Дай посмотрю твою голову. — Шишку она прощупала и осталась недовольна, видимо, всерьез поверив в галлюцинации на почве алкоголя. — Поехали в травмпункт, — заявила она.

— Вообще-то я собиралась в милицию.

— Это подождет. Вдруг твой Максим Юрьевич жив, не придется тогда отцу свинью подкладывать.

— Для адвоката ты ведешь себя очень странно, — заметила я.

— Просто пытаюсь вытащить тебя из дерьма, как раз для этого и нужны адвокаты. Твои видения вряд ли заинтересуют ментов, по крайней мере, пока нет трупа. А вот то, что у тебя шишка на голове, должно быть зафиксировано, иначе как мы докажем...

— А если это я его огрела?

— Да? С какой стати? Если труп имеет место, то, скорее всего, было так: убийца поджидал в доме, возможно, он не сразу понял, что хозяин вернулся не один. Стукнул его по голове, а тут и ты появилась. Он тебя ударил, разорвал платье, пытаясь представить дело так, что вы с Озеровым поссорились и тебе ваза под руку подвернулась... Но потом решил, что это не годится. Вывез труп и твое бесчувственное тело.

— Вопрос — зачем?

— Что, если он тебя узнал? И сообразил, что выбрал на роль козла отпущения неподходящего человека? Может такое быть?

— Мои портреты развешаны по городу?

— Надеюсь, что нет. Но... какая ни есть, а это зацепка. Выходит, вы где-то когда-то встречались.

«Еще бы», — мысленно вздохнула я. Стасу, если это был он, ни к чему возиться с трупом и бесчувственным телом. Вот только зачем ему убивать Озерова, если он и так получит его деньги вместе с дочерью? Получит, но не сразу. Пришлось бы долго ждать, когда тесть отойдет в мир иной. А тот мог отколоть номер и сам жениться. И даже нарожать еще наследников. Но у Стаса есть деньги, зачем ему рисковать? Предположим, своих денег ему мало. Он всегда мечтал о суммах со множеством нулей, может, его аппетиты увеличились...

Агата строила предположения, а я кивала. В конце концов мне это надоело, и я напомнила ей о том, что время идет и ментам мое поведение очень не понравится, если труп все-таки имеет место быть.

— В милицию пойдешь в понедельник, если... если твой Озеров не объявится раньше. А сейчас в травмпункт. Поехали.

Пришлось сообщить, что приехала я не одна.

— А с кем? — нахмурилась сестрица.

— С новым жильцом. Он снимает комнату Мин херца.

— Какой-нибудь алкаш?

— Не похож.

— А на кого он похож?

— Черт его знает.

— Кстати, откуда вообще взялся этот Озеров? Где ты его подцепила?

Это был тот самый вопрос, на который мне меньше всего хотелось отвечать. По крайней мере, правду. Узнай Агатка о том, что Стас вернулся, и происходящее она начнет воспринимать в ином свете. Само собой, рано или поздно она об этом узнает. Но я трусливо рассудила: лучше, если это произойдет не сейчас.

— Он был знаком с Вадимом. Мы встретились случайно, и он пригласил меня в ресторан.

— Где встретились? На улице? — усмехнулась Агата.

— Ага. Я метлой махала, а он ехал мимо.

Сестра сверлила меня взглядом, прикидывая: могло ли такое быть? Видимо, решила, что со мной что угодно могло произойти, и кивнула, вызвав у меня вздох облегчения. Она собралась за пять минут. И мы вместе покинули квартиру.

— Запомни, — наставляла меня Агата, — в дом Озерова ты не возвращалась. Тебе шваркнули по башке, а очнулась ты на родной скамейке. И все. Все. Ты поняла?

— Поняла, но с советами ты опоздала. Славка вместе со мной ездил к Озерову.

— Спятила! — рявкнула Агата. Так, что стены вроде бы качнулись.

— Меня оправдывает то, что я была практически без сознания.

— По мне, так это обычное твое состояние. Господи, что ты мне за сестру послал... — Ей

пришлось заткнуться, потому что мы вышли из подъезда.

Увидев Славку, Агата сурово нахмурилась, молчала всю дорогу до больницы, а когда мы вошли в травмпункт, зашипела:

— Что ты мне голову морочишь? Такому парню нечего делать в коммуналке.

— Я того же мнения, но у него есть свое. Вообще-то он повздорил с подружкой и покинул ее налегке. Очухается, найдет себе что-нибудь получше.

— Подружку или квартиру?

— Надеюсь, и то и другое.

— Мне это не нравится, — заявила Агата. Ничего удивительного. Мне происходящее нравилось еще меньше. Надо сказать, когда сестра села в машину, буркнув «здравствуйте», Славка поначалу слегка запаниковал, как большинство парней при виде моей сестрицы, но потом успокоился, видимо, убедив себя, что я в надежных руках. В травмпункт он собирался идти с нами, но Агатка буркнула:

— Жди здесь. — И он остался ждать.

Врач констатировал у меня шишку и заподозрил сотрясение мозга. Все это занесли в мою карточку. Агатка принялась задавать вопросы, что я могу помнить после удара, а чего нет, и довела доктора до тихого бешенства. Он, в свою очередь, попытался выяснить, что произошло, но не преуспел.

Оказавшись в машине, сестрица начала сверлить Славку взглядом и задала вопрос:

— Ты был в доме Озерова?

— Да, — кивнул он.

— И что видел?

— Ничего. То есть дом, конечно, видел. Дверь была не заперта, и мы смогли войти.

— Сестра у меня с придурью, иногда такого наплетет. А после того, как она где-то башкой приложилась, от нее и вовсе можно ждать чего угодно.

— Что сказал врач? — с беспокойством спросил Славка.

— Жить буду, — хмыкнула я.

Мы отправились в мою коммуналку. Лишь только вошли в квартиру, Агатка взялась за Славку:

— Ты увидел Феньку в окно, я правильно поняла?

— Да, правильно. Я ждал ее, беспокоился...

— И какова причина твоего беспокойства? — нахмурилась сестрица.

— Я не знал, где она.

— Понимаю, нормальный сосед от окна не отойдет, если не знает, где соседка.

— Послушайте, Феня мне нравится. Очень нравится. Она не сказала, куда ушла, и я...

— И ты торчал у окна.

— Торчал. Увидел Феню. До этого слышал, как подъехала машина... — Он все-таки смутился, чем меня порадовал.

— Точно слышал или не уверен? — съязвила Агатка.

— Уверен. Я даже уверен, что видел машину

Озерова. И готов это подтвердить, — разозлился Славка.

По мне, так Агатку должна насторожить подобная готовность. Славка был согласен подтвердить все что угодно и с еще большим энтузиазмом был готов обо всем молчать. Потратив на вопросы никак не меньше часа, сестрица скомандовала ему:

— Выйди из комнаты.

Славка удалился. Агатка устроилась рядом со мной на диване, разглядывая свои руки с таким видом, словно размышляя, пора делать маникюр или это подождет.

— Говоришь, этот тип снимает комнату Мин херца? Давно он здесь?

— Со вчерашнего дня, — пожала я плечами. Тут выяснилось, что мысли наши насчет Славки текут в одном направлении.

— А комнату он нашел по объявлению?

— Это я его нашла. На улице. — Пришлось все рассказать. Я ожидала, что стены вновь качнет от грозного рыка сестрицы, но она, против обыкновения, помалкивала.

— У тебя нет ощущения дежавю? — тихо произнесла она. Мой ответ ей не требовался. Агата права, то, что произошло в доме Озерова, здорово напоминает убийство Вадима. Она смотрела на меня, и я отвела взгляд. — Кому это надо? — спросила она.

В самом деле, кому? На первый взгляд чепуха получается. Предположим, кто-то затеял все это с намерением меня подставить. Человек этот яв-

ный псих, раз решился на убийство. Хотя, пока нет трупа, об убийстве говорить рано. Вопрос, кому нужно меня подставлять?

— Ты с Димкой так и не встречалась? — вновь спросила сестрица. Что ж, логично, хотя кандидатура так себе. Однако кто-то же прислал Озерову фотографию. Само собой, первым на ум приходит Димка. Он узнал о появлении Стаса и решил испортить тому игру. С какой стати? Догадывается о его роли в убийстве отца? Особой любви между сыном и Вадимом не было, Димка даже на его похороны не явился. Вряд ли через столько лет он спятил и решил со мной поквитаться. Сестра не знает о Стасе, вот глупые мысли и лезут ей в голову. Сказать ей? Нет. Вдруг Стаса не было в доме и мне все привиделось? Я думала о нем, вот в бреду и решила, что он рядом. — Чего ты молчишь?

— Думаю. Для того чтобы убить человека, нужен мотив. Я его не вижу.

— Слава богу, об убийстве пока еще и речи нет, — нахмурилась Агатка. — Ты хоть фамилию его знаешь?

— Славкину? Нет.

— Черт-те что. Он появляется в твоей квартире, а вслед за ним и неприятности.

— Ты же слышала, он готов подтвердить что угодно, — пожала я плечами. — Грех подозревать такого парня.

— Как бы его помощь боком тебе не вышла. Менты поймают его на вранье, и тогда пиши пропало. Может, оттого он так и старается?

— Может. Вопрос, зачем ему это?

— Когда ты уехала в ресторан, он вполне мог последовать за тобой. И в дом Озерова тоже. А теперь рассказывает байку о том, что ждал тебя в квартире.

— Если честно, представить Славку, бьющего дядю по башке вазой, мне трудно. Да и зачем ему в таком случае везти меня сюда и прятать труп?

— А если была причина?

— Лично мне ничего на ум не приходит. А тебе?

Агата пожала плечами:

— Ладно, будем ждать развития событий. А что это за тип, я выясню. Спросить у него документы вполне естественно.

— Допустим, он скажет, что их нет, — усмехнулась я. — Мол, оставил у любимой девушки.

— А если есть, то вполне могут быть и не его, — в тон мне заметила Агатка.

— Не увлекайся. Если наши подозрения верны, что ему мешало смыться? Вместо этого он носится с нами по городу, привлекая к себе ненужное внимание, — сказала я, думая в тот момент о Стасе. Конечно, появление Славки в самом деле выглядело подозрительно, и проследить он за мной мог, и даже Озерова по башке ударить, а его стремление меня выгородить и вовсе ни в какие ворота не лезет, но... все наши домыслы ничего не стоили, пока не было ответа на главный вопрос: зачем? Ко всему прочему, думать о Славке как о коварном и хитроумном противнике мне не хотелось. Есть люди, которые сразу вызывают доверие. Славка был из таких.

В этом смысле прежний опыт тоже ничему меня не научил.

Я пристроилась на диване и закрыла глаза, намекая тем самым сестре, что более гадать не намерена. Агатка сидела рядом и время от времени вздыхала.

— Шла бы ты домой, — не выдержала я.

— Ага, — сердито усмехнулась она.

— Что толку от твоего сидения здесь.

Потомившись немного, она сказала:

— Попробую что-нибудь узнать об этом Озерове.

— Попробуй.

Агатка отправилась восвояси, и тут же в комнате появился Славка.

— Что вы решили? — спросил он с тревогой.

— Будем ждать развития событий, — пожала я плечами. — Кстати, сестрица интересуется, есть ли у тебя документы?

— Сестрица?

— Я бы тоже не прочь на них взглянуть.

Славка кивнул и удалился, через минуту вернулся с паспортом. Фамилия его мне ничего не сказала, так же как и дата рождения, прописка и все остальное.

— Есть еще водительское удостоверение, — произнес он, наблюдая, как я развлекаюсь с его паспортом.

— Обойдусь.

— Феня, ты не могла самостоятельно добраться до дома, — подумав, сказал он.

— Допустим, меня подобрал сердобольный водитель.

— Тогда выходит, что тебя кто-то видел неподалеку от дома Озерова.

— Выходит. А значит, байка о том, что Озеров сам привез меня сюда, не прокатит. Оно и хорошо, врать тебе ни к чему. Зачем брать грех на душу?

— Ты не могла сама покинуть его особняк, — настойчиво повторил он. — Кто-то тебе помог. Кто-то еще был в доме? — последнюю фразу он произнес совсем тихо.

— Если только предполагаемый убийца.

— Мне кажется, ты чего-то недоговариваешь. Нет, я в этом почти уверен.

— Да? А вот я ни в чем не уверена. Отвяжись, и без тебя голова пухнет.

Он замолчал, и это было уже хорошо.

В воскресенье пришла скорбная весть: в вечерних новостях передали, что в двух километрах от города в лесополосе найден труп господина Озерова. Труп находился в его машине. Скончался бизнесмен от удара тупым предметом в затылок. Выслушав все это, я невесело усмехнулась. Если предположить, что я могла самостоятельно добраться до своего дома, то вполне способна была преодолеть два километра на машине. Почему нет? Затолкать здоровенного дядю в тачку для девушки моей комплекции задача непосильная, но чего на свете не бывает! Я хотела позвонить сестре, но потом рассудила, что новость до утра подождет, если Агата телевизор проигнорировала.

В понедельник в семь утра появилась Агатка. Мы со Славкой пили чай в кухне, он гадал на кофейной гуще, кому и с какой стати понадобилось убивать Озерова, а я выжидала время, когда можно будет отправиться в милицию. С появлением сестры с милицией пришлось повременить.

— Ну, вот и труп объявился, — приветствовала ее я.

— Чего ты зубы скалишь, дура! — рявкнула Агатка. — Марш в больницу. И усвой: ты отказалась от госпитализации, надеясь отлежаться дома, но за эти два дня тебе стало хуже. Ты не помнишь, что произошло в доме Озерова. Об убийстве ничего не слышала, вот и не сообщила в милицию.

— Ты не слишком усердствуешь во спасение близкой родственницы? — съязвила я.

— И не мечтай. Я думаю об отце. Он такого счастья не заслужил.

Тут Славка обрел голос, оказывается, извилины все эти дни он напрягал не зря и много чего успел надумать.

— Агата Константиновна, Феня не видела, кто ее ударил по голове. Озеров был в кухне, она вошла, а дальше удар и провал в памяти. Очнулась она возле своего дома, да еще в порванном платье. С ее стороны логично было предположить, что Озеров... — он все-таки слегка поперхнулся, — Озеров воспользовался ее беспомощностью...

— То есть это он мне по башке дал? — изумилась я.

— Заткнись, тебя не спрашивают! — прикрикнула сестрица и кивнула Славке, чтобы тот продолжал.

— Но ведь ничего не мешало ей так подумать, — развел он руками. — Она решила промолчать об этом, потому что женщине рассказывать о таких вещах всегда неприятно.

— Будем фиксировать факт изнасилования? — спросила я серьезно.

Агатка сцепила зубы, но с эмоциями быстро справилась.

— Не будем. Мысль неплохая, — сказала она Славке. — Озеров человек в городе известный, да и нашу дуру не на помойке нашли, скандал обоим без надобности. Прокатит, — удовлетворенно кивнула она, видимо, успев забыть о своих подозрениях в отношении нового жильца.

— Не худо бы еще убийцу найти, — подсказала я.

— Надеюсь, что найдут. Иначе... — Она свою мысль не закончила и вздохнула, а я с тоской подумала, что очень скоро она узнает о Стасе. Тогда моя невиновность покажется сестре весьма проблематичной. В общем, я отправилась в больницу.

Меня встретили там с распростертыми объятиями и стараниями Агатки определили в отдельную палату. Я бы предпочла общую, чтобы отвлечься на разговоры и не изводить себя чер-

ными мыслями, но моего желания никто не спросил.

Через полчаса после моего водворения в палату появился Славка. Взял стул и уселся возле окна.

— Ты не хочешь поискать работу? — спросила я. — А заодно и жилье?

— Не хочу, — ответил он.

— Что так?

— Я тебя не понимаю, — помолчав, вздохнул он.

— У меня что, проблемы с речью на почве сотрясения мозга?

— Фенька, ты ведешь себя странно. Чего ты скрываешь? Ты видела кого-то в доме?

— Только труп. И то в тумане. А что касается странностей, твое поведение тоже нормальным не назовешь.

— Ты помогла мне, теперь я пытаюсь помочь тебе.

— Чересчур стараешься.

Он собрался что-то ответить, но тут в палате возникли мои мама и папа, и Славке пришлось удалиться. Мама так на него взглянула, что дверь он закрыл с большой поспешностью. Я-то надеялась, что Агатка все уже рассказала родителям, но, судя по папиному поведению, он пребывал в неведении.

— Что случилось, дочка? — заботливо спросил он и сжал мою руку. Мне захотелось провалиться сквозь землю вместе с кроватью.

— Кто этот тип? — кивнув на дверь, строго спросила мама.

— Сосед.

— Сосед? И чего он сидит здесь с видом побитой собаки? Ты тут случайно не благодаря ему оказалась?

— Августа, — нахмурился папа.

— Моя дочь лежит с сотрясением мозга, а ее сестра что-то мямлит про несчастный случай. Ты подцепила очередного прохвоста, и он распускает руки?

— Августа...

— Не смей врать матери и немедленно все выкладывай.

Я заревела от жалости к маме. Она еще не знает, что ей предстоит услышать, а я знала это очень хорошо. Желание провалиться сквозь землю только увеличилось.

— Я этого подлеца в тюрьме сгною, — топнула ногой мама и поспешила заключить меня в объятия. — Бедная моя девочка.

«Бедная девочка» собралась с силами и выдала свою историю. Мама побледнела, глаза ее приобрели страдальческое выражение. Папа сурово хмурился.

— Н-да, — только и смог произнести он.

— Это происки твоих врагов, — взвилась мама. — Все нарочно подстроено.

— Прекрати! — рявкнул папа, мама от неожиданности вздрогнула и вроде бы язык проглотила. — Озерова вчера нашли убитым, — сказал отец. — Ты об этом знала? — Я отрицательно по-

качала головой. Ложь молчаливая все равно ложь, но лгать так намного легче. — Если выяснится, что его убили в доме, а не в машине... — Папа вздохнул и закончил совершенно неожиданно: — Это чудо, что ты осталась жива.

— О господи, — пролепетала мама, забыв в тот момент и о возможном скандале, и об отцовском уходе на пенсию, становившемся весьма вероятным.

— Сейчас главное — твое здоровье, — похлопав меня по руке, сказал папа и добавил: — Я люблю тебя.

Только они ушли, как тут же появился Славка.

— Это твой отец? — почему-то шепотом спросил он.

— Ага. Говорят, я на него похожа.

— Это ведь... это ведь Завьялов?

— У него фамилия на физиономии написана? Скажи мне, мой таинственный друг, кто ты?

— Ты же видела паспорт. Я — Смирнов Вячеслав Александрович, — серьезно ответил он.

— Смирнов, и все?

— В другое время я бы с удовольствием рассказал тебе свою биографию, но сейчас у меня не о том голова болит.

— Теперь голова болит у моего папы, так что своей можешь дать отдых.

— Знаешь, ты очень нахальная девица. Уверена, что отец тебя отмажет? — разозлился он.

— А ты не уверен? Катись из моей квартиры и моей жизни. В ней и без тебя полно придурков.

Он так сцепил челюсти, что запросто мог сло-

мать зуб, и даже не один. Вышел из палаты и хлопнул дверью, забыв, что мы в больнице. А я вздохнула с облегчением и стала ждать появления следователя. Но он не явился ни в тот день, ни на следующий. Папа с мамой заходили, но на мой вопрос неизменно отвечали: сейчас главное — мое здоровье. Я лежала, ухмылялась и думала о своем здоровье. О Стасе, конечно, тоже.

В среду утром, сразу после обхода, в палате появился Славка. Молча прошел и устроился на стуле, отвернувшись к окну. Можно было поинтересоваться, что он здесь забыл, но я предпочла его не замечать. Я лежала, прикидывая, на сколько хватит его терпения, а он молчал, должно быть, испытывая мое. Кто бы из нас вышел победителем, сказать затрудняюсь, потому что в дверь постучали, а вслед за этим в палату робко заглянула девушка. Длинные светлые волосы, очаровательный носик и голубые глаза с длинными ресницами. Настя Озерова. Она вошла и, прикрыв дверь, привалилась к ней спиной, вздохнула. И только после этого заметила Славку. Его присутствие почему-то ее напугало.

— Вы из милиции? — неуверенно обратилась она к нему.

— А вы кто? — вопросом на вопрос ответил он.

— Нам надо поговорить, — повернувшись ко мне, произнесла она.

— У Ефимии Константиновны сотрясение мозга, ей нужен покой, — отрезал он.

— Мне никто ничего не говорит. — Настя

вдруг заплакала, размазывая слезы ладошкой. — Мой отец погиб. Вы знаете?

— Теперь да, — ответила я. — Вряд ли вам пришла охота так шутить.

Девушка вздохнула в который раз, достала бумажный носовой платок из пачки и стала комкать его в руке.

— Почему вы в больнице? — спросила она тихо.

— Потому что у меня сотрясение мозга.

Настя поискала глазами место, где могла бы сесть. Такового не нашлось. Славка с большой неохотой уступил ей стул.

— Когда я узнала об отце, — устроившись возле окна, начала Настя, — я подумала, что должна сообщить вам. Скорее всего, в ежедневнике отца был ваш номер, но я была в таком состоянии... Проще было обратиться к его другу. И он дал мне номер телефона Карасевой Надежды Петровны. Она сразу же приехала. Ей лет сорок, она работает в его фирме и совсем не красавица. Они вместе уже несколько лет, с тех самых пор, как умерла мама. — Настя замолчала, слезы на ее щеках высохли, остались разводы от туши. — Зачем отцу понадобилось врать? — глядя на меня своими небесно-голубыми глазами, спросила она.

— Разве у него не могло быть еще подруги? — пожала я плечами.

— О которой никто ничего не знает? Я говорила с начальником охраны отцовской фирмы. Он сказал, что в пятницу отец отправлял двоих

сотрудников за какой-то девушкой. Я узнала адрес и поехала к вам. Но дома вас не оказалось.

— Вы об этом следователю рассказали? — спросила я.

— Нет, — покачала она головой.

— Почему?

— Сначала мне нужно было поговорить с вами. Я хочу знать... почему он это сделал?

— Ваш отец?

— Да. Вчера я опять была у вас, а сегодня решила обзвонить все больницы. Если вас нет дома, а мой отец погиб, это логично, верно?

— Логично обзвонить морги.

— Я так и сделала, — кивнула она.

— Проще было обратиться к следователю, меня бы нашли куда быстрее.

Она задумалась, потом кивнула.

— Это как-то связано с моим мужем? — спросила она робко.

— Мужем? — не сдержалась я.

— Да. Стас мой муж. Мы расписались еще в Питере. Отцу я ничего не сказала, ему бы не понравилось, что я вышла замуж, не посоветовавшись с ним.

— Будь добр, погуляй в коридоре, — повернулась я к Славке.

— И не подумаю.

— Тогда отсюда уберемся мы.

Он весьма неохотно покинул палату.

— Зачем отцу понадобился этот спектакль? — нахмурилась Настя. — Потому что вы и Стас... вы были любовниками?

— С чего вы взяли?

— Не врите мне. Я нашла фотографию.

— Нашли, и что? Он работал у моего мужа. Жил в нашем доме. Я была дамочкой с шальными деньгами, и охрана мужа меня не интересовала.

— Стас говорит так же. — Она вздохнула с заметным облегчением. Похоже, гибель отца волновала ее куда меньше, чем наши предполагаемые отношения со Стасом. — Вы расскажете мне, как оказались в больнице? — спросила она.

— Нет.

— Нет?

— Я расскажу об этом следователю. Надо было сделать это раньше, но я не знала, что ваш отец погиб. — Я думала, что Настя уйдет, но она продолжала сидеть, разглядывая свои руки. — Есть еще что-то такое, что вас беспокоит? — спросила я.

— Моего отца убили. Разве этого мало? После того как мы расстались, он отвез вас домой?

— Мы немного прогулялись по набережной.

— Да? Для прогулок было довольно поздно. О чем вы разговаривали?

— В основном о том, какой прекрасный выдался вечер. Ваш муж живет вместе с вами? — решилась спросить я.

— Конечно. Где же еще? Я чувствовала себя утомленной, и мы сразу же легли спать, — добавила она поспешно. Я стиснула зубы. Неужто она подозревает Стаса? Допустим, они действительно легли спать, а потом девчонка проснулась и не обнаружила его рядом. Если она его и по-

дозревает, вряд ли скажет об этом следователю. Может, кого-то это и удивило бы, но точно не меня. — Утром мы поехали к отцу, я хотела забрать кое-что из вещей, но дома его не оказалось, а мобильный не отвечал. Стас сказал, что, когда рядом такая красотка, как вы, мобильный худший враг. В воскресенье отцу я тоже не дозвонилась, а потом узнала...

— Ваш отец богатый человек, и у него почти наверняка были враги.

— Наверное. — Она довольно равнодушно пожала плечами и спросила с заминкой: — Вы расскажете им о моем муже? О том, зачем отец затеял тот глупый спектакль?

— Им — это следователю? Нет, если вы не хотите. Не вижу в этом смысла.

«Мы были на набережной больше получаса, — думала я. — Потом еще полчаса добирались до особняка Озерова. От дома, где живет Настя, до его особняка расстояние куда меньше. Можно доехать минут за десять. Часа вполне хватит, чтобы опоить девчонку снотворным и оказаться в нужном месте. Стас муж Насти, богатой наследницы. Теперь денег долго ждать не надо. Только какого черта он не оставил меня в доме вместе с трупом? Зачем ему понадобилось рисковать, перетаскивая бесчувственные тела? Его смутило, что новый сценарий чересчур похож на прежний, и кому-то это может не понравиться? Я так уверена, что убил Стас? Потому что видела его? Видела или нет? Нет. Он спал в

постели со своей женой, а у меня были глюки, о которых не стоит вспоминать».

— То, что вы в больнице, связано с гибелью моего отца? — спросила девушка.

— Думаю, да. Ваш муж знает, что вы здесь?

— Он ждет в машине. В нашей встрече в ресторане он не видит ничего странного, но то, что вы вдруг очутились в больнице, показалось ему подозрительным.

— Следователь задавал вам вопросы о делах отца?

— Я ничего о них не знаю. Я ведь здесь не жила. Возможно, он кому-то и перешел дорогу...

— Скорее всего, так оно и есть. Вы единственная наследница?

Вопрос ее напугал.

— Да. Почему вы спросили?

Сердце мучительно ныло от жалости к ней. Может, потому, что я очень хорошо понимала, что она сейчас чувствует. Очень красивая, очень юная, очень доверчивая. Слишком любящая, чтобы поверить: ее возлюбленный — мерзавец. А если и поверит, еще вопрос: перестанет ли с таким усердием выгораживать его?

— Вдруг кто-то из вашей родни рассчитывал на наследство. Такое бывает, если верить детективным романам. Отец оставил завещание?

— Оставил.

— Вы его видели?

— Нет.

— Вдруг там не только ваше имя? — Я сама не верила в то, что говорю, просто хотела ее успоко-

ить, она была такой испуганной в ту минуту. Услышав это, Настя задумалась.

— У меня есть брат, — неожиданно сказала она. — Только я о нем ничего не знаю. Слышала однажды, как ссорились родители. У отца до женитьбы была женщина, они расстались, она родила мальчика, но папа не захотел его признать. Я понятия не имею, общались они или нет все это время. Скорее всего, нет, иначе я что-то да узнала бы о нем.

— Следователю вы о нем рассказали?

— Нет. Меня не спрашивали. Думаете, надо рассказать? — Я пожала плечами, решать ей. Девушка поднялась со стула, посмотрела на меня и спросила: — Я пойду? — вздохнула и добавила: — Вы тоже ничего не хотите мне объяснить. — Она еще немного постояла, словно ожидая моих откровений, и покинула комнату.

После этого пришла моя очередь вздыхать. Что я и сделала. Славка занял место у окна, но ненадолго. С интервалом в двадцать минут в палату влетела Агатка. Лицо ее пылало праведным негодованием. Ясно, уже знает.

— Выйди, — ткнув пальцем в дверь, бросила она Славке. Тот сидел как приклеенный, должно быть, манеры сестрицы пришлись ему не по душе. Но ей на это было наплевать. — Убирайся отсюда! — рявкнула она.

— Он не мешает, — сказала я, лелея в душе надежду, что в его присутствии сестре придется сдерживаться, а значит, гроза будет недолгой.

— Ты забыла мне сказать самое главное, —

зло усмехнулась она, оперлась на спинку кровати и уставилась мне в глаза. — Малахов в городе. Вместо романтического ужина был семейный, и этот мерзавец выступал в роли жениха Озеровой, теперь папаша в морге, у девицы на руках миллионы, а у тебя сотрясение мозга. А я-то гадаю, чего ты мне по ушам ездишь. Выдумала идиотскую историю. Дура несчастная, тебе что, мало? Ты опять его покрываешь?

— С какой стати? — вяло возразила я.

— У него, конечно, стопроцентное алиби, а ты в дерьме по самые уши. Зачем Озеров потащил тебя в ресторан? Интересовался прошлым Малахова? Или твой обожаемый Стас в очередной раз тебя использовал? А ты...

— Не фантазируй. Как возможный зять Озерова он вполне устраивал. Солидный бизнесмен из Питера, любит его дочь, а она его.

— Вот, значит, как? И ваша встреча была случайной?

— Само собой. Знай я, кто жених Насти, постаралась бы с ним не встречаться.

— Так я тебе и поверю. К сожалению, не только я. Малахову следовало бы проявить фантазию, новый сценарий как две капли воды похож на предыдущий.

— Прекрати. Он провел ночь со своей невестой.

— Разумеется. Еще одна влюбленная дурочка. Меня просто тошнит от тебя, — устало вздохнула Агатка. — Что еще он должен сделать, чтобы до тебя наконец дошло... Ты понимаешь, где мо-

жешь оказаться благодаря ему? Рассчитываешь, что он будет тебе письма благодарственные писать и ждать с цветами возле ворот тюрьмы? Дура, дура... — Она пошла к двери, повернулась к Славке и выпалила: — Эй, как там тебя... держись подальше от этой чумной, — и выскочила в коридор, правда, дверью не хлопнула.

— Кстати, дельный совет, — заметила я, поднимаясь.

— Куда ты? — спросил Славка.

— К следователю. Теперь уже не скажешь, что я ничего не знаю об убийстве.

— Но твой отец...

— Вот отца подставлять мне как раз и не хочется.

Я беспрепятственно покинула больницу, Славка поехал со мной. Я трижды послала его к черту, но он не внял, спорить с ним у меня просто не было сил.

— Кто такой Малахов? — спросил он по дороге.

— Меня сейчас задолбают вопросами, сделай милость, хоть ты не лезь.

— Твоя сестра сказала...

— Она много чего успела наговорить. Не всему стоит верить. Сестрица у меня с приветом.

— В одном она права. Ты не хочешь сказать правду.

— Какую правду? — разозлилась я. — Я схлопотала по башке в доме Озерова, вот и вся правда.

— Ты кого-то там видела. Но молчишь. Почему?

— Не помню. В отключке была.

— А если они решат, что ты в самом деле... и тогда будешь молчать?

— Я намерена открыть следователю душу. Такой ответ тебя устроит?

— Сестра права. Ты просто дура, Фенька.

— А ты умный? Тогда с какой стати сидишь рядом?

Это подействовало, Славка замолчал.

Следователь встретил меня настороженно.

— Ваш лечащий врач предупредил, что сейчас не лучшее время задавать вам вопросы.

— Мое состояние заметно улучшилось после посещения Насти Озеровой.

— Значит, она была у вас? — Он поморщился. Молодой парень, которого тошнит от свалившегося на него дела, как от меня сестрицу Агату. Я его понимала. Из-за того что мой отец прокурор, ему приходилось проявлять осмотрительность, поэтому следователь задавал мне вопросы с большой неохотой. — Значит, вы отправились в кухню, кто-то оглушил вас, и после этого вы ничего не помните, вплоть до того момента, когда очнулись возле своего дома? — кивал он с задумчивым видом, видно, прикидывая, облегчит ему это жизнь или нет.

— Так и есть, — подтвердила я.

— Почему вы сразу не обратились в милицию?

— Если честно, я не очень-то хорошо соображала. Когда наступило прояснение в мозгах, появились другие причины.

— Например?

— Я надеялась, что Озеров придет или позвонит. Объяснит, что произошло. Но он не пришел и не позвонил. Вместо этого явилась его дочь. И рассказала об убийстве.

— И вы поспешили сюда?

— Конечно. Это мой гражданский долг.

Он поерзал.

— Все-таки странно, что вы сами ему не позвонили...

— Я плохо себя чувствовала. И не хотела быть замешанной в скандале. Если честно, очень не хотела. И сейчас не хочу. Но... когда речь идет об убийстве... — развела я руками.

Парень кивал, глядя на меня, как хороший следователь из фильмов, немного грустно, но глубоко по-человечески. Беседа наша длилась больше двух часов и удовольствия не доставила ни ему, ни мне. Как бы то ни было, а запихивать меня в камеру прямо сейчас никто не собирался, с чем я и поспешила себя поздравить.

Славка ждал меня в машине, мне уже стало ясно: отделаться от него, по крайней мере, в ближайшее время, возможным не представляется, пришлось с этим мириться. Однако мне не давал покоя вопрос: отчего он так настойчив? Сам он явно не собирался ошеломить меня своей откровенностью, а я не способна разгадывать его загадку, но у меня были другие. Через пару минут загадок лишь прибавилось.

— Ну, что? — хмуро поинтересовался он.

— Скверно. Мои объяснения его не впечат-

лили. Жаль парня, ему еще хуже, чем мне. Думай теперь, что с этими объяснениями делать.

— Есть идея, почему убийца увез тебя из дома Озерова?

— Не только меня, труп тоже.

— Допустим, он не хотел, чтобы труп нашли. По крайней мере, сразу.

— Тогда его не стоило оставлять в машине неподалеку от города в то время, когда дачников так и тянет в лес. Возможно, он просто решил, что некоторая путаница в деле пойдет ему на пользу.

— Если бы ты не рассказала ментам, что была в доме, они бы вряд ли узнали об этом. Самостоятельно выбраться оттуда ты не могла, это очевидно. Мне почему-то кажется, убийца рассчитывал на то, что ты не пойдешь к следователю. Дело проще представить так: Озеров отвез тебя домой, а на обратной дороге или уже дома получил по голове.

— Убийца не принял во внимание мою гражданскую совесть.

— Или кто-то вмешался в его сценарий.

— Что? — нахмурилась я. — Хочешь сказать, что труп и меня в придачу из дома вывез вовсе не убийца?

— Почему бы и нет?

— И кому это надо, не подскажешь?

— Вот уж не знаю, — нахмурился Славка и отвернулся. А я задумалась. — Возможно, это был человек, которому не хотелось, чтобы у тебя воз-

никли проблемы, — вдруг сказал он и как-то странно на меня посмотрел.

— А это не ты случайно? — спросила я с сомнением. — А что? Потащился же ты проверить: есть труп или нет? Вдруг ты проявил любопытство и вслед за мной отправился в ресторан, а потом проводил нас до дома Озерова. Очухавшись, я могла выбраться на улицу, а ты пришел мне на выручку. Скрыл следы преступления, вывез труп и даже решил лжесвидетельствовать. Глупость, конечно, ведь я не знаю, с какой стати тебе геройствовать, но выглядит романтично, и мне нравится.

— Правда? — серьезно спросил он.

— Нет. Чтобы ввязываться в такое дерьмо, у тебя должна быть веская причина. А я предпочла бы видеть тебя парнем с неудавшейся личной жизнью, которому просто негде жить. Хороший человек, немного с приветом, у которого вполне понятная аллергия на трупы.

— У Озерова были проблемы, — внезапно осчастливил он меня, видимо, не желая обсуждать свои человеческие качества.

— Серьезные?

— Более чем.

Вот тут-то и выяснилось, что он времени зря не терял, после того как демонстративно хлопнул дверью. Я слушала его и хмурилась, потом сказала:

— Значит, цена вопроса несколько миллионов долларов?

— Несколько сотен миллионов, — поправил

он. — Предприятие процветает. А вот в документах есть кое-какие неувязки, что не удивляет, если учесть, в какие времена Озеров приобрел завод. По слухам, он рассчитывал выиграть процесс и не особенно переживал. Правда, одно время Озеров опасался захвата предприятия и постоянно держал там серьезную охрану. Он рассчитывал на закон, его оппонент — на откровенно бандитские методы. И неизвестно, как далеко мог зайти.

— По-твоему, убийство — следствие конфликта? Конкурентов принято отстреливать, это куда надежнее, чем бить их тяжелым предметом по голове.

— Может, он хотел, чтобы убийство связали с конкретным человеком? Заодно отвел бы подозрения от себя.

— С конкретным человеком? Ты меня имеешь в виду? — Славка кивнул. — И кто этот тип?

— Тебе это вряд ли понравится.

— С чего вдруг?

— Его имя Ломакин Дмитрий Вадимович.

— Димка? — растерялась я. Славка вновь кивнул.

— Приятели твоего мужа рассчитывали, что после его гибели проблем с сыночком не будет. Но он неожиданно показал зубы. С ним пришлось не только договариваться, но кое в чем даже уступить. Естественно, им это не понравилось. Ходят слухи, теперь те же люди не прочь договориться с дочерью Озерова и выкупить у нее прибыльное предприятие. В делах она ниче-

го не смыслит, так что, скорее всего, согласится с их предложением. А они станут обладателями лакомого куска да еще поставят зарвавшегося парня на место.

«А что, — думала я. — Если Славка прав и Дмитрий Вадимович отправился по проторенной родителем дорожке, то, устраняя Озерова, он убивал сразу двух зайцев: избавлялся от конкурента и наказывал убийцу отца. Это в том случае, если он знал или подозревал, что к убийству Вадима я имею непосредственное отношение. Могло такое быть? Что, если Вадим оставил письмо не только мне, но и сыну? В этом случае Димке ничего не стоило передать его следователю. Но подозрения, конечно, могли возникнуть. Если убийство Озерова — дело рук Димки, киллеру надлежало позвонить в милицию, как только он покинул дом, чтобы меня застали рядом с трупом с тяжелой вазой в руках. Что же ему помешало? Димка решил, что это будет выглядеть подозрительно? Допустим, случайный прохожий слышал крики из дома и, как сознательный гражданин, позвонил в милицию. Вполне вероятно, что такой сознательный еще появится». Но меня беспокоило, нет, откровенно пугало даже не это, а тот факт, что на доходное предприятие вдруг нашлись покупатели. Стас не просто жених, он муж Насти, только вряд ли об этом кто-то знает. И договариваться, скорее всего, теперь придется с ним. У него появляется возможность получить очень крупную сумму. Учитывая его связи, которые ничего не стоит возобновить после возвра-

щения сюда, Стас о подобных намерениях мог знать еще до убийства тестя. Я разглядывала улицу за окном, забыв про Славку.

— Поедем домой? — нерешительно спросил он. — Или все-таки в больницу?

— Скажи-ка, мой всеведущий друг, у нас есть шанс отыскать сына Озерова?

— Менты это сделают быстрее.

— А если очень постараться?

— Если очень постараться, то можно попробовать.

Пробовать мы начали в тот же день. Сперва отправились в офис сестрицы, ведь по части раскапывания чужих секретов ей не было равных. Увидев меня в своем кабинете, она презрительно отвернулась. Славку я оставила ждать в приемной, устроилась на диване с видом казанской сироты и стала томиться.

— Ты почему не в больнице? — не выдержала Агата.

— Чего мне там делать?

— У следователя была?

— Ага. Мой рассказ ему не понравился.

— Чего ж удивляться?

— Не хочу тебя расстраивать, но, так как я ничегошеньки не помню, вполне вероятно, что Озерова по башке я ударила.

— Вот даже как... — хмыкнула Агатка. — Выходит, ты не сомневаешься, что твой Стас к этому делу руку приложил. Любимый в беде, ты рвешься его спасать, а все остальное тебе по фигу... Ведь знаешь, что он подлец, что ты для него

дешевле копейки, он сам тебя в гроб положит и крышку покрепче заколотит, и все равно рвешься... Не понимаю я такой любви.

— Какая любовь? Если и была, то давно кончилась.

— Если думаешь, что тебя отец отмазывать станет, — зря.

— Вообще-то он и мой отец, и знаю я его не хуже, чем ты.

— И, несмотря на это... что ж, родителям остается лишь посочувствовать.

— Слава богу, у них есть ты, — улыбнулась я и спросила: — Агатка, а ты когда-нибудь влюблялась? — спросила исключительно из желания сменить тему, была уверена, что сестрица пошлет меня к черту и я смогу поговорить о том самом деле, которое и привело меня сюда. Но Агатка повела себя неожиданно. Поднялась из-за стола, прошлась по кабинету и замерла возле окна, спиной ко мне.

— Ты помнишь, как в первом классе руку на катке сломала?

— Помню, — удивилась я.

— Папа с тебя куртку снял, кости наружу торчали. Да ты не помнишь, без сознания была. Папа нес тебя к машине и плакал. Большой, сильный человек, а плакал как ребенок. А я сзади плелась. Как же я эти коньки ненавидела! Ты на следующую зиму как черт на них гоняла, а я фигурное катание смотреть не могла, мутило от страха.

— Странно, — сказала я. — Я и не знала. А любовь-то здесь при чем?

— Ненавижу я эту любовь, как коньки в детстве.

— Агатка, — позвала я, — у тебя своя жизнь, у меня своя.

— Ага. Мне сон снится иногда. Будто я лежу в комнате вроде чулана. Потолок низкий, окошко... холодно, страшно... а надо мной петля из бельевой веревки. Ты об этом ничего не знаешь?

Я замерла, пытаясь выровнять дыхание и очень жалея, что нет под рукой сигареты.

— Что я могу знать? Это кошмары. У меня к тебе большая просьба, — поспешно заговорила я и поведала о визите Насти и ее рассказе.

— Внебрачный сын Озерова? — с усмешкой спросила Агата. — Хорошая кандидатура на роль убийцы. Несчастливое детство, обида на отца, если еще окажется, что он наркоман или картежник, так он вообще просто находка. А если отец упомянул его в завещании...

Я не стала близко к сердцу принимать ее тон и поторопилась смыться.

— Что сказала сестра? — поинтересовался Славка, когда мы вышли из офиса.

— Обещала помочь. Слушай, — притормозив, обратилась я к нему. — Если уж ты такой всеведущий парень, может, подскажешь, где найти Димку?

— Ломакина? — нахмурился он. — Дома, наверное. Или в офисе.

— У него есть офис?

— Должен быть, он же бизнесмен, — последнее слово Славка произнес с сарказмом и тут же нахмурился: — Зачем тебе Ломакин?

— Почему бы нам не встретиться по-родственному? Я с ним незнакома, ни разу в жизни его даже не видела, по-моему, это противоречит здравому смыслу.

— И какой тебе прок от этой встречи?

— Авось да и будет прок.

— Как ты собираешься объяснить ему свой визит? — разозлился Славка. — Придешь и скажешь: не пора ли нам познакомиться?

— А что, хорошая идея. Димка бизнесмен и почти что мой родственник, а меня очень интересует другой бизнесмен. Вполне естественно прийти и задать Ломакину пару вопросов.

— И он на них ответит?

— Ну, не ответит, так и не беда. Посмотрю на парня, составлю мнение...

Славке по неведомой причине моя идея пришлась не по душе. Однако, когда мы оказались на улице, он кивнул мне на машину, а сам стал звонить по мобильному. Усмехнувшись, я устроилась в «Ауди», наблюдая, как Славка нарезает круги на тротуаре, стараясь держаться от меня подальше. Минут через десять он вернулся.

— Офис на Никольской, — хмуро сообщил он. — Правда, я совсем не уверен, что тебе следует встречаться с Ломакиным. Можно, я сяду за руль? Меня ужасно раздражает, как ты водишь машину.

— Да ради бога, — кивнула я, пересаживаясь.

Почему-то мне казалось, что у Славкиного раздражения другая причина.

Вскоре мы тормозили возле двухэтажного особнячка на Никольской.

— Это здесь? — уточнила я, кивнув на здание.

— Здесь.

— Не хочешь пойти со мной?

Славка усмехнулся.

— Он и без меня не станет отвечать на твои вопросы, а со мной тем более.

— Разумно, — не стала я спорить и направилась к подъезду.

Из узкого холла вели две двери. Правая, со стеклянными вставками, была снабжена табличкой с названием страховой компании, левая, массивная, из добротного дерева, оказалась заперта. Правда, для страждущих возле двери имелось переговорное устройство. Я нажала кнопку и стала ждать.

— Слушаю вас, — отозвался мужской голос.

— Я к Ломакину, — незамысловато сказала я.

Пауза. Затем тот же голос спросил:

— Вам назначено?

Я прикинула, стоит врать или нет, и решила, что стоит.

— Да.

— Назовите фамилию, пожалуйста.

— Ломакина.

— Как, простите?

— Ломакина Ефимия Константиновна.

Дверь, точно по волшебству, открылась. За дверью находился стол, охранник, сидевший за

ним, пялился в монитор. Повернул голову и с недоумением оглядел меня снизу доверху. Я с тоской подумала, что наряд для визита к родственнику выбрала неподходящий.

— По коридору, третья дверь налево, — сообщил парень и вроде бы потерял ко мне интерес.

Третья дверь налево была распахнута настежь. Комната оказалась приемной. Жгучая брюнетка с подведенными к вискам глазами смотрела на меня без удовольствия.

— Ваша фамилия Ломакина? — недоверчиво поинтересовалась она.

— Точно. И я бы очень хотела встретиться с Дмитрием Вадимовичем.

— Боюсь, это невозможно. Он отсутствует.

— Давно?

— Что?

— Давно он отсутствует?

— Может, он и назначил вам встречу, но мне об этом ничего не известно, — отрезала она. — По какому вы вопросу?

— По личному.

Девушке мой ответ не понравился.

— Оставьте ваш номер телефона, Дмитрий Вадимович появится и перезвонит вам. Если сочтет нужным, — не без яда добавила она.

— А когда Дмитрий Вадимович планирует появиться? — не унималась я. — Дело у меня срочное...

— Возможно, сегодня, а возможно, через несколько дней.

Стало ясно, что я зря теряю время. Встречаться со мной здесь никто не собирался.

— Что ж, буду ждать звонка. Надеюсь, вы не забудете сообщить ему о моем визите.

— Мне платят деньги за то, чтобы я ничего не забывала, — усмехнулась она.

— Разговора не получилось? — спросил Славка, когда я вернулась в машину.

— Димки нет, и, когда появится, неизвестно. Скорее всего, он просто не пожелал меня видеть.

К вечеру позвонила Агатка:

— Плохая новость, сестрица. В завещании нет никаких сыновей и прочих лиц. Все движимое и недвижимое имущество отходит единственной дочери.

— Вряд ли Настя ошибается. Следовательно, внебрачный сын у Озерова все-таки есть.

— Может, у Насти был повод его придумать? — хмыкнула Агатка. — Вопрос «А был ли мальчик?» остается в силе.

— Ну, так попробуй узнать, был или нет, — разозлилась я.

— Уж расстараюсь, — фыркнула Агатка и повесила трубку.

Утром я отправилась мести улицу, чтобы родной город мог похвастать чистотой, а заодно успокоить нервы.

Возвращаясь домой, возле подъезда я обнаружила темноволосую женщину с растерянным взглядом, в дорогом костюме светло-серого цвета. Она обсуждала с моей соседкой с первого эта-

жа вероятность выпадения осадков в ближайшее время. Не скажу, что разговор ее сильно увлекал, зато, когда соседка произнесла:«А вот и Фенька», дама заметно подобралась. Посмотрела на меня и нахмурилась в недоумении.

— Здравствуйте, — сказала я, женщина кивнула, соседка поглядывала с любопытством.

— Вы Ефимия Константиновна? — Женщина, казалось, не в состоянии была в это поверить.

— А вы кто?

— Я... можно нам где-нибудь поговорить?

Я кивнула, и мы поднялись в квартиру, где неутомимый Славка готовил завтрак к моему приходу.

Очень скоро выяснилось, что гостья — Карасева Надежда Петровна, та самая подруга Озерова, о которой рассказывала его дочь. И ко мне ее привело желание выяснить, в каких отношениях мы состояли с ее возлюбленным. Любопытство извинительное, хотя и запоздалое, учитывая, что Озеров мертв и делить нам с ней нечего. Я, как могла, ее любопытство удовлетворила, для этого пришлось соврать, что с Озеровым меня познакомил муж и время от времени мы встречались. А в тот вечер он меня пригласил в ресторан, чтобы я могла встретиться с другим общим знакомым — женихом Насти и предаться приятным воспоминаниям о минувших днях. Объяснение ее вроде бы удовлетворило, но уходить она почему-то не торопилась. Я решила этим воспользоваться.

— Настя сказала, что у Максима Юрьевича был внебрачный сын, он вам о нем ничего не рассказывал?

— Сын? — удивилась она. — Нет, ничего. — Карасева задумалась, а я терпеливо ждала, помешивая чай в чашке. — У нас некоторое время назад работал один молодой человек, — заговорила она. — Максим Юрьевич ему очень благоволил, хотя тот этого явно не заслуживал. Шалопай, к тому же плохо воспитан. С ним вечно возникали проблемы. В конце концов Максим Юрьевич не выдержал и его уволил. Но где-то через пару месяцев он вновь стал работать у нас, правда, на другом предприятии, и должность у него была невысокая. Я тогда удивилась и спросила, почему Максим терпит выходки этого парня.

— И что ответил Максим Юрьевич?

— Сказал, что он сын его покойного друга. Максим Юрьевич был человеком суровым, не терпел бездельников, но в последнее время как-то... помягчел, что ли. Иногда вдруг говорил, что за все приходится платить, я пыталась понять, о чем это он, но Максим Юрьевич не захотел объяснить. Я подумала, что между ним и его другом что-то произошло и, помогая его сыну, он пытается загладить свою вину.

— Как зовут молодого человека? — спросила я.

— Игорь. Игорь Максимович Вялов. — Она нахмурилась и добавила: — Вы думаете... Конечно, отчество... мне следовало догадаться.

— Вы сказали, что парень шалопай, у него

были какие-нибудь проблемы? Денежные, к примеру?

— Вы что, думаете, он мог... О господи... О его денежных проблемах я ничего не знаю, но характер у него скверный. Однажды он избил человека по совершенно незначительному поводу. Избил так, что тот угодил в больницу. Максиму Юрьевичу пришлось вмешаться, чтобы уголовное дело не завели.

— Вы часто бывали в доме Озерова? — спросила я. — Вялова там встречать не доводилось?

— Нет. Сомневаюсь, что он бывал в доме. Если честно, я там тоже была от силы раз десять. Обычно мы у меня встречались. — Женщина почему-то смутилась. — Сначала Максим Юрьевич не хотел, чтобы Настя обо мне узнала, а потом... потом мы просто привыкли.

— Вы работаете в его фирме и, должно быть, осведомлены о делах Озерова. У него были проблемы?

— В милиции меня об этом спрашивали. Проблемы, конечно, были. Но со мной Максим Юрьевич их не обсуждал. В последние дни его, по-моему, ничего, кроме свадьбы дочери, не интересовало.

— И что он вам говорил по этому поводу?

— Что обычно говорят в таких случаях? — вздохнула она. — Когда Настя приехала сюда со своим женихом несколько дней назад, мы вообще встречались только на работе, а там на разговоры просто времени не было. Он обещал нас познакомить... — сказала она. — Но в ресторан

пошел с вами, а вовсе не со мной. Впрочем, какая теперь разница...

После ее ухода я сообщила Славке:

— У нас есть имя и место работы сына Озерова. Давай прокатимся в офис.

Славка воспринял идею без энтузиазма.

— Зачем? Пусть с ним менты разбираются.

— Менты само собой.

— Не понимаю, чего ты ждешь от этой встречи. Хочешь спросить его, не двинул ли он по голове предполагаемому папаше?

— Возможно, о делах отца он знает куда больше дочери, раз у него работал.

— Он не станет с тобой разговаривать, и правильно сделает.

— А вдруг моя красота так на него подействует, что он откроет мне душу?

Кончилось тем, что мы поехали в офис. Однако на работе Вялова не застали. По какой причине он не явился, его непосредственное начальство ответить затруднялось. Начальство, судя по всему, вообще было от него не в восторге. Мы находились в большой комнате, заставленной столами с компьютерами, а толстяк, вытиравший потную лысину платком, говорил с душевной болью.

— Для меня вообще загадка, что он тут делает. Правильнее сказать, зачем Озеров его держит... держал, — поправился он и вздохнул. — Что ж теперь будет? — пробормотал он, на мгновение забыв о нас, но тут же опомнился: — Так что ищите его где угодно, но только не на работе.

— А сюда Вялова сам хозяин устроил? — невинно поинтересовалась я. — У них что, были какие-то особые отношения?

— Вот уж не знаю... если верить Вялову, они близкие родственники. Может, так оно и есть, не стал бы он наглеть...

— Близкие — это какие?

— Понятия не имею. А почему, собственно, вы задаете эти вопросы? — нахмурился толстяк.

Я прикидывала, что на это ответить, и тут Славка, коснувшись моей руки, кивнул в сторону двери. Я перевела взгляд и увидела молодого мужчину в джинсах и ярко-красной футболке. Он разговаривал с девушкой, сидевшей за крайним столом.

— Спрашивает Вялова, — шепнул Славка.

Девушка пожимала плечами и что-то говорила в ответ, парень чертыхнулся и довольно громко произнес:

— Вот придурок, — и покинул офис. Спешно простившись с толстяком, мы припустились за ним.

Парень садился в машину, в новенький «Мерседес», припаркованный тут же, возле офиса, когда Славка его окликнул:

— Простите, вы ищете Игоря?

— Ну, ищу, — хмуро бросил тот, приглядываясь к нам. Мы подошли ближе, он ждал, держа дверь «Мерседеса» открытой.

— Мы тоже его ищем, — осчастливил Славка. — Вы его друг?

— Так, знакомый... А вы из милиции?

Вопрос меня насторожил.

— По-вашему, им должна интересоваться милиция?

Парень нахмурился. Я гадала, что ему мешает сесть в машину и уехать, а Славка между тем сказал:

— Он занял у меня деньги, довольно внушительную сумму. А теперь исчез куда-то.

— Мы не могли раньше встречаться? — вдруг спросил знакомый Игоря.

— Возможно. — Славка пожал плечами.

— Садитесь в машину, — кивнул парень.

Мы переглянулись и поспешно воспользовались его приглашением. Славка сел впереди, а я сзади. Он протянул парню руку и представился:

— Вячеслав.

— Борис. У меня автосалон на Сущевской. Игорь себе тачку приглядел. Хозяин продает ее за полцены, деньги нужны срочно. Игорь обещал, что бабки будут. Наверное, на папашу рассчитывал. Должен был привезти их еще вчера. Хозяин тачки нервничает, вот и приходится искать этого придурка.

— Вы сказали, что он на папашу рассчитывал, — заметил Славка. — А по моим сведениям, отца у него нет.

— А такое бывает? — усмехнулся Борис.

Славка улыбнулся.

— Выходит, про богатого папу он не врал?

— Выходит. Отец с ним знаться не хотел, но потом жена умерла, дочка в дальние края укати-

ла, вот он о сыне и вспомнил. Не был бы Игорь придурком, мог бы неплохо устроиться.

— Часто у него возникают проблемы с деньгами?

— Не думаю. Он не игрок, не наркоман и даже не пьяница. Не может простить отцу своего голодного детства. От этого все проблемы. Одно время Вялов даже жил у отца. Выдержал дней пять, потом они стали грызться. Он у папаши тачку взял без спроса, тот его погнал. По крайней мере, Игорь мне так рассказывал. Может, папаша надеялся найти в сыночке утешение в старости, но с Гошей явно просчитался. Парень он непутевый. Знаете, есть раздолбаи, у которых все не как у людей. Вот Игорь из таких.

— Почему вы решили, что мы из милиции? — подала я голос.

Борис покосился на меня и пожал плечами.

— Так... подумал, во что он опять вляпался?

— Фамилия его отца Озеров? — отводя взгляд, спросил Славка.

После непродолжительной паузы Борис кивнул.

— Сегодня я был у девчонки, с которой Игорь живет. Девка говорит, дома он не появлялся. У матери его тоже нет. На звонки не отвечает. Вполне возможно, что деньги вы ему неосмотрительно одолжили, — закончил Борис с едва заметной улыбкой.

— Что ж, иногда такое случается, — пожал Славка плечами. — Где его девушка живет, не подскажете?

— Девчонка на Алябьева, а мать на Кирова.

Боюсь, вы только зря потратите время. — Он уточнил адрес, после чего мы расстались.

— Мир не без добрых людей, — заметила я, топая к машине.

— О чем ты?

— Парень разговорчивый попался. Чего б ему не послать нас подальше, а он со всей душой, уделил нам внимание. Или вы в самом деле раньше встречались и с его стороны это любезность человеку, которому приятно быть обязанным?

— Не фантазируй, — отмахнулся Славка и предложил, должно быть, для того, чтобы не углубляться в тему: — Поедем к его девице?

Девицу мы посетили, правда, толку от этого не было. Долго звонили в дверь, пока она наконец открылась. Барышня лет двадцати пяти, в коротком халате, который не мешало бы постирать, а еще лучше выбросить, взглянула так, что стало ясно: гостей здесь не ждали.

— Чего вам? — спросила она. — Задолбали с самого утра, ходят и ходят.

— Мы ищем Игоря, — задушевно начал Славка, но на сей раз его обаяние не сработало.

— Вот и ищите, только не здесь.

И девица захлопнула дверь перед нашим носом.

— Борис прав, мы зря теряем время, — заметил Славка, однако поехал в направлении улицы Кирова.

Мать Вялова жила на окраине, в облезлой хрущевке с захламленным двором, где моя «Ауди»

выглядела чересчур вызывающе. Дверь нам открыла женщина лет пятидесяти, про таких обычно говорят: легче перепрыгнуть, чем обойти. При росте метр шестьдесят она весила никак не меньше ста двадцати килограммов.

— Вам кого? — спросила она настороженно.

— Игорь дома? — поинтересовалась я и улыбнулась, Славка, стоявший рядом, тоже улыбнулся. Мне хотелось верить, что выглядим мы как люди, решившие навестить старого друга, у которых и в мыслях нет доставить ему неприятности.

— Нет, — покачала головой женщина. — Он живет у какой-то девицы. Адреса я не знаю. Здесь он не появляется.

Что-то подсказывало мне: женщина говорит неправду, а еще было чувство, что из-за неплотно прикрытой двери в комнату меня кто-то разглядывает.

— Вы его мама?

— Да, — нахмурилась она.

— И не знаете, где живет ваш сын?

— Он взрослый и может жить где хочет. А вы кто?

— Позвонить ему можно? — не отставала я, игнорируя ее вопрос.

— Номера телефона у меня нет. Зачем вам Игорь понадобился?

— Это я скажу ему лично. А его точно нет дома?

— Убирайтесь отсюда, пока я милицию не вызвала, — зло ответила она.

В серьезность ее намерений я не поверила,

однако стало ясно: продолжать дальше расспросы бесполезно.

— Что скажешь? — спросила я, когда мы со Славкой вышли на улицу.

— Скажу, что тетка напугана. И врет. Парень, скорее всего, здесь. И у него есть причина ни с кем не встречаться.

— Ага. Знать бы еще, связано это с нашим делом или причина в другом.

Славка не спеша вырулил со двора, но отъехал недалеко, остановился в соседнем переулке. Двор отсюда, точнее, та его часть, что примыкала к интересующему нас подъезду, была хорошо видна.

— Теперь мы точно знаем, что Вялову нужны были деньги, — заговорил Славка, устраиваясь поудобнее. — Чем не мотив?

— Дерьмо, а не мотив, — отмахнулась я.

— Не скажи, — Славка покачал головой. — Вялов жил какое-то время у отца. И ключи от дома у него могли быть. И он мог знать код, чтобы снять дом с охраны.

— А Озеров этого даже не заметил? — Впрочем, учитывая состояние Озерова в тот момент, когда мы вошли в его дом, он вполне мог попросту не обратить на это внимания, уж очень его увлек разговор со мной. Помнится, меня еще удивил тот факт, что дом не на охране. — Допустим, Вялов явился к отцу за деньгами, — поморщившись, продолжала я. — С какой стати сразу бить родителя вазой по голове? Мог бы для начала с ним поговорить. И уж вовсе странно, что

Игорь выбрал такое неподходящее время. Озеров болтал без умолку, так что парень должен был понять: в доме гости. Не сам же с собой папаша разговаривал.

Славка пожал плечами:

— Предположим, парень явился в надежде позаимствовать деньги у отца, пока того нет дома. Рассчитывая, что позднее, обнаружив пропажу, тот к ментам не побежит, ведь сына ему уже приходилось отмазывать. Но тут появились вы. Он мог запаниковать. Ты помнишь расположение комнат в особняке?

— Не очень.

— А я помню. В доме два выхода. Второй как раз через кухню, оттуда дверь ведет в сад. Чтобы оказаться возле входной двери, пришлось бы пройти через холл, и ты, находясь в гостиной, непременно бы его увидела. Если парень в тот момент был в кабинете, что вполне логично, он мог запросто попасть на кухню, минуя тебя. Предположим, отца он убивать не собирался, ударил сзади, надеясь лишить его сознания и сбежать. Но удар с перепугу не рассчитал.

— Гениально. Выходит, Вялов круглый дурак. Останься отец жив, вряд ли бы он простил ему подобную выходку, а вычислить предполагаемого вора — дело десяти минут.

— Может, у парня просто не было времени для размышлений? Он ударил отца, и тут в кухне появилась ты. И ему ничего не осталось, как огреть и тебя по голове.

— А потом вывезти труп отца за город и меня в придачу?

Славка не успел ответить. Из подъезда появился молодой человек — высокий, худой и очень нервный. Он испуганно оглядывался, словно ожидал нападения, и бегом припустился к стоявшим возле сараев неказистого вида «Жигулям». Вскоре мы увидели, как «Жигули» понеслись со двора на предельной скорости.

— Это он, — сказал Славка. Я пожала плечами. В принципе я была с ним согласна, хотя понятия не имела, как выглядит Вялов. — Любопытно, куда он собрался? — добавил Славка и отправился за ним. Но кое-кто нас опередил. Неприметный «Опель» вдруг вывернул из-за угла и пристроился за «Жигулями». — Что, если это менты? — проявил беспокойство мой спутник, ловко лавируя в потоке машин и стараясь не упустить из вида ни «Жигули» оранжевого цвета, ни «Опель». — Если это менты, вряд ли они скажут нам спасибо, — добавил он, однако преследование продолжил.

«Опель» ненавязчиво, но уверенно следовал за оранжевой машиной, Славка старался держаться на расстоянии. На проспекте мы потеряли обоих: «Жигули» проскочили на красный свет, «Опель» юркнул в переулок, который шел параллельно проспекту, а вот нам пришлось затормозить из-за приверженности Славки к порядку. Правила он соблюдал, на красный свет не проскакивал, а перестроиться и свернуть в переулок ему помешал троллейбус. Дождавшись зе-

леного сигнала светофора, мы рванули с места, но «Жигулей» не обнаружили. «Опель» тоже исчез. Славка чертыхался и выглядел совершенно несчастным.

На следующий день мы с ним гадали, где теперь искать Вялова и кому, помимо нас, понадобилось за ним следить, когда в квартире появилась моя сестрица и начала орать еще с порога:

— Какого черта ты сунулась к нему домой? Менты приглядывались к парню, а ты его спугнула.

— О предполагаемом брате ментам Настя Озерова рассказала? — спросила я, почесав за ухом и прикидывая расклад.

— Некто, пожелавший остаться неизвестным, сообщил, что в ночь убийства неподалеку от дома Озерова видел «Жигули» и даже номер их запомнил. Говорит, решил, что кто-то ворует стройматериалы, тачку пристроили как раз возле забора строящегося дома. Оттого и номер не поленился записать.

Появление неизвестного доброжелателя очень мне не понравилось.

— Много ли на «Жигулях» украдешь, — хмыкнула я и добавила: — Значит, менты его тоже проворонили.

— Что значит проворонили? Ему собирались задать несколько вопросов, в частности, где он провел ночь с пятницы на субботу и как его машина в столь неурочное время оказалась довольно далеко от родного дома. На работу он не вы-

шел. Мамаша рыдает, а на вопросы о том, где ночевал ее сын в ту памятную ночь, отвечать отказывается. Говорит, не помнит.

— Короткая у нее, однако, память.

— Ясно, что парень пустился в бега. И кто в этом виноват? Его мать сказала, что вчера сынка спрашивали некие граждане, парень и девица, показавшиеся ей подозрительными.

— Откуда сведения?

— От Олега, мужа твоего бывшего. Он рвет и мечет, посоветовал тебе сидеть дома и никуда не соваться.

— Агатка, за Вяловым кто-то следил. Если не менты... — Я не договорила. Мы тревожно переглянулись, и сестрица выдала замысловатое ругательство.

— Номер «Опеля» помнишь? — сурово спросила она.

Я продиктовала номер, и сестрица поспешно удалилась, а когда позвонила через час, гнев ее лишь усилился, и о его причине я узнала незамедлительно.

— Нет у нас «Опеля» с такими номерами. Знаешь, как это называется? Попытка ввести следствие в заблуждение. Никуда не суйся, мать твою. Ты уже сделала все, что могла.

— С номером мы напутать не могли, — подумав, заметил Славка. — Выходит, кто-то предусмотрительно запасся липовым.

— Ага. Это значит, что Вялова, скорее всего, не найдут, а если и найдут, вряд ли он сможет

рассказать о причине своего странного поведения.

— Думаешь, кто-то воспользовался его машиной, а затем решил убрать парня?

Я пожала плечами. В тот момент меня очень интересовал вопрос: знал ли Стас о существовании сводного брата Насти? Я переместилась на диван, а Славка бродил из угла в угол и время от времени высказывал ценные мысли, посетившие его. Занимались мы этим часа два, потом в дверь позвонили. Я никого не ждала и звонок проигнорировала, но Славка пошел открывать. Через минуту он появился в комнате вместе с Настей Озеровой. Сонную одурь с меня как ветром сдуло. Славка поглядывал на нее, словно прикидывая, чего следует ожидать от ее визита, и, похоже, подозревал, что ничего хорошего. А сама Настя как будто гадала, зачем сюда пришла. Учитывая тот факт, что приходить ей ко мне вроде бы незачем, я насторожилась, а потом откровенно испугалась. Ясно, что ее появление каким-то образом связано со Стасом. Выходит, подозрения мучили не только меня, но и дочь Озерова. Настя выглядела смущенной и глубоко несчастной.

— Извините, что опять пришла, — сказала она, оглядывая мое жилье с некоторым недоумением. — Вы... а этот молодой человек, он что, всегда с вами? — кивнула она на Славку. Странно, что ее интересовал этот вопрос, хотя, может, она спросила, не зная, как начать разговор. — Он ваш друг?

— Вообще-то я с ним сплю, но можно сказать и так, — ответила я, чтобы она не изводила себя мыслями о наших со Стасом прежних отношениях. Оказалось, именно эти предполагаемые отношения ее и печалили.

— Да? Вы живете вместе?

— Как видите.

— Я пришла... я подумала... извините, не хочу, чтобы вы поняли меня неправильно... Последние дни Стас очень занят. У него появились срочные дела. Я не могу понять, какие у него вообще могут быть дела в этом городе? — Она смотрела на меня с доверчивостью ребенка, который ждет от взрослого, что вот сейчас ему все объяснят, а заодно и успокоят. Меньше всего мне хотелось говорить с ней о Стасе, и вместе с тем по непонятной причине вдруг возникло желание обнять ее, утешить.

— Ну, он ведь когда-то здесь жил — возможно, действительно... — не очень толково заметила я.

— Папу похоронили, — не слушая меня, продолжала девушка. — Мне так тяжело быть одной в этом доме... Конечно, Стас обо всем позаботился, и сейчас он, наверное, действительно думает о нашем будущем, предпринимает необходимые шаги... это он так сказал... но мне очень страшно без него. Когда его нет рядом, мне хочется умереть... — пробормотала она и заплакала. Она была похожа на воробышка, а я смотрела на нее и не знала, что сказать.

— Вы любите его? — зачем-то спросила я.

— Да, — просто ответила она.

Конечно, она его любит. И если я сейчас скажу, кого ей следует опасаться, более того, что ее жизнь, возможно, висит на волоске, она мне не поверит. Я бы точно не поверила. Она назовет меня лгуньей и найдет тысячу причин, почему я наговариваю на ее любимого. И что делать мне? Идти в милицию и доносить на Стаса? Тоже, кстати, выход. Доказательств у меня никаких, одни пустые домыслы, но попробовать можно. Проблема в том, что я не могу этого сделать, как она не может поверить в то, что я хочу ей сказать. Но позволить ему разделаться с девчонкой я тоже не могу. А если я все выдумала и Стас не имеет никакого отношения к убийству Озерова? Мало ли что мне привиделось той ночью? Вдруг он любит эту девочку, а я просто ревную? Ревную и завидую ей?

— Простите меня, — вновь заговорила она. — Это глупо, но я подумала... может быть, он у вас? В самом деле глупо. Стас меня любит, и он... у него действительно дела... Столько дел, теперь, когда папа погиб... я просто сама не своя. Извините...

— Не считая той встречи в ресторане, мы ни разу с ним не виделись, — сказала я, злясь на себя за то, что мой голос звучит виновато, словно я оправдываюсь, как будто мне есть в чем оправдываться. Очень хотелось побыстрее отделаться от нее, пусть сама решает свои проблемы. А в голове между тем настойчиво вертелось: ты должна что-то сделать, ты обязана ее предупредить.

Пусть она не поверит, но ты должна. — После убийства отца вам нужно проявлять осторожность. Позаботьтесь о своей безопасности. Почему бы кому-то из охраны вашего отца...

— Я хочу поскорее уехать отсюда, — быстро сказала она. — Ненавижу этот город. Мы уедем. Сегодня же скажу Стасу... дела подождут. Пусть ими занимается кто-то другой. Все как-нибудь образуется, главное, чтобы мы были вместе. Правда?

— Я бы все-таки подумала об охране... — Мне стало ясно: она меня не слышит. Все ее мысли только о нем. Неужто и я была такой же дурой? Конечно, была. Я не хотела верить в то, что он негодяй, даже после того, как прочитала письмо Вадима. И она не поверит.

— Я пойду, — испуганно сказала Настя, направляясь к двери. — Знаете, если бы рядом со мной сейчас не было Стаса... даже страшно представить...

Она боялась застать его здесь, а теперь жалела, что пришла. И беспокоилась о том, что он узнает о ее визите ко мне и будет недоволен. Можно забыть обо всех предостережениях на свете, слушать их она попросту не станет. И что должна делать я?

— Не возражаете, если я вас провожу? — поднявшись с дивана, я направилась к ней.

— Я на машине.

— Я провожу вас до машины.

«Скажи ей, скажи», — билось в мозгу, но я уже

знала, что не произнесу тех слов, что рвались с языка.

— Ты надолго? — спросил Славка, наблюдая, как мы друг за другом идем к двери. Я не ответила. У меня есть несколько минут, чтобы сказать ей. Я торопливо подбирала слова, прекрасно понимая всю их бесполезность. Настя, уже тяготясь моим присутствием, молча пересекла двор. Я увидела ее спортивную машину, она стояла на противоположной стороне улицы.

— До свидания, — не поворачивая головы, сказала Настя и шагнула с тротуара.

Все последующее произошло в считаные секунды. Словно из ниоткуда появилась старенькая «девятка», набирая скорость, она стремительно сокращала расстояние, отделявшее ее от девушки, переходившей дорогу. Водитель «девятки» и не думал тормозить. Настя этого так и не поняла. Зато поняла я, заорала и бросилась к ней. Я толкнула ее, Настя по инерции пролетела вперед и упала, и я упала вместе с ней, не удержавшись на ногах. Мы оказались прямо перед припаркованным возле магазина джипом, и это нас спасло. Водитель «девятки» вывернул, избегая столкновения с джипом, навстречу ему выскочила «Газель», идущая на обгон. Тот, кто был в «девятке», не справившись с управлением, влетел в фонарный столб.

Само собой, ничего этого я не видела. Я лежала на асфальте, зажмурившись и стиснув зубы, чувствуя рядом вздрагивающее тело девушки и

не в силах пошевелиться. Я слышала крики вокруг, топот ног и попыталась прийти в себя.

— Вы что, с ума сошли? — Настя, оттолкнув меня, вскочила и теперь смотрела на меня округлившимися от ужаса глазами. Я с трудом поднялась и торопливо оглянулась. То, что произошло, стало понемногу доходить до меня. А вот Настя все еще пребывала в неведении.

— Я — нет, — пожала я плечами в ответ на ее слова. — А вот тот парень точно спятил. — Я кивнула в сторону «девятки». Возле нее уже собралась толпа.

— Вызовите «Скорую»! — кричал кто-то. — Чуть девчонок не сбил. Пьяный, наверное. Милицию, милицию вызовите.

Выражение Настиного лица изменилось, должно быть, и она начала понимать, что произошло. Мы бестолково топтались на тротуаре, молча таращась друг на друга, пока в досягаемой близости не появился Славка.

— Что случилось? — ошалело спросил он.

— У тебя нет вопроса поглупее? — в свою очередь спросила я. — Присмотри за девчонкой.

Я бросилась к «девятке», дверь со стороны водителя была открыта, расталкивая зевак, я смогла подойти довольно близко. Водитель сидел, уткнувшись лицом в руль. Я видела только бритый затылок и безвольно свисавшую левую руку.

Заслышав сирену «Скорой помощи», народ потянулся к тротуару, а я вернулась к Насте. Славка держал ее за руку, и в тот момент они по-

казались мне двумя испуганными подростками, которые знать не знают, что им делать.

— Где ключи от машины? — резко спросила я. Девушка вздрогнула от неожиданности и, достав ключи из сумки, машинально протянула их мне. — Садитесь, я вас отвезу.

— Спасибо, я сама...

— Садитесь! — рявкнула я. Я была в таком состоянии, что запросто могла затолкать ее в машину силой, слава богу, делать этого не пришлось.

— Куда ты? — опомнился Славка и, не дожидаясь моего ответа, тоже полез в салон. Я зло чертыхнулась, однако решила выяснять отношения подальше от этого места.

— Девчонку надо спрятать, — пробормотала я, сворачивая на ближайшем светофоре.

— Ты думаешь... — растерянно произнес Славка.

— Я не думаю, я уверена.

— Я хочу домой, я хочу к Стасу, — заволновалась Настя. — Убирайтесь из моей машины... слышите, вы, немедленно остановитесь.

Мне не было дела до ее криков, я пыталась решить, где могла бы ее спрятать. Друзья, родня и прочие не годятся. Мысли путались. Надо бы остановиться, успокоиться и подумать. Но на это просто не было времени. Я должна поскорее покинуть город. Должна? Черт... я не могу допустить, чтобы она погибла. Я должна ее спрятать. Вот только где? Есть одно место, куда, по

мнению Стаса, я точно не сунусь. Я бы и не сунулась. Но ничего другого в голову не приходит.

— Немедленно остановите машину! — кричала Настя.

— Замолчи, дура, — не выдержал Славка. — Тебя только что пытались убить.

— Убить? — Она замерла с открытым ртом, потом, словно опомнившись, сказала: — Мне надо сообщить Стасу, он...

— Вот ему как раз ничего говорить не надо, — как можно мягче произнесла я.

— Я никуда с вами не поеду. Вы не имеете права...

— Фенька, — позвал меня Славка. — Ты не можешь удерживать ее против воли. Знаешь, как это называется?

— Заткнись. Я приторможу на углу, и ты выйдешь. Тебе во все это лезть ни к чему.

— Поехали в милицию, пусть они разбираются. Дадут ей охрану... в конце концов, это их головная боль, они лучше знают, что делать.

— Выходи, — сказала я, сбрасывая скорость.

— Да пошла ты... — разозлился он. — Можешь ты объяснить, почему мы не едем к ментам?

— Не могу.

— Что?

— Что слышал. Я не могу объяснить ни тебе, ни ей. Проваливай.

— Не дождешься, — сквозь зубы произнес он и отвернулся.

— Куда вы меня везете? — испуганно спроси-

ла Настя. — Что происходит? Почему мы там не остались? Если этот человек действительно...

— Помолчите немного, — как можно спокойнее попросила я.

Она взглянула на меня и замолчала на середине фразы, зябко дернула плечами и стала смотреть в окно.

Выехав из города, я немного успокоилась, но теперь чувствовала себя даже хуже, чем полчаса назад. Славка прав, я не могу удерживать ее силой. Объяснить, к сожалению, тоже ничего не могу. Настя верит Стасу и не поверит мне. Ладно, сейчас главное — спрятать девушку, а там решу, как быть дальше.

— Дайте мне ваш мобильный, — обратилась я к Насте.

— У меня его нет, — сказала она с вызовом. — Наверное, я выронила его там, на дороге.

— Проверь сумку, — сказала я Славке.

Он собрался ответить что-то резкое, но взял сумку из рук Насти и заглянул в нее. Было видно, что собственные действия вызывают у него отвращение. Проверить карманы ее костюма я предложить ему не рискнула. Как выяснилось позднее, зря.

Я попыталась сосредоточиться на дороге. К моему облегчению, и Славка, и Настя сидели молча, глядя в окно, вроде бы всецело поглощенные пейзажем. Или собственными мыслями. Я должна найти приемлемое объяснение для Насти, успокоить ее... Завидев впереди указатель, я свернула на проселочную дорогу, вскоре показа-

лась деревня. Против ожидания, она вовсе не выглядела необитаемой. Трава скошена, перед ближайшим домом на веревке висит белье. Колодец, детский велосипед, на скамейке сидит пожилая женщина с мальчишкой лет пяти. Проводила нас заинтересованным взглядом. Если Настя решит позвать на помощь... Приходится признать, идею спрятаться здесь удачной не назовешь. Если я не сумею убедить Настю остаться, задержать ее против воли не получится.

И тут я увидела дом. И невольно поежилась, хотя ничего зловещего в нем не было. Обычный дом, до которого хозяевам нет дела. Ставни на окнах закрыты, забор покосился, в палисаднике вместо цветов заросли крапивы. Крапивой поросла и дорожка к крыльцу, осевшему, с оторванной водосточной трубой. С той самой ночи я ни разу здесь не была. Наверное, я могла бы его продать, но этого не сделала. Не знаю почему. Но одно я знала точно: никогда больше я бы не хотела тут оказаться. И вот я здесь.

Я подъехала к самому крыльцу и остановила машину.

— Зачем мы сюда приехали? — ворчливо спросила Настя. Теперь она скорее была удивлена, чем испугана.

— Здесь вас искать никто не станет, — пожала я плечами.

— Я тут не останусь, — нахмурилась она. — Я вас не понимаю, я ничего не понимаю. Я хочу домой, Стас будет беспокоиться.

— Вы сообщите ему, что с вами все в поряд-

ке, — устало сказала я, вышла из машины и поднялась на крыльцо.

— И как я это сделаю? — насмешливо спросила она.

— Я что-нибудь придумаю, — ответила я.

Пошарила рукой под ступенькой, ключ был на месте. Он легко повернулся в замке. Дверь открылась.

— Заходите, — сказала я.

Переглянувшись, Славка с Настей вошли в дом. Я старательно отводила взгляд от двери чулана. На ней висел замок. Странное дело, я не помнила, как запирала его. Впрочем, чему удивляться?

Я первой вошла в кухню. В доме пахло сыростью. Несмотря на жаркую погоду, мне показалось, что здесь очень холодно. Я открыла кухонное окно, распахнула ставни. Паутина в углах, дверца шкафа прикрыта неплотно, на столе две чашки. Я закрыла глаза, и на мгновение мне показалось, что не было этих лет без него. Ничего не было. Позову громко: «Стас» — и услышу его шаги. Он войдет и скажет: «Привет, Принцеска».

— Я не хочу здесь оставаться, — сказала Настя. — Тут ужасно. Зачем вы меня сюда привезли? Если меня хотели убить, как вы говорите, почему мы не поехали в милицию? Я вам не верю, вы... — Она нахмурилась, глядя на меня, потом распахнула дверь в переднюю, прошла и села на диван, сцепив на груди руки.

— Ну, и что дальше? — спросил Славка, устраиваясь за столом, отодвинул чашку, она звяк-

нула о блюдечко, и я вздрогнула. — Надеюсь, ты не собираешься связывать ее или запихивать в погреб?

— Не собираюсь.

— Слава богу.

— Место в самом деле никуда не годится, — усмехнулась я и сказала со вздохом: — Надо прикинуть, где бы мы могли пожить некоторое время.

— У нее есть муж. Вот пусть он и ломает голову.

Я пожала плечами.

— Ты... — Он посмотрел в сторону открытой двери в переднюю и подавился словами. Надо полагать, некие мысли посетили его в тот момент, потому что он вдруг пробормотал: — Ни хрена себе... — И добавил: — Ну дела... — Он помолчал, о чем-то размышляя. — Это не выход, — произнес резко.

— Точно. С благодарностью приму любое разумное предложение.

— Почему бы не попытаться поговорить с ней? Объяснить...

— Вот прямо сейчас и начни.

— Меня она вряд ли послушает.

— Меня тоже вряд ли.

— Что же делать в таком случае?

— В соседней деревне есть магазин. Сгоняй туда, купи что-нибудь из продуктов.

Он выждал минуту, недовольно разглядывая меня, потом поднялся и вышел из дома. Я смотрела в окно, когда из передней появилась Настя.

— Куда он уехал? — спросила она с беспокойством.

— В магазин. Мы дождемся его, потом выпьем чаю и все обсудим.

— Можно открыть ставни? Эта комната точно склеп.

— Откройте, — пожала я плечами и продолжила смотреть в окно, прислушиваясь к ее шагам, скрипу рамы, которая все никак не хотела открываться...

Через некоторое время заглянув в комнату, я увидела, что Настя лежит на диване, подложив под щеку ладошку, дыхание ее было ровным, а глаза закрыты. Я стояла, смотрела на нее, борясь с желанием зареветь. От бессилия, от обиды? А может, от жалости? Вдруг она все поймет, когда будет уже слишком поздно? Я поспешила вернуться в кухню, прикрыв за собой дверь. Вскоре вернулся Славка. Поставил пакет с продуктами на лавку в углу и занял место напротив меня. Не знаю, сколько мы просидели так, пока он не сказал, прислушиваясь:

— Кажется, у нас гости.

Я кивнула в ответ.

Шум двигателя стих, потом раздались шаги, входная дверь распахнулась, и в кухню вошел Стас. Приподнял очки, переводя взгляд с меня на Славку.

— Привет, Принцеска, — сказал весело. Он приблизился, ногой придвинул стул, сел, поглядывая на нас с усмешкой. Положил руки на стол и потер большие пальцы друг о друга. — Кто этот придурок? — кивнул он в сторону Славки. — Очередной кандидат в супруги? На твоем месте,

парень, я бы хорошенько подумал, прежде чем с ней связаться. У нее есть привычка скверно обходиться с мужьями. Один оказался на кладбище, а другой — в тюрьме. Ты рассказала суженому о своих маленьких шалостях? — повернулся он ко мне. — Облегчила душу? Нет? И правильно. Где Настя? — без перехода спросил он.

— В передней, — ответила я. — Спит.

— Пусть немного отдохнет, — кивнул Стас. — Мы пока поболтаем.

— Она позвонила тебе?

— Прислала эсэмэс. Написала, что ты привезла ее в какую-то деревню. Я решил, тебя, должно быть, потянуло в знакомые места, и оказался прав. Ну, как жизнь? Леха все еще сидит?

— Освободили год назад.

— За хорошее поведение? И где он? Я, признаться, был уверен, что ты опять за него замуж пойдешь. Станешь навещать в тюрьме страдальца.

— Я хотела, он не захотел.

— Да? Разумно. Может, ему повезет и он встретит кого-нибудь получше. Бабки втюхать ему не пробовала? Как компенсацию за годы страданий?

— Пробовала.

— Неужто не взял? — засмеялся Стас. — А ты, значит, улицы метешь. Нет бы жить в свое удовольствие. — Он сидел совсем рядом, а на меня навалилась страшная усталость, и все показалось бессмысленным. — Скажи-ка, Принцеска, ты зачем с Озеровым в ресторан отправилась? Захотелось на меня взглянуть? В то, что ты его любовница, я ни на минуту не поверил. Уж очень

он вокруг тебя вертелся и смотрел маслено. Когда трахают бабу несколько лет, так не смотрят. У твоего дружка, кстати, вид голодный. Ничего не перепадает, парень? Слушай, Принцеска, а ты, часом, не монашествуешь в миру? Что-то вроде епитимьи? Годы воздержания дурно сказываются на характере. Вот у тебя крышу и снесло, с чего тебе вздумалось увозить девчонку?

— У тебя ничего не получится, — сказала я спокойно. — Я тебе не позволю.

— Что, — поднял он брови, — ты мне не позволишь? — Он засмеялся, покачав головой, потом откинулся на спинку стула. — Что ты себе напридумывала, дура? Я люблю эту девочку. Поняла? Я бы взял ее, даже если б у нее не было ни гроша за душой. Это от тебя меня просто тошнило. Мне ты была не нужна даже с довеском в миллион. И не пытайся ее настроить против меня, ничего не выйдет. Ты просто сука, взбесившаяся от ревности.

— Ты сказал правду? — спросила я, заглядывая в его глаза, синие, бездонные.

— То, что ты сука? — усмехнулся он.

— Что ты любишь ее.

— Я люблю ее, — с улыбкой произнес он. — Она моя жена, и мы будем жить долго и счастливо.

В этот момент дверь передней распахнулась, и Настя закричала:

— Стас! — Голос ее звенел от счастья.

Он поднялся, обнял ее и сказал нежно:

— Маленькая моя. Испугалась?

— Нет, я... Стас...

— Идем, милая. Все хорошо. Ничего не бойся.

Они направились к выходу, Стас распахнул перед Настей дверь, он уже стоял на пороге, когда повернулся ко мне:

— А знаешь, что самое забавное, Принцеска? Для тебя ведь ничего не изменилось. Я скажу: «Сунь голову в петлю», и ты сделаешь. — Он весело мне подмигнул и шагнул вслед за Настей.

Я поднялась, прошла в комнату и встала у окна. Я видела, как Стас сел в темно-зеленый джип с питерскими номерами, а Настя в свою машину, он махнул ей рукой в открытое окно, и они не спеша тронулись с места. Славка подошел и встал за моей спиной.

— Давай обойдемся без вопросов, — сказала я.

— А я и не собирался ничего спрашивать. Эта сволочь...

— Он сказал правду. Все, что он сказал, — правда.

— Чушь.

— Если бы, — усмехнулась я.

— Он убил Озерова, а ты боишься идти в милицию, потому что...

— Никого он не убивал. С какой стати? Это я убила своего мужа, а в тюрьму сел невиновный. Стас об этом знает. Вот и все.

— Кого ты пытаешься обмануть? — вздохнул Славка. — Ладно, потопали, нам еще надо как-то добраться до города.

До города мы добрались довольно быстро, на рейсовом автобусе. Когда мы оказались в квартире, Славка стал готовить ужин, а я, по обык-

новению, устроилась на диване. Мысли о Насте не давали покоя. Мне очень хотелось верить, что Стас сказал правду и она рядом с ним в безопасности. Однако сомнения меня не оставляли, и я ломала голову, пытаясь найти выход из ситуации. Собственно, выбор был невелик, и я с тяжелым вздохом пошла звонить бывшему мужу. Год назад Олег женился и с тех пор ни разу у меня не появлялся, но я решила, что не грех его побеспокоить. Рабочий день уже закончился, пришлось звонить домой. Трубку взяла его жена и, само собой, мне не обрадовалась. Я принялась что-то путано объяснять, тут в трубке раздался голос Олега Викторовича.

— Привет, — сказал бывший.

— Извини, что звоню домой, дело срочное.

— Что еще за дело?

— Сегодня Настя Озерова едва не оказалась под колесами машины. Я уверена, ее хотели убить. Твои орлы вряд ли особо расстараются, если я приду к ним со своими догадками. Вот я и звоню тебе. Девчонке нужна охрана.

— Ага, — без энтузиазма буркнул он. — А можно потолковее? Что случилось?

— Около двух часов рядом с моим домом Настя переходила дорогу, вдруг появилась «девятка». Водитель летел на большой скорости. Кончилось тем, что он въехал в фонарный столб и сейчас, скорее всего, лежит в больнице, если вообще жив.

— Чепуха какая-то. — Олег задумался. — Ладно, разберусь.

Разбирался он недолго, потому что через час уже звонил мне.

— Что ты мне голову морочишь? — спросил Олег со злостью. — Была авария возле твоего дома. Парень погиб. Только какое это имеет отношение к убийству Озерова?

— Говорю тебе, он хотел сбить девчонку, я видела, как все было.

— А ты, случаем, не фантазируешь? Водитель не справился с управлением. Слава богу, никто, кроме него, не пострадал. Если ты при этом присутствовала и у тебя возникли подозрения, почему не дождалась ментов и все им не рассказала?

— Соображала плохо.

— А сейчас хорошо соображаешь?

— Мне что, отцу звонить? — не выдержала я.

— Фенька, — вздохнул Олег, — допустим, девчонка действительно едва не погибла в результате дорожно-транспортного происшествия. Но при чем здесь убийство Озерова, я понять не могу? С какой стати девушку кому-то убивать, если убийца ее отца уже в тюрьме.

— Что? — растерялась я. — Как в тюрьме? Кто он?

— Что ты мне в ухо орешь? Предполагаемый убийца Вялов Игорь Максимович.

— Так вы его нашли?

— Он сегодня сам явился, с повинной. Во всем покаялся. Отец отказался дать ему денег на новую машину, чем вызвал праведный гнев и священную ярость. Теперь машина ему вряд ли понадобится.

Я таращилась на стену и молчала, Олегу это надоело, и он отключился. А я набрала номер Агаты.

— Пошла ты к черту, — заявила сестрица, как только поняла, кто звонит. — Ни видеть, ни слышать тебя не хочу.

— Согласна. Только скажи, что там с Вяловым?

— Повезло тебе, сестрица, — издевательски сообщила Агатка. — Убийца проявил сознательность, предал себя в руки правосудия. А ментам-то радости, по горячим следам убийство раскрыли в рекордно короткие сроки.

— Он действительно сам явился?

— А то... правда, с разбитой рожей и жутко напуганный. Рассказал про несчастливое детство и богатого папочку, который знать его не хотел.

— Думаешь, убил не он? — спросила я, не обращая внимания на тон сестрицы.

— Может, и он, — помолчав, ответила она. — История совершенно идиотская. Озеров не хотел знать сына долгие годы, и вдруг в нем отцовские чувства пробудились. Он пытался сделать из парня человека, а тому и так было хорошо. Игорь хотел от папы денег, а папа деньги предлагал зарабатывать. Вялову понравилась тачка, он пошел к папе за бабками, а тот выставил его за дверь. Тогда он явился еще раз и шваркнул папу вазой по голове. И забрал деньги из сейфа, тридцать тысяч баксов. На тачку, правда, не хватило. История на редкость глупая, но таких историй пруд пруди.

— Тогда что тебе не нравится?

— Разбитая рожа и внезапное желание покаяться. Сорвался в бега, так уж и бегал бы...

— Может, ему некуда бежать...

— Тридцать тысяч баксов все-таки деньги, на первое время ему хватило бы. Уж очень он напуган. Думаю, покаяться ему кто-то посоветовал. Про то, как убивал, рассказывал вполне правдоподобно. В пятницу поздно вечером он приехал к отцу, дома того не застал и решил, что это его шанс. Сын знал о сейфе в кабинете отца и о том, где он прячет ключ, тоже знал. Один раз Вялов своим знанием уже воспользовался, но тогда это ему сошло с рук. Он надергал из пачек по сотке долларов, отец этого даже не заметил. Вряд ли Игорь всерьез рассчитывал, что ему и на этот раз повезет, но все же был настроен решительно, уж очень ему машина понравилась. В сейфе оказалось только тридцать тысяч, это парня расстроило. Тут и папаша явился, к тому же не один. А накануне, когда они скандалили из-за нежелания родителя раскошеливаться, Озеров заявил, что больше сыночка знать не желает. Вот парень и решил: дела его никуда не годятся. Покинуть кабинет, чтоб на отца не нарваться, не мог. А тот, обнаружив Игоря в доме, вполне был способен позвонить в милицию. В общем, Вялов так перепугался, что огрел папеньку вазой, которая под руку подвернулась. Утверждает, что убивать не хотел. Надеялся, у родителя голова крепкая. — Я слушала сестру и вспоминала наш разговор со Славкой во дворе дома, где жила мать Вялова.

Такое впечатление, что он действительно ясновидящий. Агатка между тем продолжала: — Девушка его подтвердила, что ночью с пятницы на субботу Вялов отсутствовал до четырех часов утра. Да еще рубашку попросил выстирать, а на ней кровь была. Подружке сказал, что с хулиганами подрался. Она не очень-то поверила, они разругались, и Игорь ушел к матери. Та поначалу сынка защищала, хоть и перепугалась, когда услышала об убийстве Озерова... Ей их внезапная привязанность очень не нравилась, особенно то, что сын стал бывать в доме папаши. Чувствовала — до добра это не доведет. Так и вышло. Потом ты явилась к Вялову домой, он в тот момент отсиживался у матери, тебя узнал сразу и забеспокоился, решил, что ты его в ту ночь видела. Оттого и рванул в бега. Но недалеко. О том, как он тебя вазой огрел, ментам тоже рассказал вполне правдоподобно, а вот дальше начал путаться. Вроде хотел забрать деньги и смыться, но потом труп вывез в лес. Зачем, внятно объяснить затрудняется. Вроде надеялся, что Озерова не сразу хватятся. Довольно глупо, если он тебя в живых оставил. Может, думал, что ты после соприкосновения с вазой памяти лишилась и ничегошеньки не вспомнишь? А может, у него с головой большие проблемы. В общем, спи спокойно, сестрица, если сможешь...

— Подожди, — перебила я. — У тебя все-таки есть сомнения?

— А у тебя? — усмехнулась Агатка и повесила трубку.

Славка стоял в дверях кухни, наблюдая за мной.

— Что? — спросил он нетерпеливо.

— Вялов пришел с повинной, — хмуро бросила я.

— Так это же хорошо? — с некоторой неуверенностью сказал он.

— Чего хорошего? Кажется, я дурака сваляла. Мне не следовало увозить Настю, надо было ментов дождаться и попытаться убедить их в том, что на ее жизнь покушались. А теперь... убийца Озерова найден, и Настя попросту никого не интересует. Дорожно-транспортное происшествие с ней не свяжут, а меня никто не будет слушать...

— Что сделано, то сделано, — пожал Славка плечами. — Ответь честно, чего ты боишься?

— Ты же сам сказал, на ее наследство полно охотников.

— Не увиливай. Я задал тебе вопрос. Ты подозреваешь Стаса? Именно это тебя беспокоит? — Отвечать я не собиралась, и Славка это понял. Покачал головой и сказал со злостью: — Неужто ты любишь эту сволочь? — Отвечать на этот вопрос я тем более не испытывала никакого желания.

— Кстати, — усмехнулась я, — тебя можно поздравить. Если верить рассказу Вялова, все произошло именно так, как ты и предполагал.

— Я просто следовал логике, — пожал Славка плечами, приглядываясь ко мне.

— Да? У тебя талант. В шоу выступать не пробовал?

— Что, черт возьми, ты этим хочешь сказать? — не выдержал он.

— Только то, что ты чрезвычайно занятный парень.

Утром, вернувшись с родного участка, я столкнулась со Славкой в дверях ванной. Свежевыбрит, волосы зачесаны назад, вид щегольской.

— Ты так и будешь торчать в моей квартире? — не очень-то любезно спросила я.

— Мы же договорились, я снимаю комнату соседа.

— По мне, так ты загостился. И чем ты собираешься платить за комнату, если на работу так и не устроился?

Славка смотрел на меня с печалью, и это по неведомой причине разозлило еще больше. Я усмехнулась и отвела взгляд.

Он ушел в комнату Мин херца, вернулся через минуту и положил на кухонный стол деньги. Я как раз собиралась выпить чаю. На деньги взглянула без интереса.

— Этого хватит? — спросил он.

— За глаза.

— А на работу я устроюсь, не беспокойся.

— Беспокоиться надо тебе, — буркнула я.

Он стоял с таким видом, точно понятия не имел, что ему делать дальше.

— Хочешь, чтобы я ушел? — наконец задал он вопрос.

— Можешь оставаться, только глаза не мозоль.

— Я просто хотел помочь.

— Ты помог. У меня больше нет проблем, надеюсь, у тебя тоже.

Он развернулся и ушел в комнату Мин херца, а через десять минут уже стоял возле входной двери. На плече висел рюкзак, о его наличии я и не подозревала.

— С вещами? — крикнула я из кухни, злясь на себя неизвестно за что.

— Да.

— Деньги забери.

— Перебьюсь.

Он открыл дверь, а я позвала:

— Эй, а ты с именем точно ничего не напутал?

— Дура, — отрезал он и ушел.

— Что верно, то верно, — пробормотала я.

В пустой квартире вдруг стало неуютно. Я сидела за столом, пила чай и ждала. Почему-то мне казалось, что Славка вернется. Но, похоже, в его планы это не входило. «Что я к нему прицепилась? — подумала я с внезапной горечью. — Пусть бы жил...» Однако он недолго занимал мои мысли. Вчерашний разговор с Агатой не давал мне покоя. Что, если сестрица права и Вялова попросту вынудили признаться в убийстве? Такой обвиняемый устроит всех. Когда Настю едва не сбила машина, он, если верить бывшему (а кто же ему не поверит?), уже давал показания, то есть быть причастным к ДТП никак не мог,

даже если допустить шальную мысль, что у него был сообщник. Допустим, Озерова убил он, но дальнейшие действия Вялова выглядят, мягко говоря, странно. Зачем ему таскаться с двумя бездыханными телами, ожидая каждую минуту, что я очнусь и его увижу? Нет, во всем этом слишком много неясностей. И вполне вероятно, что невиновный человек вновь окажется в тюрьме. А мне что теперь делать? Жить и радоваться, что для меня все так удачно закончилось? Радоваться не получалось. Я думала то о Вялове, то о Насте, то возвращалась мыслями к Стасу, чувствуя, как меня охватывает тоска.

Я бродила по квартире, то и дело натыкаясь на мебель, чертыхалась, садилась, обхватывала голову руками, вновь вскакивала. За окном стемнело, и мне стало ясно: находиться в квартире я больше не в состоянии. Подумала некстати: пока здесь жил Славка, охота к ночным прогулкам меня оставила. Теперь придется возвращаться к прежним привычкам.

Не успела я его помянуть, как в дверь позвонили. С некоторым удивлением я пошла открывать, гадая, кого принесло в такую пору. Должно быть, это Агата. Хоть сестрица и зареклась меня видеть... На пороге стоял Славка. Лицо хмурое, взгляд сердитый.

— С жильем в городе проблемы? — съязвила я и тут же дала себе слово язык попридержать.

Славка вошел, бросил рюкзак и устроился на табурете в прихожей.

— Почему ты спросила меня об имени? — ус-

тавившись на меня, задал он вопрос. — Ты же видела паспорт.

Я закатила глаза.

— Подумаешь, паспорт...

— Ты... ты считаешь, что я врал?

— Кто тебя знает, — вздохнула я, привалившись к стене напротив.

— И кем я могу быть, по-твоему? — не унимался он.

— Лучше сам расскажи.

Он невесело усмехнулся.

— Я бы с удовольствием. Только вряд ли ты захочешь слушать. Если тебя кто-то и интересует, то точно не я. — Он помолчал немного, покачал головой. — Не уверен, что правильно поступаю... В общем, я узнал, тот парень на «девятке», что разбился вчера ... — Он вновь замолчал, и я его поторопила:

— Не тяни. Так что парень?

— Его частенько видели в сомнительной компании. Вполне вероятно, он человек Ломакина.

— Димки?

— Да.

— От кого ты это узнал?

— Какая разница? — поморщился он.

— Слушай, а тебя в сомнительной компании не видели? Может, по этой причине тебе так полюбилась моя жилплощадь?

— Ты поняла, что я сказал? — начал он злиться. — Вполне вероятно, Настю хотел убить Ломакин. Ломакин, а вовсе не твой Стас.

— Ага, — кивнула я и направилась в кухню,

но вдруг замерла: смысл сказанного наконец-то дошел до меня.

— Черт... — выругалась я. — Надо немедленно их предупредить. — Я не сразу поняла, что сказала это вслух. Бестолково огляделась, Славка наблюдал за мной с усмешкой.

— Бросишься его спасать? — отводя взгляд в сторону, спросил он язвительно.

— Стас не один.

— А если бы был один?

— Надо позвонить Насте... — не обращая внимания на его слова, сказала я. — Узнай в справочной телефон: улица Каменщиков, дом в конце улицы... черт, номер дома не помню...

— Успокойся, я узнаю, — поднимаясь с табурета, сказал Славка, подошел к телефону и стал звонить. Я бестолково сновала рядом. Номер он в конце концов получил, а потом мы вместе слушали длинные гудки.

— Может, они уехали? — пробормотала я. Тревога все нарастала, теперь мне казалось, что дорога каждая минута, мы тратим время впустую, а между тем...

Славка пожал плечами:

— Ужинают где-то или просто не подходят к телефону.

— Настя говорила, что живет в доме отца, — вспомнила я. — Точно.

В справочной номера не оказалось — преуспевающий бизнесмен, видно, не желал, чтобы его беспокоили все кому не лень.

— Придется ехать, — сказала я.

— Конечно, — усмехнулся Славка. — Как же иначе? Уверен, Настя рассказала ему о том, что вчера произошло. И о проблемах ее отца ему тоже хорошо известно. Может, тебе просто не терпится увидеть его снова?

Мне было плевать на его слова, я схватила ключи от машины и бросилась к двери. Славка отправился со мной.

— Я сяду за руль, — сказал он уже на улице. — Ты чересчур нервничаешь.

— Садись, только помалкивай.

Он так и сделал, молчал всю дорогу. Только когда свернули на улицу, где жил Озеров, буркнул:

— Джип видишь? — Машина стояла в проулке в нескольких метрах от дома Озерова. — Пожалуй, мы не зря спешили, — тревожно добавил он.

В окнах второго этажа горел свет. Когда мы подъехали к воротам, я выскочила из «Ауди» и нажала кнопку переговорного устройства, с беспокойством подумав, что Стас, увидев мою машину, скорее всего, звонок проигнорирует.

— Да? — Голос Насти звучал едва слышно.

— Надо поговорить, — сказала я. Калитка не открылась, зато ворота начали медленно подниматься, и я услышала голос Стаса:

— Заезжай.

Через несколько секунд мы тормозили возле гаража. Я поднялась на крыльцо, Славка следовал за мной. Дверь открылась, и мы вошли в холл. Стас стоял в трех шагах от нас, сунув руки в

карманы брюк, Настя прижималась к нему и вновь показалась мне похожей на воробышка.

— Это Димка, — не очень толково начала я. Стас усмехнулся.

— Лавры папаши покоя не дают. Спит и видит себя крутым бандитом.

— Боюсь, он настроен серьезно, — заговорил Славка. — Тут неподалеку джип пристроился.

— Видел. Дальше по улице еще один. Но в дом они вряд ли сунутся. Рискованно.

— Звони ментам, — кивнул Славка.

— И что я им скажу? На улице стоят два джипа?

— Учитывая, что отца девушки на днях убили, это должно их насторожить.

— Допустим. Вопрос, что будет завтра?

— Стас прав, — заметила я. — Надо сматываться из города. Прямо сейчас.

— Точно, Принцеска. Но это проблематично.

— С Ломакиным можно договориться, — сказал Славка. — По крайней мере, попытаться. — Стас усмехнулся, а я вздохнула. — Я чего-то не знаю? — Славка нахмурился. — Есть еще что-то?

— Ага. Как же без этого, — ответил Стас. — Парень и так ждал слишком долго.

— Они видели, как мы подъехали, — сказала я. — В темноте пассажиров не разглядишь. Мою тачку они, скорее всего, знают. Вы с Настей поедете на ней. Я на твоей. Выезжаем одновременно, а дальше в разные стороны. Если повезет, вы проскочите. На худой конец, у вас на хвосте будет одна машина, а не две. Если все пройдет

гладко, доберетесь до ближайшего города, там тачку бросите...

Стас с минуту разглядывал пол, размышляя.

— Ты рискуешь, — заметил он.

— Брось, кто меня тронет, дочку прокурорскую.

— Хорошо, — без особой охоты согласился он. — Настя, у тебя есть пять минут, чтобы собрать вещи.

Они ушли, а мы остались ждать в холле. Славка молчал, что меня порадовало. Наконец Стас с Настей вернулись.

— Выйдем через гараж, — сказал Стас.

— Когда мы уедем, — шепнула я Славке, — выждешь время и смоешься. Лучше всего утром, так безопасней.

— И не мечтай, — хмыкнул он. — Я еду с тобой.

— Зачем? Что ты прицепился как репей?

— Не трать время на разговоры.

Мы спустились в гараж, Стас открыл ворота, Славка занял водительское кресло в его машине, я плюхнулась рядом, наблюдая, как Стас и Настя садятся в мою «Ауди», радуясь, что нас надежно скрывают ворота и парни на джипе не могут видеть, кто куда садится.

Стас сдал назад, позволяя нам выехать из гаража. Вернулся, закрыл ворота. Проходя мимо, наклонился к моему окну, постучал. Я опустила стекло.

— Будь поосторожней, — глядя куда-то вбок,

сказал он, я кивнула, злясь на то, что он теряет время.

— Ну, что? — подмигнул мне Славка. — Устроим гонки с препятствиями?

Ворота открылись, «Ауди» развернулась и рванула с места. Славка не спешил, выехал из ворот, нажал кнопку пульта, ворота поползли вниз.

— Ты что, спятил? — не удержалась я.

— Спокойно. Хозяева покидают дом, поэтому вполне естественно ворота закрыть. — У джипа впереди вспыхнули фары. — А вот сейчас быстро, — пробормотал Славка, набирая скорость.

Джип стремительно появился из переулка. Мы едва успели проскочить, чудом избежав столкновения с ним.

— Надеюсь, они не смогли нас разглядеть.

Впереди я увидела огни своей машины. Посмотрела в зеркало заднего вида, джип нагонял нас, почти вплотную к нему двигался второй.

На повороте Стас свернул направо и направился в город. Мы свернули налево. Оба джипа повисли у нас на хвосте.

— Кажется, твоя затея удалась, — подмигнул мне Славка. — Впереди пост ГАИ, вряд ли они будут особо наглеть, так что несколько минут в запасе у нас есть.

Перед постом ГАИ Славка сбросил скорость, машины сзади тоже. Но как только пост остался позади, мы понеслись как угорелые. Я на всякий случай пристегнулась. Движение на трассе, несмотря на поздний час, было оживленным, и

Славке приходилось нелегко. Он оказался на редкость способным водителем, правда рискованным, особенно когда шел на обгон. В зеркало я следила за нашими преследователями, один из джипов заметно поотстал, зато другой медленно, но уверенно сокращал расстояние. Я перевела взгляд на стрелку спидометра, Славка выжимал из машины все возможное.

— Только бы на гаишников не нарваться, — проворчал он. — Сколько прошло времени?

— Минут двадцать.

— Надеюсь, Стас успеет покинуть город. По прямой они нас в конце концов догонят.

— Есть идеи?

— За мостом свернем на объездную и рванем к городу, там есть шанс затеряться.

Мы спустились под мост, выскочили на объездную, километров через двадцать Славка вновь свернул.

— Куда ты? — удивилась я.

— Я подумал, если парни не дураки, то вызвали подмогу, и мы угодим им прямо в объятия. Придется попетлять.

Петлял Славка ловко, но скорость ему пришлось сбросить. Те, что висели у нас на хвосте, об этом даже не подумали, правда, когда первый из джипов едва не улетел в кювет на повороте, им пришлось слегка притормозить.

Слева появились садовые участки.

— Бросим машину и где-нибудь спрячемся, — предложила я. — Пусть поищут.

— Не выйдет. Мне не оторваться, а значит, далеко не уйдем. Ты боишься? — вдруг спросил он.

— Не знаю. А ты?

— Мне не положено. Я девушку спасаю. Хотя, выходит, вовсе не девушку, раз она тоже кого-то спасает.

— Чего тебе в доме не сиделось?

— Я непоседа. Черт, — рявкнул он.

— Что случилось? — испугалась я. И тут поняла, в чем дело.

Первый джип свернул направо на проселочную дорогу, которую мы проскочили, не заметив, и теперь на сумасшедшей скорости несся параллельно нам. Если впереди выезд на трассу... Стрелка спидометра легла вправо, деревья мелькали в темноте и были похожи на сказочных существ с длинными узловатыми лапами. «Мы успеем, успеем», — мысленно повторяла я.

Джип опередил нас всего на мгновение. Черная махина появилась на дороге, загораживая проезд. Славка едва смог затормозить.

— Все, — выдохнула я и закрыла глаза. Обе двери разом распахнулись.

— Вылазь, — пролаяли над ухом. — Отбегались.

Кто-то ухватил меня за шиворот и выволок из салона. Второй джип к тому моменту пристроился сзади. Славка стоял возле открытой двери, держа руки на крыше машины. Вокруг сновало человек пять головорезов, все деятельные и страшно злющие.

— Твою мать, — прорычал верзила в джинсо-

вой куртке, разворачивая к себе Славку. — Это не он. Где Малахов? Убью, зараза.

— И сучка не та, — с душевной болью заметил тот, что держал меня за шиворот, и вздохнул: — Чего делать-то будем?..

— Кренделей получать, — ответил верзила. — Провели как лохов. Звони, — кивнул он приятелю.

Тот отошел в сторонку и стал звонить по мобильному.

— В чем дело, мужики? — подал голос Славка. Лучше бы ему помолчать, схлопотал он незамедлительно. Согнулся пополам с протяжным «ё-ё», а верзила в сердцах еще раз навернул ему коленом.

— Где Малахов, спрашиваю?

— Уехал.

— Ты, тварь, поостри еще. Куда уехал?

— Домой, то есть я хотел сказать, у Насти квартира в центре, туда и поехали. А что случилось-то?

— Вот ты нам сейчас и расскажешь.

— Послушайте, — заволновался Славка. — Вы объясните, что происходит, в конце концов? Если вам нужна машина — забирайте. Денег у нас нет, можете обыскать. И мой вам совет, девушку не трогайте. Ее отец — прокурор области, на фига вам лишние неприятности?

— Ты мне что, грозить вздумал? — разозлился верзила, но как-то чувствовалось, что о неприятностях задумался. Славку обыскали, ничего, кроме бумажника, не нашли и вроде бы обиделись. Верзила заглянул в бумажник, поморщил-

ся, сунул его в свой карман и полез к Славке: — Лучше скажи, с какой стати ты на чужой тачке раскатываешь? Своей нет?

— Взял машину у приятеля, ну и что тут особенного?

Все это время я стояла с понурым видом, демонстрируя испуг и недоумение. Некоторый испуг, конечно, имел место. Идея познакомиться с придурками поближе не вызывала у меня энтузиазма, однако легкий трепет пересиливало беспокойство за Стаса и Настю. Чем дольше мы здесь стоим, тем больше у них шансов беспрепятственно покинуть город. Оттого я и решила выступить с сольным номером.

— Ребята, а вы нас ни с кем не спутали? Мы едем себе спокойно, никому не мешаем, и вдруг такое счастье. Не худо бы вам все-таки объяснить, что происходит.

Верзила, который, судя по всему, был здесь за главного, взглянул на меня без удовольствия.

— Советую тебе пасть не разевать, — сурово заметил он, но охоту поболтать у меня этим не отбил.

— Не хочу вас обидеть, но ведете вы себя как законченные придурки.

Верзила шагнул ко мне и замахнулся, парнем он оказался нервным, а тот факт, что Стаса он прошляпил, как видно, вызвал в его душе жгучую обиду. Я вжала голову в плечи и зажмурилась. К тычкам я не приучена, но сейчас и хорошую затрещину не сочла бы чем-то особенно

страшным. Однако парень, что стоял рядом, вдруг шагнул вперед, загораживая меня.

— Перестань, — сказал он укоризненно. — Ты что, с бабой драться собрался?

Я посмотрела на него с благодарностью, а на верзилу с усмешкой. Чужое благородство прибавило мне отваги.

— Ладно, — кивнул тот, посверкивая глазками. — Порезвись немного. Скоро наглости в тебе поубавится.

— Я и не собиралась наглеть, — удивилась я. — Может, иногда в разговоре прорывается что-то похожее на нахальство, но я с этим борюсь.

Неизвестно, чем бы закончился этот словесный поединок, но тут к нам приблизился тип, звонивший по телефону.

— Этих в джип, — скомандовал он. — Поехали.

— Куда поехали? — заволновался Славка. — А машина как же, мужики?

— Она тебе больше не понадобится, — осчастливил верзила.

Через мгновение мы со Славкой оказались на заднем сиденье джипа, стиснутые с двух сторон решительного вида ребятками. Однако если я чувствовала себя не очень-то уверенно, то они, пожалуй, и того хуже. Видно, опасались нагоняя от своего хозяина. Я пыталась успокоить себя тем, что у Стаса было достаточно времени покинуть город. Теперь волновал меня только Славка, точнее сказать, его ближайшее будущее. Как бы под горячую руку ему как следует не наваля-

ли. Если учесть, что он в этом деле сбоку припека, будет обидно.

Между тем мы на приличной скорости устремились к городу. Когда впереди показались силуэты ближайших домов, джип свернул и вскоре стал петлять по промзоне. В принципе мне было без разницы, куда нас везут, но в окно я все-таки поглядывала, жаль только, мало что видела. Машина поехала медленнее, парень, сидевший за рулем, поглядывал по сторонам, совсем как я, будто боялся не найти дорогу. Несколько раз мы сворачивали, наконец перед нами возник внушительного вида забор с железными воротами. Водитель затормозил и начал сигналить. Ворота открылись, и мы въехали в просторный двор: слева постройки, похожие на склады, справа двухэтажное здание из белого кирпича.

— Ну, вот и прибыли, — заявил мне верзила, он сидел впереди, но счел необходимым повернуться и выдать мерзкую улыбочку. — Посмотрим, как ты сейчас запоешь.

Говорил он с издевкой, но при этом сам здорово нервничал. Похоже, предстоящее свидание с боссом и его не особо радовало. Подбадриваемые тычками в спину, мы поднялись по ступенькам. Массивная дверь с глазком распахнулась, и я увидела еще одного решительного типа, он посторонился, пропуская нас. Здание, в котором мы оказались, было, скорее всего, офисом, по крайней мере, выглядело как большинство контор: пластиковые потолки, плитка под мрамор

под ногами, крашенные голубой краской стены. В общем, ничего зловещего.

Узким коридором мы прошли к неприметной двери, здоровяк забежал вперед и предусмотрительно постучал, ему никто не ответил. Приоткрыв дверь, заглянул в комнату, потом повернулся к нам, распахивая створку пошире.

— Заходи, — буркнул сердито.

Мы оказались в небольшой комнате с окном, забранным решеткой. Письменный стол, четыре стула, стеллажи с документацией. Обычный кабинет, в котором граждане проводят время с 8 до 17.00, кто с большой пользой для себя, а кто вовсе без всякой пользы. Пока я оглядывалась, верзила кивнул нам на стулья, предлагая устраиваться. Мы сели и стали ждать, что будет дальше. Один из парней остался с нами, верзила и еще двое из тех, что нас сюда сопровождали, удалились. Маеты на их лицах лишь прибавилось.

Время шло, а ничего не происходило. Славка то и дело поглядывал на меня и силился улыбнуться. Наверное, таким образом рассчитывал вселить в меня уверенность. Я с длинной и довольно бестолковой молитвой обратилась к господу, призывая его обратить внимание на наше бедственное положение и посодействовать тому, чтобы Славка благополучно выбрался из передряги. Парень, пристроившийся на стуле возле окна, неутомимо таращил на нас глаза, пресекая все попытки заговорить.

Наконец дверь распахнулась, и в комнату вошел молодой мужчина. Высокий, крепкий, свет-

ловолосый. Симпатичное лицо, на котором тут же появилась улыбка. Я бы назвала ее обаятельной, если б не была уверена, что ничего хорошего от ее обладателя ждать не приходится.

— Привет, прекрасная дворничиха, — весело сказал он и сел за стол напротив нас.

— Здравствуй, Дима, — спокойно ответила я, сообразив, кто передо мной. На Вадима он был не похож, точнее, что-то знакомое в его облике угадывалось, но не настолько, чтобы сразу указать на родство. А вот глаза были отцовские. И от этого мне стало не по себе. Словно сам Вадим сидел напротив, насмешливо глядя на меня.

— Ну, вот и встретились, — сказал Дима со вздохом, как будто ждал этой самой встречи долгие годы, а теперь вдруг между делом выяснил, что ждать, в сущности, было нечего.

— Да, — кивнула я. — Признаться, не ожидала встретить тебя в такой обстановке.

— Да ну? — засмеялся он. — А чего же к любовнику своему бросилась сломя голову? Да еще тачками с ним поменялась. Старый трюк, а смотри-ка, сработал, — вновь засмеялся он. — Значит, Стас смылся на твоей машине? — Тут Димка повернулся к двери, которую оставил открытой, и гаркнул: — Без этого стервеца лучше не возвращайтесь. Не мог он далеко уйти. Напрягите ментов, черт возьми, что, так трудно найти тачку?

Ответом ему было молчание, однако кто-то затопал по коридору, видимо, торопясь выполнить приказ. Парень у окна при появлении Дим-

ки заметно подобрался. Выходит, несмотря на обаятельную улыбку, тот внушал подчиненным трепет. Димка вновь повернулся к нам.

— Я все-таки предположу, что ты не особо удивлена нашей встрече, — сказал он мне, на Славку вовсе не обращая внимания, точно его здесь и не было.

— Учитывая смерть Озерова и ваши с ним разногласия, не особо.

— Хочешь сказать, это я его убил? — спросил Димка, глядя на меня с интересом, хмыкнул и покачал головой.

— Ну, у ментов как будто уже есть кандидат в убийцы, — ответила я, пожав плечами.

— Конечно. Как же иначе? Твой папаша старательно тянет дочурку из дерьма, вот убийцу быстренько и нашли. И сор из избы выметать не станут. Все как в прошлый раз, верно?

На это мне нечего было ответить, и я предпочла промолчать.

— Я-то думал, Стас тебя кинул и рванул в бега в одиночку, а у вас, оказывается, по-прежнему нежная дружба. Тем лучше для меня.

— Один из твоих людей лежит в морге после неудачного покушения на дочку Озерова, — дипломатично заметила я. Моя внезапная приверженность к дипломатии объяснялась вовсе не страхом быть растоптанной на месте. К великому сожалению, у Димки были веские причины обвинять меня во всех смертных грехах. Оттого я чувствовала себя весьма неуютно. Но мне хотелось наконец разобраться в этой истории, а зна-

чит, нужно его разговорить, и я добавила, разводя руками: — Так что логично предположить...

— Признаться, я подумывал о том, чтобы избавиться от Озерова, — кивнул он, — но, можешь мне поверить, сделал бы это по-другому.

— Вот как. Выходит, ты просто решил обыграть ситуацию?

— Почему бы и нет? — усмехнулся Димка.

Я кивнула.

— Если бы девушка погибла, это существенно облегчило бы тебе жизнь.

— И я так думал, пока не узнал, что Стас успел на ней жениться. Наш пострел везде поспел. Ловкий, сукин сын. — Димка помолчал немного, разглядывая меня, и произнес: — Он убил моего отца, и он мне за это заплатит.

— Твоего отца он не убивал, — мягко возразила я.

— Да брось ты. Думаешь, я поверю в сказочку о пьяном придурке? Никогда. Вы ловко все обстряпали, впрочем, учитывая, кто твой папаша, это было нетрудно. Но я-то знаю, как все было на самом деле. Отца я тебе никогда не прощу, — жестко закончил он.

— Твои чувства мне понятны, — сказала я. — Если они есть, конечно.

— Это ты о том, что особой любви к отцу я не испытывал? Ошибаешься. Знаешь, почему я не пошел на похороны? Не мог видеть наглую рожу Стаса. И твою тоже. Ты можешь говорить что угодно, но я уверен, Озерова тоже убил он. Не терпелось прибрать к рукам наследство! А ты ему

помогала. Как только я узнал, что ты была в доме Озерова, сразу все понял. Через годик-полтора Стас станет вдовцом в результате несчастного случая, который произойдет вдали от этого города. И ваши любящие сердца соединятся.

— Ты ошибаешься, Дима. По крайней мере, в том, что касается любящих сердец.

— Ага. И по этой причине ты на его тачке удирала от моих парней? — усмехнулся он.

— Меня Настя очень беспокоила. Точнее, твое намерение от нее избавиться.

— Благородно, — хмыкнул Димка. — Но верится с трудом. Ты уж извини, но сейчас речь не об этом. Есть ведь еще кое-что, верно? — Димка перегнулся ко мне, заглядывая в глаза, а я невольно поежилась, на мгновение вдруг вообразив, что передо мной действительно Вадим. — Стас в прошлый раз удрал не с пустыми руками?

Я постаралась ответить как можно спокойнее:

— Он не удрал, он уехал, дождавшись суда. Ты удивишься, но они с Вадимом были друзьями.

— Может, и были, пока ты не появилась. Кому из вас пришла идея убить отца? Ему или тебе? Или она посетила вас одновременно? Затея с завещанием, кстати, была неплохой, наследство получаю я, и повода убивать отца у тебя как будто нет. Но мы-то с тобой хорошо знаем: я получил далеко не все.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась я.

— Деньги, Фенечка, деньги. Что же еще, — вздохнул Димка, откидываясь на спинку стула и пристально глядя на меня.

Я кивнула.

— Твой отец действительно оставил мне деньги. В ячейке банка, которую снял на мое имя. Они в тумбочке под телевизором в моей квартире. Хочешь, возьми.

— Что, вот так и лежат в тумбочке? — вроде бы растерялся он.

— Так и лежат. Не поверишь, никто за эти годы на них не позарился.

— И сколько там? — спросил он заинтересованно.

Жаль было его разочаровывать.

— Не знаю. Пять-шесть банковских пачек. Долларов.

Димка вновь засмеялся, придвигаясь ко мне.

— Не пойдет, Фенечка. Отец был очень осторожен и никогда бы не доверился банку, внушительную сумму он предпочитал держать под рукой. На всякий случай. Учитывая обстоятельства, это было разумно. Так вот, знающий человек шепнул мне, что сумма на самом деле была очень внушительной. — Он сверлил меня взглядом, словно намеревался загипнотизировать. — Полмиллиона? Миллион? Отец всегда тяготел к круглым цифрам. Я склонен считать, что миллион, — с легким вздохом заметил он. К чему относился этот вздох, осталось загадкой. — Именно столько мне задолжал Стас. И если он хочет, чтобы ты ушла отсюда живой и невредимой, он мне их вернет. Вот такой расклад. А теперь подумай, как заставить любовника раскошелиться.

— У меня нет мыслей на этот счет, — ответила я честно. — А у тебя?

— Позвони ему. Растолкуй, что к чему.

— И он примчится сюда с долларами в чемодане? — Я засмеялась и покачала головой. — Очень наивно ожидать подобного. Он уедет, наймет лучших адвокатов, и они займутся наследством. А моя безвременная кончина останется им не замеченной. Так что придумай что-нибудь получше.

— Я должен в это поверить? — насмешливо спросил он, но, несмотря на насмешку, прозвучало это угрожающе.

— Тебе решать, верить или нет. Только все, что ты наплел здесь о предполагаемом сговоре и будущем воссоединении, не более чем фантазии.

— Расскажи это придурку, что сидит рядом с тобой, — хмыкнул Димка и впервые за все время обратился к Славке: — Ты-то каким боком в этой истории? Что за сказочку для тебя она приготовила? Башкой рискуешь, а ради чего? Не обольщайся на ее счет, ее ангельская внешность весьма обманчива. Отец тоже думал, что перед ним... — поток Димкиного красноречия внезапно прервался, видимо, он решил, что излишняя болтливость ни к чему. Он нахмурился и пододвинул мне мобильный: — Звони Стасу.

— Я даже номера его не знаю, — сказала я.

— Я знаю. Звони.

— Не буду, — покачала я головой и добавила: — Ввиду бесперспективности затеи. Ему пле-

вать на меня. Так стоит ли звонить, чтобы это услышать?

— Ну, что ж, — Димка улыбнулся. — Твоя жизнь зависит от того, получу я деньги или нет. Если ты права, то тебе не позавидуешь.

— Это точно, — не стала я спорить.

И тут обрел голос Славка:

— Простите, что вмешиваюсь, — сказал он нерешительно. — Я правильно понял: вы оцениваете жизнь этой девушки в миллион долларов?

— Ты правильно понял, — кивнул Димка.

— Отлично, — приободрился Славка. — Я согласен заплатить вам миллион.

— А он у тебя есть? — Димка смотрел с веселым озорством, но физиономия Славки была предельно серьезной.

— Вы хотите знать, располагаю ли я такой суммой наличных? Нет.

— Тогда о чем мы говорим?

— О миллионе долларов, разумеется. Их у меня нет в наличии, зато есть фирма, которая стоит значительно больше. Я уступлю вам ее за чисто символическую сумму.

— Тронут. И что за фирма?

— «Контакт». Уверен, вы о ней слышали.

Я-то точно о ней не слышала и смотрела на Славку, силясь понять, что он задумал. Между тем физиономия Димки слегка вытянулась, он молчал с полминуты, сверлил Славку взглядом.

— Ты... — наконец начал он, а Славка кивнул.

— Я — Смирнов Вячеслав Александрович.

Ваши ребята меня обыскали и забрали водительское удостоверение.

Димка с легким замешательством кивнул замершему у окна парню, который все это время с интересом прислушивался к нашему разговору. Тот поспешно снялся с места, исчез в коридоре, но через минуту вернулся. Суетливо протянул Димке бумажник. Тот открыл его, извлек удостоверение, посмотрел на фотографию, потом на Славку. Физиономия его вытянулась еще больше, а Славка деловито заговорил:

— Девушка останется в машине под присмотром ваших ребят, а мы отправимся к нотариусу и оформим сделку. Когда я все подпишу, произведем обмен. Я вам — документы, вы мне — девушку. И обещание, что вы оставите ее в покое раз и навсегда.

— И в каком месте смеяться? — выдержав паузу, спросил Димка.

— Что?

— Я спрашиваю, как ты намерен меня кинуть?

Признаться, этот вопрос и меня очень интересовал, потому что к тому моменту я поверила: фирма существует в реальности, по крайней мере, Димка в этом не сомневался. Разумеется, я не ожидала услышать на вопрос правдивый ответ, оттого терялась в догадках.

— Если у вас возникли сомнения, ничто не мешает вам проверить все самым тщательным образом, нотариуса выберите сами. Мы в это

время будем находиться здесь столько, сколько понадобится.

— Ты готов распроститься со своей фирмой из-за этой вот бабы? — нахмурился Димка, для верности ткнув в меня пальцем.

— Ну да. — Славка пожал плечами, судя по всему, не видя в предполагаемом обмене ничего особенного.

Теперь Димка молчал не меньше минуты.

— И что в ней такого, из-за чего у придурка вроде тебя крышу сносит? — со странной обидой спросил он, кивнув в мою сторону.

— Ничего, — покачал головой Славка. — Просто я ее люблю. Так мы договорились?

Димка опять замолчал, потом хохотнул.

— Что ж, я подумаю. — Он перебросил бумажник Славке, и тот не спеша убрал его в карман. — Запри их в подвале, — сказал Димка парню, который все это время стоял рядом с ним, приоткрыв рот и стекленея взглядом.

— Не возражаете, если мы будем вместе? — вежливо спросил Славка. — Мне спокойнее, когда она на глазах. А по дороге в подвал нельзя ли заглянуть в туалет? Я уже полчаса мучаюсь.

— Отведи, — вздохнул Димка, кивнув парню, и посмотрел на Славку так, точно повстречал бойкого красавца с черным пуделем, который посулил ему все удовольствия этого мира в обмен на бессмертную душу, то есть с большим сомнением, печалью и надеждой.

Парень ожил и шагнул ко мне, как будто на-

мереваясь заключить в объятия. Замер, покосился на Димку и сказал:

— Идемте.

Не успели мы выйти в коридор, как там появился еще один тип, тот самый, что не позволил верзиле надавать мне тумаков на дороге.

— Что? — спросил он с интересом.

— Велено запереть их в подвале, — сообщил наш конвоир и тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от наваждения. — Только сначала в туалет...

Нас повели по коридору, мы спустились в подвал, возле ближайшей двери ребята притормозили. Задумчивый распахнул ее перед Славкой.

— Спасибо, — сказал тот и скрылся за дверью, а мы остались ждать. Когда Славка вернулся, в туалет отправилась я, а мой недавний спаситель сказал:

— Отведи его, а я за девчонкой присмотрю. — И шагнул за мной, прикрыв дверь. Мы оказались в маленькой комнате с умывальником. Я покосилась на парня и спросила с сомнением:

— Ты боишься, что я смоюсь по канализационной трубе или просто извращенец?

Он привалился к двери и вдруг улыбнулся.

— Фенька, ты что, меня не узнала? — шепотом спросил он.

— Сережа? — удивилась я, наконец сообразив, кто передо мной. Трудно было узнать в этом красивом, уверенном в себе мужике шофера Ва-

дима, добродушного и недалекого Серегу. Да, время меняет людей. Он засмеялся.

— Ну, слава богу. А я смотрю, ты по мне взглядом мажешь, словно видишь в первый раз. Как дела? — подмигнул он. Глупее вопрос задать трудно, выходит, изменения коснулись только его внешности.

— Дела не очень.

— Не переживай, я что-нибудь придумаю, — посерьезнев, произнес он. — Что бы Димка ни болтал, я-то знаю, ты не убивала Вадима. Да ты бомжа, и того пожалела, а тут муж.

— Может, зря ты обо мне хорошо думаешь? — вздохнула я.

— Нет, не зря, — покачал он головой.

— Как бы твой приятель чего не заподозрил.

— Ерунда.

Я уединилась в кабинке, мысли мои были невеселыми, несмотря на слова Сергея, точнее, именно благодаря им. Когда я вышла, Сережа стоял в коридоре, улыбнулся и опять подмигнул. В самом конце коридора была дверь, возле которой томился Славкин конвоир. Вид у него был по-прежнему отрешенный. При моем приближении он распахнул дверь, и я увидела Славку, он шагнул мне навстречу. Местом нашего заточения оказалась небольшая комната с низким сводом и бетонным полом. Мебель здесь отсутствовала, так же как и окошко, зато дверь была добротной, обитая металлом, со стороны коридора она запиралась на засов и рождала ассоциации с застенком. Дверь закрылась, засов лязгнул,

и мы оказались в темноте. Славка взял меня за руку и сделал несколько шагов, достиг стены и опустился на пол. Я села рядом, чувствуя его локоть. Мы молчали, однако вскоре я не выдержала:

— Как ты надеешься его облапошить?

— Что? А-а. Никак.

— Никак? Ты отдашь ему фирму за здорово живешь?

— Ну да, отдам. Он разбогатеет на несколько миллионов. Есть придурки, которые свято верят, что это приносит счастье. Похоже, он из их числа.

— А ты в это не веришь?

— Я взрослый мальчик и успел поумнеть.

— Придурок ты, прости господи, — в досаде покачала я головой.

— Еще полгода назад я бы с тобой согласился.

— И что изменилось за полгода? — хмыкнула я.

— Долго объяснять.

— А куда мы торопимся?

— Тоже верно. Тогда, если позволишь, я начну издалека. У Озерова был внебрачный ребенок, которого он так и не признал.

— Ну, был, ты-то тут при чем?

— У меня похожая история. Мама училась в институте, влюбилась в однокурсника. Он сделал ей ребенка, а жениться не пожелал. И не признал меня своим сыном. Мать одна меня воспитывала, не ожидая от бывшего возлюбленного никакой помощи, а он, естественно, ее не предлагал. Я окончил школу, мечтал учиться в Англии. Денег на это, конечно, не было. И она первый и последний раз обратилась к отцу, напле-

вав на гордость. Он ее выгнал, сказав, что ничего слышать обо мне не желает. Это здорово задело — не мать, меня. Она-то знала, чего он стоит. Мой папочка был богатым человеком, очень богатым, ну, и я, задетый за живое, поклялся, что стану еще богаче, утру нос родителю.

— В Англию поехал?

— Ага, работал, учился. Потом вернулся сюда. Организовал свое дело, вкалывал как проклятый. Деньги прибывали, а я крутился как белка в колесе. День за днем, год за годом. Работа, работа, работа... Девушки, конечно, были. Много девушек. На одной я даже хотел жениться. Но как-то не получилось. Виделись мы редко, у меня времени не было, ей это надоело, и она нашла другого. Я об этом узнал, когда она позвонила и сказала, что замуж выходит. И очень удивился, что мы не виделись четыре месяца. Мне казалось, неделю, не больше. После этого хорошие девушки куда-то исчезли. Мне проще было со шлюхами, времени тратить не надо, никаких тебе обязательств. Потом мама заболела, казалось, вроде бы ничего серьезного, я к ней в больницу забегал минут на пятнадцать, толком поговорить некогда было, а через две недели она умерла. Одна. Я в Москву по делам уехал. Тошно стало, и я ушел с головой в работу, чтоб не думалось. Но мысли всякие уже тогда начали появляться. Неужто вот так всю жизнь и проживу? А полгода назад я встретился с папашей, на приеме. Он сам ко мне подошел, по плечу похлопал, назвал сыном и заявил, что гордится мною. Я улыбался, а

в душе была такая муть. Что ж я за человек такой, если эта мразь мною гордится? Тоска напала, хоть волком вой. Работа не в радость, да что работа... вся жизнь. Смотрел вокруг и думал, ведь должно, должно быть что-то, ради чего стоит жить.

— Ну, и надумал что-нибудь?

— Надумал, когда тебя увидел. — Я присвистнула и головой покачала, а он продолжил: — Меня бессонница замучила, и я взял за правило часов до двух ночи по улицам болтаться. Идешь себе не спеша, размышляешь. И однажды увидел девушку. Вывернула из переулка, а рядом с ней штук пять бродячих собак. Выглядело это довольно странно.

— Представляю.

— Ты шла по улице, а я за тобой, так и болтался до утра. Днем сидел на работе и не мог понять, отчего в голове пусто, пока не дошло. Я ночи жду. Прибежал в тот же переулок, а тебя нет. Я к твоему дому. Накануне я тебя до дома проводил, так что знал, где ты живешь. Сидел на скамейке, пытался отгадать, которое из окон твое. На следующий вечер пришел пораньше, потом носился по всему району и готов был реветь от отчаяния, словно мне года три и я потерялся. Иду к остановке, а ты возле сквера сидишь, собак кормишь... Конечно, я попытался узнать, кто ты...

— Преуспел?

— Я же старался.

— И что узнал?

— Ну, узнал, что твой муж погиб...

— И это показалось тебе очень романтичным? И за свои фантазии ты готов выложить миллион? Дурак ты, Славка. Редкий дурак. Думаешь, я по ночам брожу, потому что меня совесть мучает? Все гораздо хуже. Меня тоска гоняет оттого, что любовник бросил. Что совершила смертный грех за просто так. А не бросил бы, так я бы о грехе и не вспомнила, проживала б мужнины деньги и была счастлива.

— Нет, не была бы, — вздохнул он. — Я знаю.

— Да ничего ты не знаешь... не стою я миллиона, копейки, и той не стою.

— Ты дальше слушать будешь? — усмехнулся он.

— Валяй, — фыркнула я.

— Каждую ночь я брел за тобой и думал: сегодня непременно подойду. И не решался. Подойду, а дальше что? Не знаю, сколько бы я еще таскался за тобой по улицам, если бы те придурки ко мне не пристали, ты не пришла на помощь и я не оказался в твоей квартире.

— А я гадала, откуда тебя ветром надуло. Все передумала, даже решила, что ты внебрачный сын Озерова, потом вовсе за Димку приняла. Фантазии у меня тоже будь здоров.

— Ну вот, теперь фантазировать не надо. А что касается миллиона... Деньги заработаю, в этом я не сомневаюсь. Главное, чтобы ты была рядом.

— И тебя твой выбор не смущает? Мог бы найти девушку получше.

— Наверное. Только мне нужна ты. И не ду-

май, что я такой уж благородный, на самом деле мною движет корыстный расчет. Вдруг мой поступок произведет впечатление, и ты решишь, что я тот самый парень, с которым стоит умереть в один день. Желательно, прожив долгую счастливую жизнь.

— А если не решу? Потратишь миллион впустую? Ей-богу, дурак.

— Кому бы говорить. Я готов потерять деньги, а ты готова пожертвовать жизнью ради человека, который тебя предал.

— Ты тоже рисковал.

— Можешь мне поверить, не из-за твоего Стаса, — вздохнул он и добавил: — Фенька, ты мне ничем не обязана. Ничем. Это мое решение, мой выбор. — Он помолчал и неожиданно засмеялся: — А ты все-таки присмотрись ко мне получше, вдруг я покажусь тебе привлекательным.

— Ты чертовски привлекателен.

— А то... Замуж за меня пойдешь?

— Стоит подумать. Я, собственно, давно созрела для очередного замужества. Ужас, как надоело метлой махать.

— Я серьезно, Фенька, — тихо произнес он.

— Давай для начала выберемся отсюда. Я буду тебя разглядывать, а ты меня, и вполне возможно, ты решишь, что с предложением поторопился.

— А поцеловать тебя можно?

— Валяй, а ну как нас сегодня прихлопнут, хоть получу удовольствие напоследок.

— Ты все еще любишь его? — после паузы спросил он.

— Кого?

— Стаса.

— Отвяжись. В настоящий момент я могу думать только об одном — как было бы здорово оказаться в своей квартире.

— Это точно, — согласился Славка, обнял меня и покрепче прижал к себе, правда, обошелся без поцелуев.

О нас вроде бы забыли. Я затруднялась определить, сколько времени прошло, все еще ночь на дворе или уже утро. В кромешной тьме циферблат часов был не виден, а мобильный у Славки отобрали. Я задремала, и тут звякнул засов. Дверь приоткрылась, и в свете, что горел в коридоре, я увидела верзилу с очень странным выражением на физиономии. Парень словно зубами маялся.

— Привет, — сделала я ручкой. — Мы по тебе скучали.

Он дернулся в сторону, исчезнув из поля зрения, потом опять возник со сведенными у переносицы глазами и начал оседать на пол. Такое поведение даже при сильнейшем приступе зубной боли все-таки было странным. Славка поднялся в замешательстве и потянул меня за руку.

— На выход, — услышала я знакомый голос. В дверях появился Стас, поспешно убирая пистолет в карман куртки. Похоже, этим самым пистолетом он здоровяка и приложил. Было любопытно для разнообразия посмотреть, как по голове получает кто-то другой, а не ты.

— Где Настя? — подходя к Стасу, спросила я.

— О ней не беспокойся. Шевелитесь, не ровен час, принесет кого.

Мы торопливо поднялись по ступенькам, Стас шел впереди. Его появление было столь неожиданным, что я еще некоторое время не могла прийти в себя. Механически двигалась, а в голове была пустота. Из транса меня вывел Славка.

— А где охрана? — додумался спросить он.

— Отдыхает.

Я испуганно замерла, повернулась к Стасу и спросила:

— Серега здесь?

— Нет, — усмехнулся Стас. — Позвонил мне и поспешил смыться под благовидным предлогом. Он ведь хорошо знает, чем я занимался до того, как стать преуспевающим бизнесменом. Ты тоже знаешь, Принцеска, — приглядываясь ко мне, добавил он и кивнул удовлетворенно: — Знаешь.

Мы уже были возле входной двери, никакого намека на присутствие кого-либо в доме.

— Димка тоже отдыхает?

— Димка рассудил, что на складе ночью ему делать нечего. А жаль. Я бы с удовольствием отправил его к папе на свидание.

— Как ты нас нашел? — задал очередной вопрос Славка, когда мы оказались на крыльце.

Солнце поднялось над горизонтом, я машинально взглянула на часы: двадцать минут восьмого.

— Проще простого, — ответил Стас на его вопрос. — Димка во всем похож на папочку. Пред-

почитает его излюбленные места. Я звонил тебе часа три назад, — сказал он мне. — По моим подсчетам, вы уже должны были вернуться. Но трубку никто не взял. Вот я и подумал, что вы, скорее всего, гостите у Димки. Прикинул, где вы можете быть, и для начала решил проверить это местечко. Тут как раз Серега и объявился.

— А тебе не пришло в голову, что это ловушка? — нахмурилась я. — Откуда Сереге, к примеру, знать твой номер?

— Я думаю, его хорошо знает Димка. Не так уж трудно раздобыть номер мобильного.

— Тем более...

— Естественно, мысль о том, что меня здесь ждут, пришла в голову, — усмехнулся Стас. — Однако я надеялся, что вас действительно тут держат. К счастью, так и вышло.

Он уверенно направился в сторону складов, мы обогнули ближайший и очутились возле забора. Здесь была калитка, Стас распахнул ее и быстро зашагал по едва заметной тропинке. Мы с трудом успевали за ним.

— Кто такой этот Серега? — с недоумением спросил Славка.

— Парень, что отводил меня в туалет, — объяснила я. — Он когда-то был шофером моего мужа.

— И он решил тебе помочь?

— Ага. Все просто рвутся меня спасать.

— Это тебя огорчает?

— Нет, радует. Особенно то, что ты сохранил свои деньги.

— Да? А меня совсем не радует. Этот тип в ро-

ли спасителя — куда хуже потери денег. Ты не хотела быть мне обязанной, а теперь...

— Повремените с выяснением отношений, — обернувшись к нам, усмехнулся Стас. В тот момент он намного нас опережал, и я надеялась, что наш разговор он не слышит.

Тропинка вывела к покосившемуся строению, в тени которого стоял «Опель». Не так давно мы со Славкой уже видели его, затеяв слежку за Вяловым. Стас сел на водительское кресло, мы — сзади.

— Твоя машина стоит на объездной, недалеко от моста, — сказала я.

— Да хрен с ней, не велика потеря.

«Опель» лавировал между заборами и строениями, похожими на склады. Славка смотрел в окно и сурово хмурился, никакой радости по случаю освобождения в нем не чувствовалось.

— Какого черта мы удирали от погони, если вы все еще в городе? — ворчливо поинтересовалась я.

— К обеду мы будем в Москве, а ближе к вечеру за границей, — равнодушно пожал Стас плечами.

— А если они...

— Перекроют все вокзалы и аэропорты? Вряд ли это Димке по силам. Пока адвокаты займутся наследством, мы проведем время в каком-нибудь приятном местечке. Можно считать это свадебным путешествием. А вот что будет с тобой?

— За нас не переживай, — внезапно обрел голос Славка.

Стас усмехнулся:

— Переживать из-за тебя мне и в голову не придет. Рассчитываешь на отца? — тихо спросил он.

Я пожала плечами. Стас кивнул хмуро, расценив мой жест как отрицательный ответ. И был прав. Причина моего нежелания обращаться к отцу очевидна: мне пришлось бы многое ему объяснять. А я этого не хотела.

— Вряд ли Димка успокоится, — продолжил он. — Для тебя опасно оставаться в городе.

— Ты лучше о себе подумай, — влез Славка. — О Феньке позабочусь я.

— Да ну? — хмыкнул Стас, чем сумел-таки вывести Славку из терпения.

— Пошел к черту! — рявкнул он. — Думаешь, ты один здесь такой крутой?

— Не думаю. Только не очень-то ты похож на парня, способного...

— Она будет в безопасности, — отрезал Славка. — Я найму лучших людей...

— У тебя есть на это деньги? — невинно поинтересовался Малахов.

— Занимать у тебя не собираюсь.

— Успокоил. Ты что, переодетый принц?

— Точно. И в отличие от тебя женщину никогда не подставлю, ковбой хренов.

— Прекрати, — попросила я.

Славка отвернулся в досаде, но через минуту заговорил спокойно:

— Если ты уедешь, Ломакин оставит Феньку в покое. Это вчера ему повезло, мы сами напросились в гости. Особенно пакостить дочке про-

курора никто не позволит. Так что хватать ее на улице или врываться в квартиру он не рискнет. В крайнем случае, придется нам тоже некоторое время пожить за границей.

— Разумно, — кивнул Стас.

Через несколько минут мы въехали в город. Возле супермаркета я увидела свою «Ауди». Стас молча протянул мне ключи.

— Идем, — позвала я Славку, направляясь к машине. Я была уверена, что Стас сразу же уедет, но «Опель» продолжал стоять у тротуара. Я завела мотор, не спеша выехала со стоянки. Когда поравнялась с «Опелем», Стас посигналил фарами.

— Фенька. — Славка схватил меня за руку, а я буркнула:

— Жди здесь.

Перебежала через дорогу, Стас распахнул правую дверь, и я села рядом с ним. Он смотрел прямо перед собой, сложив руки на рулевом колесе, и молчал.

— Озерова действительно убил Вялов? — спросила я, отворачиваясь к окну, чтобы его не видеть.

— А ты думала, я? Зачем?

— Ну, это просто. Деньги.

— Деньги? У меня этого добра столько, что девать некуда, — невесело усмехнулся Стас. — Иногда сижу и думаю, куда их в самом деле деть.

— Но ведь ты был в доме Озерова? — помедлив, сказала я.

— Был. После ресторана я поехал к тебе.

— Зачем?

— Так... хотел поболтать. Сунул Насте в чай снотворное, дождался, когда она уснет, и поехал. В квартире тебя не оказалось. Логично было предположить — ты у Озерова. В байку о том, что ты его любовница, я, конечно, не поверил, но поехал к его дому. Свет горел на первом этаже. Я гадал, один он там или с тобой. В конце концов решил взглянуть. Пошел к калитке за домом и тут увидел, как из нее выскочил какой-то тип и бегом припустил в переулок. Там машина стояла. Он уехал, а я задумался. Очень мне это не понравилось, оттого я и пошел в дом. Обнаружил Озерова с пробитой головой и тебя без чувств, в разорванном платье и с вазой под рукой, которой, скорее всего, хозяина и огрели. Пришлось там все прибрать. Я был уверен, что это Димкина работа: от Озерова избавился и тебя подставил, расквитался за папочку. Очень не хотелось оставлять тебя во дворе, но если бы менты меня вдруг остановили с трупом в багажнике... в общем, пришлось рискнуть и оставить тебя на скамейке у твоего дома, в надежде, что на свежем воздухе ты быстро очухаешься. Если от Озерова Димка избавился, то тачка, которую я видел в переулке, скорее всего, была ворованная, но я все-таки решил номерок пробить. Выяснилось, что тачку никто не угонял, по крайней мере, не заявлял об угоне, а хозяин ее тот самый тип, с которым мы чуть не столкнулись в переулке. Я стал на всякий случай за ним приглядывать. Тут ты поперлась к ментам, едва все не испортив. На фига, спрашивается, я труп прятал, если

ты им рассказала, что была в доме? Пришлось дружески поговорить с парнем, он открыл мне душу и в убийстве сознался, плакал, между прочим, так его разбирало, я простил ему все грехи и проводил к следователю, чтоб он по дороге не передумал каяться.

— Спасибо за рассказ. Ты избавил меня от малоприятных мыслей.

— Насчет Вялова?

— Да. Можно вопрос? Почему ты это сделал?

Стас усмехнулся.

— Вроде бы я твой должник. Когда сматывался отсюда с деньгами, ожидал, что ты сразу побежишь к ментам меня сдавать, чтобы Лешку вытащить. Наплетешь, что я тебя запугивал и все такое, с твоим папой выкрутиться нетрудно. Но меня никто не искал. Выходит, ты промолчала.

— Ага. Тюрьмы боялась. И папу подставлять не решилась.

— Врешь, — резко сказал Стас. Я пожала плечами. — Представляю, как тебе хотелось вытащить Лешку из тюрьмы, но ты... ты...

— Тебе не стоит задерживаться, — перебила я, по-прежнему глядя в окно.

— Пара минут еще есть. Чего не спросишь, как я жил эти годы?

— Надеюсь, счастливо. Ты ведь обещал.

— Обещал, — кивнул он. — Тогда я искренне верил, что с миллионом долларов так и будет. И ты мне была ни к чему. Лишняя обуза. Я мнил себя крутым парнем, а для крутых парней бабы ничего не значат. Одна, другая... какая разница?

Вот только с призами я напутал. Хотя в первые четыре месяца и впрямь чувствовал себя счастливым. Сбылась мечта. А потом... увидел в толпе девчонку, чем-то похожую на тебя. Мелькнула впереди и исчезла. Я, конечно, не верил, что это ты. Откуда тебе там взяться? За тысячу километров, в чужой стране... И все-таки искал ее, долго искал. Она сидела в кафе. Красивая, улыбчивая. Но не ты. Мне хотелось выть от отчаяния. Тогда и стало ясно, какого дурака я свалял. Только спохватился поздно. Само собой, раскисать я себе не давал. Что сделано, то сделано, а сделанного не воротишь. И без тебя распрекрасно проживу. Правда, получалось хреново. Встретил Настю. Хорошая девчонка. Думаю, я на ней женился, чтобы был законный повод сюда вернуться. А когда приехал, твердо решил с тобой не встречаться. Знал, будет только хуже. Но уже в первый вечер потащился к твоему дому, сидел под окнами, как последний кретин... Потом мы поехали к Настиной подруге, и я встретил тебя. Не зря говорят, от судьбы не уйдешь. Вечером я опять был возле твоего дома. Видел, как ты сидишь на балконе...

— Это ты звонил?

— Я. Вот только что я мог тебе сказать? Оттого и решил: чем хуже, тем лучше. Гадостей тебе наговорил, там, в деревне... А ты...

— Все нормально, — поспешно сказала я, не глядя на него. — Тебе пора.

— Да, — сказал Стас и добавил: — Ты поосторожней...

Я кивнула и вышла из машины, Стас тоже вышел, положил руки на крышу «Опеля» и смотрел на меня, а у меня от боли внутренности свело тугим клубком.

— Прощай, Принцеска, — сказал он тихо.

— Прощай, — с трудом выговорила я, торопясь уйти, Стас покачал головой.

— Скажи, что я сволочь, мразь последняя, скажи, что я предал тебя за паршивый миллион. Скажи, мне легче будет...

— Стас...

— Я знаю, такое не прощают. Не то давно бы прибежал в ногах у тебя валяться.

— Представить, как ты в ногах валяешься, довольно трудно, — мягко заметила я. — Не мне тебя упрекать. Вадим был моим мужем, а я его убила.

— Не ты, я.

— Я, Стас, я. Я предала его, так что, выходит, получила по заслугам. А потом, ты ведь предупреждал, что я пожалею. Честно предупреждал.

— И ты пожалела?

Мы стояли и смотрели в глаза друг другу, я первой отвела взгляд.

— Девочку береги, хорошая девочка, тебя любит.

Я пошла к своей машине, стиснув зубы от боли, что криком рвалась наружу. Молчи, Стас, молчи. Потому что, если ты позовешь, я могу не выдержать и рвану к тебе со всех ног, в надежде на свое маленькое счастье. Только прав Славка, не будет счастья, ничего не будет... Жизнь не переиграешь, не перекроишь заново, и за все при-

ходится платить. Тебя где-то ждет девушка, похожая на испуганную птичку, для которой потерять тебя все равно что умереть. Мне ли этого не знать? А в моей машине сидит парень, готовый отдать миллион за сомнительное счастье быть рядом.

Я слышала, как хлопнула дверь за моей спиной, как заработал двигатель, и выдала клоунскую улыбку от уха до уха.

Славка сидел, сосредоточенно разглядывая свои руки.

— Чего вид у тебя похоронный? — спросила я и завела машину.

— Боялся, ты с ним уедешь, — с трудом произнес он.

— С чего вдруг? — удивилась я. — Он женатый мужчина, а я девушка строгих правил.

Литературно-художественное издание

АВАНТЮРНЫЙ ДЕТЕКТИВ Т. ПОЛЯКОВОЙ

Полякова Татьяна Викторовна

И БУДУ ВЕК ЕМУ ВЕРНА?

Ответственный редактор *О. Рубис*
Художественный редактор *С. Прохорова*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Г. Павловой*
Корректор *Н. Овсяникова*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

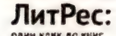
Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.02.2016. Формат 70×90 1/32.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,67.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 11479.

Отпечатано в ООО «Тульская типография».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.



Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department for their orders.

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.*

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса:
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО«РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.
В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев,пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

Полный ассортимент продукции Издательства «Э» можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-83646-8

9 785699 836468 >

16+

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

И БУДУ ВЕК ЕМУ ВЕРНА?

С первого взгляда он ей не понравился. Со второго – стал раздражать. С третьего – она его возненавидела. А с четвертого – влюбилась. Как в омут с головой бросилась Фенька в новое для себя чувство. Не замечала ничего вокруг. Только бы любимый был рядом. Но на пути к счастью стоял муж. И она пошла до конца. Согласилась на все, и… мужа не стало. Фенька поймала счастье за хвост. Теперь нужно лишь удержать. А удержать не получилось. Ее возлюбленному была нужна не она…

ISBN 978-5-699-83646-8